

50-й калибр

Неизв.

50-й калибр

Роберт Шекли

Секретный агент Стивен Дэйн

Роберт Шекли

50-й калибр

Глава 1

Обычно Холлис заканчивал дежурство ровно в полночь. Но сегодня подготовка к утреннему экзамену и кондиционированный уют диспетчерской заставили его забыть о времени. Когда он поднял глаза, было уже четверть первого. Сменщик еще не явился, и это удивило Холлиса.

Он закрыл учебники и вышел из диспетчерской. Был он молод, худощав, отличался спокойным характером и отсутствием чувства юмора. Днем он посещал занятия в университете Майами, а по ночам дежурил. Работа была непыльная, и у него оставалось достаточно времени на учебу. Каждый час он совершал обход четырех освещенных прожекторами складов «Майами-Юг Экспорт». На боку у него болталась кобура с револьвером – этого требовала страховая компания. Холлис даже никогда не проверял, заряжено ли оружие. В этом не было надобности, потому что никому в здравом уме и в голову не придет красть тяжелые тюки хлопка и джута или неподъемные ящики с оборудованием.

Он еще раз обошел склады. Револьвер бил по бедру, и это было неприятно. Холлис гадал, что же могло случиться со сторожем,

дежурившим с полуночи до восьми утра. Старый Ханмейр всегда был пунктуален, хотя особым умом не блистал.

Ладно, что бы там ни случилось... Сегодня ночью не намечалось никаких поступлений груза, и потому Холлис решил запретить диспетчерскую и отправиться домой. Он вышел на подъездную дорогу, которая вела от склада номер четыре к Майамскому шоссе, чтобы посмотреть, не идет ли Ханмейр, и решил подождать старика еще пятнадцать минут. Если он задержится дольше, то опоздает на последний автобус в Корал-Гейблс.

Холлис прошел несколько ярдов и остановился. С шоссе на подъездную дорогу свернул автомобиль и затормозил рядом с ним.

– Привет, Холлис, – сказал водитель.

Холлис заглянул в машину и узнал в водителе Джима Моррисона. Джим служил в полиции Майами, в дорожном патруле. Как и Холлис, он был родом из Энн-Арбор, штат Мичиган. Иногда – когда позволяли обязанности – они вместе играли в кегли.

– Заехал, чтобы подвезти тебя домой, – сообщил Моррисон. – Но мне казалось, что тебя уже здесь нет.

– Мне давно пора было уйти, – согласился Холлис. – Но Ханмейр все еще не пришел.

– Ну, ты за это не в ответе, – хмыкнул Моррисон. Он был грузного телосложения мужчиной, с бычьей шеей и красным лицом. Даже в спортивных штанах и рубашке он выглядел как настоящий полицейский.

В сотне ярдов от них на скоростном шоссе притормозил, мигая поворотными огнями, огромный грузовой трейлер. Шурша шинами, он свернул на подъездную дорогу к складу номер один.

– Вот это да, – сказал Холлис.

– Что в этом странного?

– Мне ничего не говорили о том, что сегодня ночью будут что-либо привозить или забирать. Полагаю, мне следует вернуться и проверить их путевой лист.

– Я подожду, – сказал Моррисон, – только недолго.

– Я всего на минутку, – отозвался Холлис.

Он направился обратно к складам, наслаждаясь бархатной чернотой майамской ночи. Вдоль дороги росли королевские пальмы. Их листья слегка шуршали, покачиваясь в потоках бриза. Холлис любил этот шорох.

Грузовик развернулся на широкой бетонной площадке и задом подъехал к погрузочной платформе. Холлис определил, что это новая полудизельная машина – красная кабина, серый кузов, украшенный елочной гирляндой. Из машины вышли шесть или семь грузчиков – большая бригада. В лучах прожекторов, светивших из-под крыши склада, Холлис отчетливо увидел, как водитель открыл дверь кабины и вышел наружу. Мотор остался работать на холостом ходу.

– Привет, – сказал Холлис.

– Привет, – отозвался водитель. – Это ведь склад номер один?

Холлис кивнул, хотя вопрос был странным. На обеих створках ворот красовалась огромная цифра «1».

Грузчики открыли раздвижные ворота. Все они по виду смахивали на латиноамериканцев. Холлиса это не удивило. С тех пор, как пало правительство Батисты, в Майами было полно кубинцев. Зато его удивило то, как они были одеты. Их одежда подошла бы скорее морякам, чем грузчикам.

– Ты сторож? – спросил водитель. Он был долговязым и черноволосым, с огромным носом и кустистыми бровями. Холлису показалось, что водитель отчего-то нервничает.

– Что это вы так поздно? – спросил Холлис.

– Изменения в расписании. Кому-то срочно понадобилось забрать товар нынче ночью.

– Какой товар?

– Груз А-42, – ответил водитель. Холлис кивнул. Груз А-42 – это партия тяжелого сельскохозяйственного оборудования. Предполагалось, что ее заберут утром.

– Путевой лист есть? – спросил Холлис.

Водитель вынул из кармана рубашки листок бумаги оранжевого цвета и протянул Холлису. Тот посмотрел на листок и кивнул. Он уже отдал было листок обратно, но вдруг отдернул руку, вспомнив что-то.

– В чем дело? – спросил водитель. Вопрос был задан опасно резким тоном.

– Здесь нет второй подписи, – сказал Холлис.

– Не понимаю, о чем речь? – отозвался водитель. Грузчики уже подтащили первый из девяти огромных деревянных ящиков. В задней части грузовика был установлен гидравлический подъемник. Рабочие подняли ящик и втолкнули его в кузов.

– Видите, – объяснил Холлис, – вот здесь стоит подпись мистера Райерсона. Но второй подписи нет. Еще должна была расписаться миссис Дрисколл. Она заведует бухгалтерией.

Он показал водителю, где должна стоять подпись миссис Дрисколл. Быть может, старый Ханмейр и не заметил бы этого упущения.

Водитель еще раз изучил документ и почесал в затылке.

– Ни о какой второй подписи не знаю.

– Такова форма, – ответил Холлис.

– Но посмотрите, Райерсон подписал эту бумагу. Он же президент компании!

– Конечно. Но на любом документе такого рода должна стоять вторая подпись, иначе он недействителен. Прошу прощения, но без подписи миссис Дрисколл вы не можете забрать этот груз.

Водитель, казалось, был сбит с толку. Один из грузчиков подошел и тоже уставился на бумагу. Это был невысокого роста человек с темным угрюмым лицом. Тонкий ножевой шрам пересекал его висок, теряясь в волосах.

– Что не так? – спросил он.

– Нет второй подписи, – сказал водитель. – Ты знаешь что-нибудь об этом, Хуан?

– Все, что я знаю, – отозвался Хуан, – это то, что чертова посуда отчаливает ровно в четыре часа ночи и этот груз должен быть на ее борту. Господи, всегда что-нибудь идет не так.

– Посмотрите, – обратился водитель к Холлису, – ведь есть же подпись Райерсона. Разве этого не достаточно? Я потеряю работу, если сегодня ночью не доставлю этот груз на судно.

– Ну... – Холлис снова взглянул на путевой лист. Бланк был обычным, заполнен был правильно. Респись Райерсона выглядела подлинной. У Холлиса не было реальных полномочий задерживать груз, и, уж конечно, он не мог сделать этого из-за мелкой формальности. Он решил – пусть все идет как идет.

Водитель сказал:

– Уверен, что мы все уладим, – и извлек аккуратно сложенную десятидолларовую банкноту.

Если бы на месте Холлиса был Ханмейр, это действительно уладило бы все. Но сейчас попытка подкупа привела к прямо противоположному результату.

– Извините, – твердо сказал Холлис. – Полагаю, что мне следует позвонить мистеру Райерсону. Если он скажет «ладно» – значит, ладно.

Водитель пожал плечами. Холлис подошел к телефону-автомату, висевшему на стене, и сунул в щель десятицентовик. Начав набирать номер, он краем глаза заметил крадущуюся к нему черную тень. Он инстинктивно отпрянул в сторону, и дубинка врезалась в стену рядом с ним.

– Уберите его, живо! – приказал Хуан.

Рабочие двинулись к Холлису. Он попятился. Прежде чем он успел расстегнуть кобуру и выхватить револьвер, он увидел, что водитель наводит на него большой черный автомат. «Это неправда, так не бывает», – подумал Холлис. Водитель выстрелил, и Холлис почувствовал, как что-то с невероятной силой ударило его в грудь, отбросив к стене.

Он сполз на бетонный пол. Теряя сознание, он услышал, как шофер сказал:

– Черт возьми, все идет наперекосяк. Мне сказали, что дежурить будет старик.

– Надо погрузить остальной товар, – напомнил Хуан.

– Кто-то идет.

Моррисон бежал к ним с револьвером в руке.

– Стоять! Всем стоять! – кричал он.

– Грузите, – сказал водитель, – я им займусь.

Грузчики скрылись за контейнерами с грузом, а водитель запрыгнул в кабину своего грузовика. Моррисон вбежал на погрузочную платформу, его револьвер был направлен на шофера.

– Руки вверх, – скомандовал Моррисон. – Что, черт побери...

Он не успел договорить – шофер открыл по нему огонь из окна кабины. Он стрелял из автомата системы «браунинг», и длинная автоматная лента дергалась у его локтя. Пули с визгом рикошетили от бетонной площадки.

Моррисон отреагировал быстро. Он повернулся и побежал, пытаясь укрыться за стволами пальм от пуль и безжалостно

яркого света прожекторов. Но водитель стрелял теперь более прицельно, и, прежде чем полицейский успел отбежать достаточно далеко, одна из пуль настигла его. Моррисон хотел спрятаться за пальмой, но ее тонкий ствол был плохим прикрытием. В отчаянии он открыл ответный огонь, целясь в кабину. Пули врезались в ствол пальмы, сдирая тонкие полоски коры. Моррисон упал. Шофер дал по нему еще одну очередь, а потом у него кончились патроны.

– Грузите! – заорал он. – И сваливаем отсюда!

Рабочие втащили в кузов последний ящик. Потом сами забрались в грузовик и захлопнули дверцы. Водитель включил скорость и вырулил с платформы. Выхав на шоссе, грузовик направился на юг.

Глава 2

Приемная компании «Майами-Юг Экспорт» была точно такой же, какой ее запомнил Торнтон. Оштукатуренные стены бежевого цвета казались холодными, кресла по-прежнему были обтянуты прочным коричневым твидом. Сидевшая за серой стальной конторкой миссис Хатчинс – ничуть не изменившаяся с прошлого раза, аккуратная и чопорная, – кивнула в знак официального приветствия.

– С возвращением вас, мистер Торнтон.

– Благодарю. Я тоже рад возвращению.

Она нажала кнопку на своем телефоне, произнесла несколько слов, а потом положила трубку.

– Мистер Райерсон примет вас, подождите минутку. Полагаю, вы уже слышали о постигшем нас несчастье?

– Да, – отозвался Торнтон, – я купил в Лондоне майамскую газету. Но она была нескольких дней давности.

– Мистер Райерсон расскажет вам. Поверьте, это ужасно. – Ее телефон звякнул. – Можете пройти.

По сравнению с прошлым разом Райерсон выглядел постаревшим и обмякшим. Вокруг бульдожьего рта появились усталые складки, а в коротко стриженных рыжеватых волосах поблескивала седина. Райерсон сидел за столом, заваленным погрузочными документами и прочими бумагами. Коллекция трубок в подставке орехового дерева покрылась пылью. Огромная уродливая пепельница – образец африканской керамики – была полна окурков.

Не обошлось, конечно, без предисловий.

– Ну, Билл, ты хорошо поработал.

– Спасибо, сэр.

– Я изучал твои рапорты. Чудесно, просто чудесно. Начинай думать о том, как потратить вознаграждение. Ты в самом деле считаешь, что Мухади Сингх заслуживает доверия?

– Да, я так считаю. Он весьма целеустремленный молодой

человек, и многие поколения его предков занимались торговлей в Калькутте.

– Чудесно, чудесно... – Предисловия были завершены. Индия была на расстоянии восьми тысяч миль, и эта волшебная земля слонов и пряностей не имела отношения к настоящим неприятностям, случившимся здесь, дома. – Полагаю, ты слышал о том, что у нас тут произошло?

– Слышал, – ответил Торнтон. – В газете, которую я прочел в Лондоне, говорилось, что мальчишка Холлис находится в критическом состоянии.

– Теперь думают, что он выкарабкается. Я видел его вчера в больнице, и, судя по всему, он выживет. Но полицейский мертв.

– У полиции есть какая-нибудь версия о том, кто это сделал?

– Они мне не говорили, – сказал Райерсон. – Полиция и окружная прокуратура не слезают с нас с той самой ночи. Страховое расследование. Федеральное правительство ведет следствие... Билл, мне кажется, они собираются отозвать нашу лицензию.

– Почему?

– Слишком много подобных событий происходит в Майами. Они ищут, кого бы прижать для примера, чтобы другим неповадно было.

– Но почему нас?

– Они считают, что это было работой нашей конторы. – Райерсон соединил кончики коротких пальцев. – По словам Холлиса, их путевой лист был в порядке. С подписью, похожей на мою. Они приехали за неким грузом, они знали его складской номер. Они знали, в каком складе он размещен. Они знали, когда его должны были забрать согласно расписанию. Все было верно – кроме отсутствия второй подписи.

– Все это ничего не доказывает.

– Ничего. Но чертовски похоже на то, что те, кто это сделал, знакомы с нашими порядками не понаслышке. Билл, с тех пор, как это произошло, у нас побывали следователи всех рангов и ведомств. Бюро внутренних расходов заново просматривало все книги. Агенты ФБР вежливо говорили по телефону. Господи, можно подумать, что они действительно тратят свое время на то, чтобы выследить тех, кто это с делал, вместо того, чтобы выявить, что я сам организовал это ограбление.

– Они не предъявят вам такое обвинение.

– Конечно, нет. Но пока суд да дело, мы теряем клиентов. А уж коли вмешались федеральные власти, то бог весть когда это все кончится. – Он взял со стола слегка помятый листок белой бумаги. – Меня просят оказать максимальное содействие мистеру Стивену Дэйну, специальному агенту Департамента финансов. Он прибудет в аэропорт Майами сегодня вечером и остановится в отеле «Бронсон».

– Что вы намерены делать?

Райерсон ответил не сразу. Он сидел, сжимая в пальцах бумагу с

печатью Департамента финансов. На лице у него было такое выражение, словно он держал в руках свой собственный смертный приговор. Подняв наконец глаза от бумаг, Райерсон сказал:

– Все и каждый суют свой нос в это дело. Просто какой-то следовательский сезон. Я полагаю, что нам самим пора выяснить кое-что. Билл, я хотел бы поручить это тебе.

– Прошу прощения?

– Я хочу, чтобы ты провел следствие по делу о похищении и убийстве, действуя в интересах нашей компании, как ее представитель.

– Но я ничего не знаю об этом! – воскликнул Торнтон. – Не лучше ли будет нанять частного детектива?

– Не лучше. Во-первых, я им не верю. Во-вторых, частный детектив не сможет проделать ту особую работу, которую я хочу поручить тебе. Билл, я хочу, чтобы ты послужил интересам компании.

– Но почему я? Я больше года провел за границей.

– Именно поэтому, – ответил Райерсон. – Никто не сможет заподозрить тебя в соучастии. Ты можешь сотрудничать с различными агентами, вовлеченными в это, в частности – с мистером Дэйном. Ведь это же естественный шаг с нашей стороны, не так ли? Что же касается тебя, то ты уж сможешь отстоять интересы компании. Я не жду, что ты выяснишь, куда ушел похищенный груз или кто убил полисмена. Но ты должен проследить, чтобы нас не обвинили только потому, что властям нужно обвинить хоть кого-то.

– Следить за следователями? – спросил Торнтон.

– Что-то в этом роде. Я знаю, что тебе положен отпуск, но мы позаботимся об этом после того, как все кончится. Ты возьмешься за это, Билл?

Торнтон зажег сигарету, чтобы выиграть время на раздумье. Он по себе знал, насколько нежелательно связываться с компанией, находящейся под государственным следствием. Если будет доказано соучастие в преступлении хоть кого-то из администрации, весь персонал фирмы окажется под подозрением. Учитывая обстоятельства, найти другую работу будет сложно. Но сейчас, сразу после нескольких успешно выполненных поручений за границей, он может уйти из «Майами-Юг» и устроиться на приличную должность. Это будет весьма практичным поступком, а Торнтон старался, хотя и не всегда успешно, действовать практично.

С другой стороны, за ним числится долг лояльности по отношению к «Майами-Юг». Не очень большой долг – Торнтон работал на компанию только два года. Но Райерсон обеспечивал ему быстрое продвижение по службе и не скупился на оплату и премии. «Майами-Юг Экспорт» была хорошей компанией.

И, наконец, Торнтон не мог поверить, что кто-то из администрации компании был замешан в преступлении.

– Я займусь этим, – сказал он.

– Я ценю твой выбор, – отозвался Райерсон. – В самом деле ценю, Билл. – Он протянул Торнтону папку. – Вот тут вся собранная нами информация. Может быть, ты что-то сможешь из нее

извлечь. Поводи этого мистера Дэйна вокруг складов, покажи ему все. Нам нечего скрывать.

– Хорошо. И любую информацию, которую я разыщу сам...

– Используй ее так, как сочтешь нужным, – твердо ответил Райерсон. – Не скрывай ничего. Естественно, я не могу поручиться за каждого клерка или грузчика. Но я абсолютно уверен в руководстве и верхнем эшелоне персонала компании.

– Я буду иметь это в виду.

– И еще, Билл...

– Да, сэр?

– Не допускай ни единого промаха. Эти негодяи убили человека. Вряд ли они будут церемониться, если им понадобится убить еще кого-нибудь.

Торнтон кивнул и вышел из кабинета. Снаружи царил липкая жара – в Майами был сентябрь. Торнтон взял такси и поехал в отель, где он остановился. Сегодня утром он отправил багаж в отель прямо из аэропорта и еще не успел распаковать его. Именно этим он сейчас и занялся, методично раскладывая одежду на одной из двух кроватей, стоявших в номере. Покончив с этим, Торнтон принял душ. После душа, натянув шорты, он открыл полученную от Райерсона папку и принялся изучать ее содержимое.

Билл Торнтон мог бы стать преемником своего дяди, владельца

токарно-штамповального предприятия в Уотербери, в Коннектикуте. Но Вторая мировая война заставила его прервать обучение и вкусить всех прелестей дальних странствий. Закончив в 1943 году школу младшего офицерского состава, он был направлен в Индию, в 112-й дивизион. Там он составлял платежные ведомости по оплате работы туземцев. У него был врожденный талант к языкам и присущее уроженцам Новой Англии смешанное чувство тяги и неприязни к экзотике. Он на практике приобрел немалые познания в хинди, а затем, когда дивизион перевели в Рангун, – еще и в бирманском языке. После окончания войны Торнтон подумывал о том, чтобы остаться в Индии – в качестве младшего совладельца Калькуттской торговой компании.

Но этот шаг был сочтен непрактичным, и Торнтон отказался. В 1946 году он вернулся в Соединенные Штаты, отучился последний год в Йельском университете и устроился на работу в «Трансмировой Импорт» в Филадельфии. Это было хорошее место, но над Торнтоном тяготело проклятие – тяга к перемене мест. Печальный, затянувшийся финал его женитьбы не улучшил положения. Торнтон уволился из «Трансмирового», несколько месяцев после развода провел в Мексике, потом получил работу в торговой корпорации «Эдгар Джонсон» в Нью-Йорке. Это дело завершилось скандално, в сопровождении черного урагана газетных заголовков. Почти восемь месяцев Торнтон был безработным, а потом встретил Джо Райерсона. «Майами-Юг» активно пыталась завести торговые связи со странами Ближнего Востока. Торнтон немедленно был направлен на «выездную работу», которой и занимался в дальнейшем.

Был он спокойным человеком среднего роста и плотного сложения. Несмотря на свои тридцать семь лет, он сохранил в себе что-то от мальчишки, и это «что-то» не смогли вытравить ни годы, ни странствия. Говоря об «американской наивности», циники-европейцы, должно быть, имели в виду таких, как Торнтон. Возможно, они ощущали в нем отсутствие склонности к самоанализу; возможно, недолюбливали Торнтона за впечатлительность, невзирая на то, что впечатлительным он не был. Со своей стороны, Торнтон считал себя деловым человеком, и это подтверждалось наличием счета в банке.

И все же порой деловой Торнтон уступал место Торнтону – любителю экзотики, человеку, который наиболее полно чувствует жизнь, находясь вдали от невидимых жестких границ собственного дома, под чужим небом, среди замкнутых смуглолицых представителей чужого народа.

И теперь, склонившись над газетными вырезками, повествующими о бандитском налете на склад, Торнтон ощущал непривычную мелкую дрожь. Он собирался заняться детективной работой.

Груз А-42 – партия тяжелой сельскохозяйственной техники, назначение – Венесуэла. Производитель – «Бойс Дармин», Бирмингем, штат Алабама. Заказчик – компания «Артуро Делакур, Юж. Ам.», главный офис находится в Мехико-Сити, филиалы – в Гаване, Сиудад-Трухильо, Монтеррее и Майами.

Полиция, несомненно, уже проверила майамский филиал. И все же нелишним будет самому сходить туда и посмотреть, нельзя ли отыскать еще что-нибудь.

Торнтон оделся в легкий костюм. Из внутреннего кармана своего чемоданчика он извлек короткоствольный смитвессоновский револьвер 38-го калибра. Это оружие он приобрел для поездки в Индонезию. До сих пор он только один раз брал его с собой, выходя на улицы Джакарты. Ему запомнилась неприятная тяжесть наплечной кобуры. Тогда Торнтону казалось, что каждый встречный видит ее очертания под пиджаком.

Он взвесил револьвер на ладони и решил, что это ребячество. Оружие ни разу не понадобилось ему в Индии, Бирме, Индонезии. Почему же он вспомнил о нем в Майами?

Он сунул револьвер обратно в чемоданчик и вышел из отеля.

Глава 3

Поток денег с Севера, устремившийся в южную Флориду, не затронул улицу Оливеда. Это была одна из тех медленно умирающих и загнивающих, а в прошлом деловых артерий города, каких в Майами немало. Турист, забредший сюда в поисках приключений, был бы очень удивлен. Возможно, удивление было бы горьким – эта улица многим напоминала о доме. Торнтон припарковал взятую напрокат машину между молочным фургончиком и побитым «Плимутом». Заперев дверцу автомобиля, он направился мимо забегаловки под открытым небом, прячущейся в скупой тени чахлой пальмы, мимо магазина деликатесов, мимо магазина сантехники к небольшому зданию, полностью арендованному под офисы. Компания «Артуро Делакур, Юж. Ам.» размещалась на первом этаже.

Торнтон зашел внутрь. Офис был большим и сумрачным. Барьер высотой по пояс взрослому мужчине делил помещение на две части. Большой потолочный вентилятор разгонял по комнате горячий воздух и дым сигар. В дальней части комнаты две темноволосые девушки работали за пишущими машинками, а третья празднично стояла у окна. За конторкой в ближней половине сидел мужчина и хмурился, глядя в книжку комиксов. Потом он с отвращением отбросил ее и встал. Ростом он был примерно пять с половиной футов, глаза у него были черные, кожа – нездорового желтоватого цвета. Одет он был в элегантного покроя костюм неоновосинего цвета, экзотически сочетавшийся с черным шелковым галстуком и туфлями из крокодиловой кожи.

– Могу я помочь вам, сэр?

Торнтон представился и предъявил свои рекомендации от «Майами-Юг Экспорт».

– Меня зовут Эдуардо Энрикес, – сказал элегантный человечек. – Я заместитель управляющего этого филиала компании «Делакур».

– Могу я поговорить с управляющим?

– К сожалению, сеньор Монтемайор находится в Гаване. Он лично руководит всеми закупками, контрактами, договорами на перевозку и тому подобными делами. Быть может, вы зайдете через неделю?

Торнтон объяснил, что он не собирается покупать или продавать что-либо; его интересует информация касательно похищения груза А-42.

– Но похищение было совершено не у нас, – возразил Энрикес. – Какая информация может быть у меня?

– Ну, видите ли, довольно необычно, что кто-либо мог похитить одну-единственную партию тяжелой сельскохозяйственной техники и совершенно не обратить внимания на все остальные товары, хранящиеся на складе. Я ищу возможные мотивы.

– Да? – переспросил Энрикес. Он был похож на некоторых азиатов, которых приходилось встречать Торнтону: вежливый, непроницаемый, намеренно тупой.

– Полагаю, в вашем бизнесе есть конкуренты?

– Да, есть несколько. Но эта техника не была дефицитом. Мы

можем вновь заказать и получить отправление в течение десяти дней. Чтобы нанести нам ущерб, конкуренты должны были похитить машины после того, как мы забрали их со склада. – Энрикес улыбнулся. – Возможно, мистер Торнтон, вам следует поискать среди ваших собственных конкурентов.

– Мы этим занимаемся, – ответил Торнтон. – Но мы хотим убедиться, что ничто не ускользнуло от нашего внимания. Не принесет ли вам какие-либо неприятности задержка с доставкой?

– Ничего серьезного.

– А в прошлом ваши грузы проходили через нашу компанию?

– Несколько раз в прошлом году. Почему вы спрашиваете?

– Обычная проверка, – отозвался Торнтон. – Мы проверяем производителя и отправителя в равной степени. Должна быть какая-то причина, по которой похитили только этот конкретный груз.

– Может быть, – сказал Энрикес. – А может быть, и нет.

Эта игра в вопросы и ответы явно наскучила ему. Одна из девушек взяла со своего стола стопку писем и подошла к управляющему.

– Вот эти письма готовы к отправке, сеньор Энрикес.

Девушка была очень симпатичной – стройная худощавая латиноамериканка, длинные черные волосы изящно обрамляют овальное лицо, твердый и печальный изгиб губ несколько сглаживает впечатление «девушки с картинки», создаваемое безупречными чертами.

– Очень хорошо, – ответил Энрикес. – Займитесь этим, Эстелла. И, пожалуйста, купите конвертов для отправки авиапочтой.

Девушка вышла. Энрикес повернулся к Торнтону:

– Что-нибудь еще?

– Еще один вопрос. У вас когда-либо похищали грузы после того, как вы их получили?

– Нет.

– А до получения?

– Никогда.

– Благодарю вас, – сказал Торнтон. Он оставил управляющего, который вновь принялся за чтение комиксов, и вышел на улицу. Он испытывал недовольство и досаду. Это было весьма посредственное начало для его детективной карьеры.

...Он зашел в забегаловку под пальмой и заказал кофе. Кофе был столь же горьким, как и думы Торнтона. Никаких подозрений,

никакого ключа, никакого следа, по которому мог бы пойти одаренный самоучка. Быть может, ему следовало подождать, пока Стивен Дэйн не прибудет в Майами. Быть может, ему вообще не следовало браться за это дело.

– Мистер Торнтон?

Он повернулся и увидел, что за соседним столиком сидит девушка из офиса «Делакура». Она по-прежнему держала в руках стопку писем. Он вспомнил ее имя: Эстелла.

– Вы пытаетесь найти похищенный груз?

– Моя компания несет за него ответственность, – ответил Торнтон. – Конечно, я хочу его найти.

– И вы в одиночку занимаетесь таким делом?

У Торнтона сложилось впечатление, что она ждет от него какой-то кодовой фразы, какого-то пароля. Он сказал:

– Я работаю вместе с мистером Стивеном Дэйном.

Несколько часов спустя эти слова стали чистой правдой.

– Вы будете осторожны с полученной информацией? Я не хотела бы, чтобы мистер Энрикес узнал, что я говорила с вами.

– Я буду чрезвычайно осмотрителен.

Она настороженно посмотрела на него, и Торнтон понял, что она пытается оценить, насколько на него можно положиться. Он решил, что она скорее красива, нежели просто миловидна. Она была в белой блузке и черной юбке, и во всей ее стройной фигуре чувствовалось напряжение – держалась она очень прямо. Судя по ее взгляду, Торнтон произвел на нее не больше впечатления, чем ящерица, греющаяся на солнцепеке.

Неожиданно она произнесла:

– Мистер Торнтон, вы можете найти похищенный груз в заброшенном складе у пересечения шоссе номер 13 с Фламинго-роуд. Вы знаете, где это?

– Найду. Откуда вам это известно?

– От друзей, – ответила Эстелла. – Но вам не следует говорить, что вы узнали это от меня. Я могу потерять работу.

– Не понимаю, почему?

– В компании «Делакур» не одобряют вмешательства женщин в такие дела. Им не понравится, что у меня есть друзья, располагающие такими сведениями.

Торнтону это показалось не очень-то убедительным. Но он кивнул и спросил:

– А как я объясню, откуда мне это известно?

– Возвращайтесь в отель. Оставайтесь в своей комнате примерно в течение получаса. Потом вы можете сказать, что вам позвонил по телефону какой-то мужчина, отказавшийся назвать себя. Мужчина говорил с легким немецким акцентом. Это звучит достоверно, не так ли?

– Великолепно, – отозвался Торнтон. – Почему же этот мужчина, говоривший с немецким акцентом, решил поделиться со мною сведениями?

Эстелла пожала плечами:

– Он не сказал. Никто не спросит об этом. Сведения часто приходят таким путем.

– И вы узнали это от своих друзей?

Эстелла кивнула.

– У вас интересные знакомые.

– Вас это не касается, мистер Торнтон.

– Хорошо, – сказал Торнтон. – Мне позвонил некто злобный, лысый, говорящий с немецким акцентом, хромой, со шрамом на левой щеке.

– Такие подробности необязательны. – Неожиданно Эстелла улыбнулась. – До свидания, мистер Торнтон. Пожалуйста, будьте очень осторожны.

Торнтон смотрел ей вслед, отдавая дань восхищения ее стройным ногам и прямой осанке. Она была прелестной девушкой, хотя, пожалуй, чересчур сдержанной, к тому же понимающей все буквально. Возможно, в этом было повинно испанское воспитание. На ум ему пришли рассказы об уединенных асиендах и строгих дуэньях. Он представил себе милую, очень серьезную девочку, которая ходила к обедне в белых перчатках и много размышляла о божественном. Торнтон гадал, каким образом она могла узнать о местонахождении груза, – если допустить, что ее информация была правдивой. Быть может, у нее есть приятель, как-то связанный с подонками общества? Эта мысль ему не понравилась. Эта девушка была такой славной, она не могла быть замешана в подобных вещах – и дуэнья никогда не позволила бы ей этого.

Он допил кофе и вернулся к своей машине. Двадцать минут спустя он исхитрился отыскать место для парковки возле отеля. В номере он снял пиджак, закурил сигарету и снова перечитал имеющуюся информацию по грузу А-42. Он не нашел ничего, что не было бы ему известно прежде. Развернув карту дорог штата Майами, он нашел место пересечения шоссе номер 13 и Фламинго-роуд. Это место находилось примерно в пятидесяти милях от делового центра Майами по направлению к Черному мысу.

Торнтон свернул карту и спросил себя, стоит ли ему обращаться в полицию? Или ему следует подождать до вечера и сообщить информацию этому типу, мистеру Дэйну?

Возможно, это было бы наиболее разумным выходом. Но если груза там не окажется – а это вполне вероятно, – то Торнтон поставит себя в дурацкое положение с этой историей о человеке с

немецким акцентом. Будет лучше сперва убедиться хотя бы в том, что заброшенный склад вообще существует. В качестве компромисса он может написать Дэйну записку и оставить ее у портье.

В тот момент это показалось ему хорошей идеей.

Глава 4

Было далеко за полдень, когда Торнтон доехал до перекрестка Фламинго-роуд и шоссе номер 13. В этом регионе некогда процветало фермерское хозяйство, но теперь земля истощилась, и поля зарастали низенькими сосенками и приземистыми пальмами. Поблизости виднелся нежилой дом с остатками фруктового сада перед ним. За домом располагался неработающий мотель, а за мотелем Торнтон заметил склад. Здание одиноко высилось у грунтовой дороги, в пятидесяти ярдах от шоссе.

Торнтон медленно двинулся по грунтовке. Он выкатился на потрескавшуюся бетонную площадку, окружавшую склад, и проехал вокруг здания на второй скорости, готовый в случае чего немедленно рвануть прочь.

Ничего не случилось. Торнтон с первого взгляда понял, что здание склада едва не разваливается на глазах. Сосновая обшивка стен покорибилась и выгорела на солнце, изъязвленные железные листы на крыше были темными от ржавчины. Торнтон вышел из машины, оставив мотор работать, и направился к двустворчатым воротам склада. Обе створки изрядно просели на петлях, но ворота были заперты на новенький висячий замок.

Это было любопытно. Окна здания были заколочены. Торнтон попытался заглянуть в щель между досками, но увидел только

отражение собственного глаза в пыльном стекле. Торнтон обошел здание вокруг. В десяти футах над землей он заметил выбитое окно. Он влез на помятый контейнер для мусора и заглянул внутрь склада.

Одна-единственная тусклая лампа, свисающая на проводе с потолка, отбрасывала неширокий круг света. Под лампой на канистрах из-под нефти сидели два человека. Они играли в карты, используя в качестве стола третью канистру. Рядом с ними стояли маленький примус и несколько винных бутылок. У стены были аккуратно расставлены ящики. В темноте смутно вырисовывались очертания огромного грузовика.

– Отлично, – произнес голос позади Торнтона. – Повернись-ка, только медленно.

Торнтон оглянулся и увидел высокого человека в черной куртке. Особыми приметами этого человека были кустистые брови и огромный нос. В руках у него был автомат – похоже, армейский. Должно быть, он вышел из-за угла – бесшумной походкой крадущегося кота. Торнтон стоял в десяти футах от мусорного контейнера – быть может, удастся допрыгнуть...

– И не пытайся, – сказал человек, прочитав намерения Торнтона по напрягшимся мускулам ног. – Просто медленно слезай вниз.

Торнтон спустился на землю, оказавшись лицом к лицу с этим типом. Чувствовал он себя отвратительно. Долговязый упер ствол автомата в бок Торнтона и наскоро ощупал его карманы.

– Ладно, пошли. Сюда, вокруг.

Он привел Торнтона к боковому входу и толкнул его внутрь.

Несколько секунд спустя глаза Торнтон привыкли к полумраку. Стали различимы очертания погрузочных тележек и каких-то тюков; огромной тенью нависал грузовик. Торнтон заметил, что игроки закончили очередную партию и отложили карты. Оба они были в шляпах, и падавший сверху свет оставлял их лица в глубокой тени.

– Теперь отвечай, – сказал человек в куртке, – зачем Эберхарт послал тебя?

– Я не знаю, о чем вы говорите. Я просто проезжал мимо и подумал...

– Заткнись. Анхел, возьми его бумажник.

Теперь Торнтон увидел, что остальные двое были латиноамериканцами. Один из них, низенький и коренастый, вытащил у Торнтон из кармана бумажник и отдал его человеку в куртке. Тот просмотрел содержимое и вернул бумажник Торнтону.

– У тебя тут удостоверение от «Майами-Юг».

– Конечно, – отозвался Торнтон. – Я работаю на них.

– Таким удостоверением легко обзавестись. У меня самого их два. Откуда мне знать, что тебя послал не Эберхарт?

– Я даже не знаю, кто это такой.

По-видимому, человек в куртке обдумал это заявление, но ничего по этому поводу не сказал. Он спросил:

– Как ты нашел это место?

– Это было не так уж трудно. Проверяются все склады в радиусе двадцати пяти миль от Майами. Я просто наткнулся на это место первым.

– Ты лжешь.

Торнтон пожал плечами:

– Подождите и увидите сами. Полиция будет здесь через полчаса, если я не вернусь и не доложу.

– Я все же полагаю, что ты лжешь, – сказал человек в куртке. Но на сей раз его слова звучали менее уверенно. – Руки на голову. – Он обернулся к латиноамериканцам: – Нам лучше уносить отсюда ноги. В любом случае уже пора.

Анхел кивнул. Второй спросил:

– А что делать с ним?

Этот второй был низкорослым, тощим и смуглым. Тусклый свет лампы выхватывал из темноты старый ножовой шрам, пересекающий его висок.

– Полагаю, у нас нет особого выбора, – ответил человек в куртке. – Мы оставим его и его машину здесь, в здании. Пройдет не меньше двух дней, прежде чем его найдут. Может быть, даже пара недель. – Говорил он спокойно и рассудительно – как человек, который ищет, куда бы поместить неудобный груз. Торнтон понял, что его смерть – дело решенное.

– А как насчет полиции? – спросил Хуан.

– Я думаю, что он лжет касательно обыска складов. А если даже и не лжет, что нам еще с ним делать? – В холодном голосе проскользнула нотка сожаления относительно сложившейся ситуации, но логика диктовала единственный выход.

– Хорошо, Роджер, – согласился Хуан.

Человечек со шрамом направился к грузовику. У Торнтона было время в деталях представить собственную смерть. Он не чувствовал страха, только странное оцепенение. Но какая-то часть его мозга холодно взвешивала шансы, учитывала то, что он один, а противников – трое. Эта часть сознания верила, что для любой мыши отыщется спасительная норка, если у мыши хватит ума найти ее. Торнтон потихоньку продвигался вперед, пока не оказался прямоком под лампочкой. Его ноги слегка подрагивали. Хуан скрылся в кабине. Через несколько секунд двигатель кашлянул, оживая. Хуан добавил оборотов, потом заглушил двигатель, затем включил снова. Из выхлопной трубы вырвалось облачко дыма. Роджер слегка повернул голову в ту сторону.

Торнтон избрал именно этот момент, чтобы начать действовать. Он сжал в замок руки, лежащие на голове, потом прыгнул и с размаху ударил по лампочке кольцом выпускника колледжа, которое носил на левой руке. Лампочка разбилась, и склад затопила темнота. Торнтон упал на пол за миг до того, как две

пули прошили воздух в том месте, где он только что стоял.

– Включи фары! – закричал Роджер. – Анхел, где твой пистолет? Беги к боковой двери – не дай ему уйти! Хуан, да зажги же наконец фары!

Торнтон вскочил на ноги и бросился к задней двери. Он налетел на погрузочную тележку, больно ударившись обеими ногами. Тележка тронулась с места, и сразу же по ней начали стрелять из двух стволов. Торнтон продолжал бежать, выставив одну руку перед собой, а другой защищая лицо. Вытянутая вперед рука ударилась об опорную колонну, и Торнтон спрятался за нею. Едва он сделал это, как зажглись фары грузовика. Они светили в противоположном направлении, а отраженный свет лишь слегка рассеивал мглу. Позади грузовика, там, где скрывался Торнтон, тьма была совершенно непроглядной.

– Анхел! – закричал человек в куртке. – Ты уже у задних ворот?

– Почти, – отозвался Анхел; голос его прозвучал чертовски близко от укрытия Торнтона. – О'кей, Роджер, я уже на месте.

– Теперь ему не уйти. Хуан, у нас есть еще одна лампочка?

– По-моему, нет.

– Ладно. Возьми из кабины фонарик и иди сюда.

Торнтон видел боковую дверь. Узенькие полоски света пробивались между рассохшимися досками. Затем плотная фигура Анхела заслонила эти проблески. Луч фонарика

высвечивал темные углы, пробегал по тюкам пеньки и пыльным картонным коробкам. Торнтон распростерся на бетонном полу и пополз прочь от этого непоседливого луча, стараясь все время оставлять колонну между собой и человеком с фонарем. Плечо Торнтон уперлось в тюк. Он пошарил рукой вокруг и наткнулся на низкий деревянный ящик. Внутри ящика оказались инструменты. Торнтон взял гаечный и разводной ключи и пополз дальше.

– Анхел, будь повнимательнее. Не дай ему проскользнуть мимо тебя.

– Не проскользнет.

– Хуан, ты что-нибудь заметил?

– Нет еще. Возможно, он спрячется за каким-нибудь тюком.

– Не позволяй ему наброситься на тебя.

– Если попытается – схлопочет пулю.

Им приходилось перекрикивать гулкий рокот работающего вхолостую двигателя. В этом шуме не слышен был тихий шорох – Торнтон заполз за длинный ряд тюков. Он раздумывал, удастся ли ему прорваться мимо противников к грузовику. Вероятно, нет, ведь тогда он попадет в освещенное фарами пространство. Он огляделся и заметил свет, сочившийся сквозь заколоченное окно. Торнтон подполз туда и ощупал доски. Они были гнилыми. Возможно, ему удастся проломить их с первой попытки, если его не застрелят раньше.

Луч фонаря приближался. Торнтон бросил гаечный ключ через все помещение и услышал, как тот ударился о стену. Кто-то выстрелил на звук, и луч фонаря устремился в ту сторону.

Торнтон вскочил и с короткого разбега ударил плечом в доски, закрывающие окно.

Доски выдержали.

– Он там! – закричал Роджер.

Торнтон метнул разводной ключ на свет фонарика и услышал крик боли. Фонарик упал на пол и медленно покатился в сторону, его узкий луч освещал теперь только потрескавшийся бетон. Торнтон снова ударил всем телом в доски и почувствовал, что они поддались. Теперь он мог просунуть между ними руку. Он ухватился за доски и дернул изо всех сил. Доски вылетели, и Торнтон увидел оранжево-синее закатное небо. Он нырнул в пролом головой вперед.

Упал он на левое плечо, ударившись головой, но тут же вскочил на ноги. Он слышал, как открылась боковая дверь. Должно быть, Анхел сейчас выскочит из-за угла; Роджер и Хуан, наверное, выпрыгнут в окно следом за беглецом. Торнтон побежал прочь от склада к густым зарослям карликовых пальм – пальметос. Ему предстояло пробежать около тридцати ярдов. Он слышал выстрелы позади, но знал, что не так-то легко попасть в движущуюся цель из револьвера. При малейшей удаче...

И тут он услышал сухой треск пистолетного выстрела, донесшийся из тех зарослей, к которым он бежал. Он и не думал о том, что снаружи тоже могла быть охрана.

Оказавшись под перекрестным огнем, Торнтон бросился на землю. Роджер и Анхел приближались, за ними следом бежал Хуан. Миг спустя Торнтон осознал, что они стреляют не в него; они пытались попасть в человека, скрывающегося в зарослях пальметос.

Тот человек открыл ответный огонь. Торнтон услышал, как страшно захрипел один из преследователей – это был Анхел. Он согнулся пополам, схватившись за живот, опустился наземь, еще раз захрипел и замер, скорчившись. Роджер и Хуан побежали обратно к складу.

Торнтон лежал на земле и смотрел – от потрясения и боли он не мог двинуться с места. Ворота склада распахнулись, и оттуда вылетел грузовик, с ходу набирая скорость. Раздалось еще несколько выстрелов, потом грузовик выехал на грунтовку и помчался прочь. На шоссе он свернул налево и поехал в северо-восточном направлении. Торнтон провожал его взглядом, пока грузовик не скрылся из виду.

Послышались шаги. Над Торнтоном стоял стрелок из зарослей. Это был худощавый высокий человек, одетый в костюм из серого вельвета, с неярким галстуком. У него были прямые темно-русые волосы и приятного вида лицо, отмеченное печатью некоторой замкнутости. На вид ему можно было дать от тридцати до сорока лет. Он изучающе-вежливо взирал на Торнтон.

– Я Стивен Дэйн, – представился человек. Он сунул в карман пиджака револьвер, который все еще держал в руке, и продолжил: – А вы, я полагаю, Уильям Торнтон.

Тщательно подобранные слова не оставляли сомнений касательно того, о чем думал Дэйн: кто еще, кроме Уильяма Торнтон, мог лежать на земле с ошеломленным видом? Торнтон встал.

– Я хочу поблагодарить вас, – сказал он, – и принести извинения. Думаю, я поступил опрометчиво, явившись сюда в одиночку.

Дэйн кивнул.

– Что ж, я уверен, что это не повторится, – произнес он.

Торнтон попытался привести себя и свой костюм в порядок. Он решил, что мистер Стивен Дэйн ему, пожалуй, не нравится.

Глава 5

Анхел лежал, скорчившись на земле, глаза его были закрыты. Дэйн стрелял, лежа в зарослях, и его пуля, попав Анхелу в живот, прошла легкое и вышла из спины. Дэйн немного постоял над мертвым, чуть сутулясь, как будто пытаясь пронзить взглядом глубокую синь флоридских сумерек. Потом он повернулся и направился к машине Торнтона.

– Что теперь? – спросил Торнтон.

– Мы сообщим об этом в полицию Майами. Вы заметили номер грузовика?

– Я не подумал об этом, – признался Торнтон. – Вы полагаете, полиция их разыщет?

– Я бы не рассчитывал на это, – ответил Дэйн. – Кажется, эти люди действуют весьма организованно.

Машина Дэйна была припаркована у шоссе. Они сели в автомобиль Торнтона и постарались как можно скорее добраться до ближайшего кафе. Оттуда Дэйн позвонил в полицию, при помощи Торнтона сообщив приметы грузовика и людей. Затем он позвонил в майамскую резиденцию ФБР. Когда они вернулись к складу, первый полицейский наряд уже был там.

Больше десятка полицейских копошились возле здания. По большей части это были специалисты, занятые изучением следов шин, отпечатков пальцев и прочих улик. Сумерки быстро переходили в ночь, поэтому несколько человек были заняты установкой осветительных приборов. Седовласый человек в штатском принялся расспрашивать Торнтона, делая пометки в потертом черном блокноте. Торнтон рассказал ему обо всем, умолчав лишь об Эстелле. В качестве объяснения, откуда ему известно об этом складе, он воспользовался байкой о мужчине с легким немецким акцентом.

После этого его оставили в покое. И он наконец-то начал осознавать случившееся. Ноги подкашивались, руки слегка дрожали. Он присел на подножку автофургончика следственной лаборатории и стал просто наблюдать за происходящим. Два человека в штатском беседовали с Дэйном. Еще один передавал сообщения по рации. Торнтон слушал и смотрел, чувствуя легкое головокружение и гадая, занимается ли кто-либо поисками грузовика с преступниками. С его точки зрения, действия присутствующих были неорганизованными и несколько нелепыми, но, вероятно, эти люди знали, что делают.

Исследования места происшествия тянулись бесконечно, а потом как-то внезапно завершились. Тело Анхела отнесли в санитарную машину, специалисты собрали свои камеры и измерительные приборы, полицейские автомобили уехали один за другим.

Дэйн подошел и тронул Торнтона за плечо.

– Как насчет того, чтобы выпить?

– Естественно, почему бы нет?

– Полагаете, вы сможете вести машину?

– Конечно.

Сев каждый в свою машину, они вернулись в Майами и завернули в коктейль-бар возле Линкольнской дороги. После двойной порции шотландского виски Торнтон снова почувствовал себя почти нормально. Он с интересом стал присматриваться к своему спасителю.

На вид Дэйну было порядком за тридцать. Хотя с первого взгляда он показался Торнтону необычайно высоким, но теперь Билл видел, что Дэйн был не выше шести футов. Но загар и худоба прибавляли ему роста. В общении он был вежлив и сдержан, говорил негромко и, судя по всему, превосходно владел собой. В эту минуту он был мало похож на того безжалостного и меткого стрелка, каким впервые предстал перед Торнтоном. Но и сейчас Торнтон ощущал в нем бесстрастную и беспощадную собранность, смертоносную сосредоточенность, которую только подчеркивали вежливые манеры. Торнтон подумал, что не хотел бы быть врагом мистера Дэйна; да и друзьям приходилось, видимо, быть настороже.

Несмотря на такой исследовательский подход, Торнтон был застигнут врасплох словами Дэйна:

– Мистер Торнтон, я считаю, что вам следует серьезно подумать о

том, чтобы бросить это дело.

– Простите?

– Эта работа не для вас. Зачем же и дальше заниматься ею?

– Я действую по поручению корпорации «Майами-Юг», – автоматически ответил Торнтон.

– Ради чего? Это дело расследуется полицией, страховой компанией, окружной прокуратурой и как минимум двумя ведомствами федерального правительства. Не слишком ли много пальцев уже сунуто в кувшин?

– Но у нас, бесспорно, свой интерес, – возразил Торнтон. – «Майами-Юг» находится в центре следствия. Мы можем потерять торговую лицензию. Учитывая эти обстоятельства, мы сочли необходимым провести собственное расследование.

– Вы и в самом деле думаете, что вашу компанию могут обвинить в преступлении, которого она не совершала?

– Да, я так думаю.

Дэйн нахмурился, между его бровями пролегли три глубокие вертикальные морщины. Темные глаза стали отстраненно-печальными. Он медленным и неуверенным движением зажег сигарету – как будто делал это впервые.

– Мистер Торнтон, боюсь, вы не знаете, о чем говорите. В таких делах вы дилетант, к тому же не особо одаренный, насколько я могу судить. Вы уже достаточно близко познакомились со всеми прелестями подобных дел. Если не отступитесь, то в следующий раз можете оказаться не столь удачливым.

– Полагаю, я этого заслуживаю, – отозвался Торнтон. – Мистер Дэйн, я признателен вам за спасение моей жизни. Но я не намерен подчиняться вашим приказам.

– Я не пытаюсь приказывать вам. Я просто предупреждаю.

– Поверьте, я осознаю опасность подобных дел, – сказал Торнтон. – Но в нашей стране совершается множество преступлений, и иногда дилетанты – к примеру, репортеры – успешно расследуют их. Почему бы и мне не последовать их примеру?

На лице Дэйна отразилось нечто похожее на изумление. Морщины между бровями разгладились.

– И как же выглядит это дело с вашей точки зрения?

– Насколько я понял, – начал Торнтон, – несколько вооруженных человек подъехали на грузовике к складу, принадлежащему моей компании. Они представили поддельный путевой лист, пытаясь вывезти партию сельскохозяйственного оборудования. Будучи застигнуты на месте преступления, они открыли огонь на поражение.

Помолчав несколько секунд, Дэйн холодно произнес:

– Понятно.

– А разве есть другая точка зрения?

– Естественно, возможна и другая.

– И какая же? – спросил Торнтон.

Лицо Дэйна стало абсолютно каменным. Глаза словно покрылись корочкой льда. Он смотрел на Торнтона так, словно видел его впервые.

– Я могу приказать вам оставить это дело, – сказал Дэйн.

Для Торнтона это было уж слишком. События происходили так быстро, что он не успевал освоиться с ними. Сперва долгий и неприятный перелет из Джакарты через Рим, Лондон и Нью-Йорк. Едва он приземлился в Майами, как сразу был брошен в самый водоворот событий. Прелестная девушка с улыбкой послала его в ловушку, а вооруженные люди охотились за ним в темноте, как за кроликом. А теперь холодный как рыба тип из правительства делает ему выговор. И в довершение ко всему жутко болят ушибленные во время беготни по складу ноги.

– Ладно, – сказал Торнтон, тщательно следя за своим тоном, – черт с вами и вашим делом. Вам не надо даже приказывать. Я и так намерен бросить это.

Хотя предположительно это было именно то, чего хотел Дэйн, вид у него был невеселый. Он спросил:

– А «Майами-Юг»?

– Черт с ними, – бездумно ответил Торнтон. – Я собирався уходить в другую компанию.

– И часто вы так переходите с места на место?

– Так часто, как считаю нужным. Еще вопросы будут?

Дэйн улыбнулся и покачал головой.

– Тогда прощайте, мистер Дэйн. Спасибо вам за то, что спасли мою жизнь сегодня. Удачи вам в вашем деле.

– Удачи вам, мистер Торнтон, – отозвался Дэйн. – Возможно, ваше решение было мудрым.

Но вместо того, чтобы принести облегчение, эти слова заставили Торнтона чувствовать себя еще хуже. Он вышел из бара и вернулся в отель. В номере он заснул, как только голова его коснулась подушки.

Глава 6

Утром Торнтон заказал кофе и тосты в номер. Он решил, что лучше всего будет уехать в Нью-Йорк, по возможности скорее, предварительно сообщив Райерсону о своем увольнении. У

Торнтон в Нью-Йорке есть кое-какие знакомства. Можно немного отдохнуть, сходить в театр – в общем, не особо торопиться с поисками нового места работы. Можно даже снять маленькую квартиру. Как славно было бы наконец-то забрать свои книги и записи из камеры хранения.

Но он знал, что не будет снимать квартиру. Он остановится в точно таком же отеле, как этот, и оттуда будет обзванивать своих знакомых. И скорее всего не позже чем через месяц ему снова предстоит поездка на Восток.

От этих мыслей Торнтону стало грустно. Он пил кофе, сидя на кровати, и пытался подсчитать, сколько отелей он сменил за последние шесть лет. Через сколько аэропортов прошел, в сколько автобусов и поездов садился? Когда-то путешествия были для него удовольствием; потом удовольствие превратилось в работу, и теперь все страны были похожи одна на другую.

Зазвонил телефон, и медсестра из Центральной больницы города Майами сообщила, что его желает видеть мистер Джеймс Холлис. Торнтон ответил, что будет немедленно.

В Центральной больнице стояла тишина, словно в музее – в музее человеческих страданий. Сияющая чистота коридоров вызвала у Торнтона мимолетную мысль о том, что и сам он смертен. Палата Холлиса находилась на четвертом этаже.

– Не затягивайте посещение, ограничьтесь несколькими минутами, – предупредил Торнтон врач. – Он все еще очень слаб.

Торнтон кивнул и вошел в палату. Юное лицо Холлиса было почти таким же белым, как хрустящие простыни его постели. Когда он заговорил, голос его был не громче шепота:

– Мистер Торнтон? Вы мистер Торнтон?

– Верно. Как вы себя чувствуете, Холлис?

– Хорошо. Мистер Райерсон был здесь вчера. Он сказал, что вы ведете расследование от имени компании.

Торнтон неохотно кивнул.

– Я хочу предупредить вас. Это очень опасные люди, мистер Торнтон. Если бы вы видели, как они убили Джима Моррисона. Это было ужасно.

От этого слабого, невыразительного шепота Торнтон бросило в дрожь.

– Они стреляли по Джиму из какого-то автоматического оружия. Похоже на винтовку, но стреляло, как автомат.

– По описанию смахивает на «АВБ», – вслух отметил Торнтон.

– Простите, сэр?

– Автомат-винтовка Браунинга, – уточнил Торнтон, нахмурившись. Ему трудно было представить гангстеров, которые использовали бы такое громоздкое и приметное оружие, как тяжелый длинноствольный автомат-винтовка. Это было еще одно

обстоятельство этого дела, которое, казалось, не укладывалось в рамки здравого смысла.

Холлис сказал:

– Я читал в газетах, что «Майами-Юг» подозревают в соучастии. Это же ерунда, правда?

– Конечно, ерунда.

– Никто в «Майами-Юг» не сделал бы такого, – продолжал Холлис. – Я хочу сказать, они не стали бы стрелять в собственного работника. И в полицейского. Правда, мистер Торнтон?

– Конечно, не стали бы. Холлис, я думаю, вам надо отдохнуть. Вы все еще слабы.

– Да, сэр. На самом деле я просил вас прийти, мистер Торнтон, потому что я вспомнил кое-что. Я думаю, что лучше сказать вам первому, потому что вы тоже работаете на компанию. Я не думаю, что это что-то очень важное.

– Итак? – спросил Торнтон.

– У одного из тех людей на руке было кольцо. Очень приметное – сине-белый орел с тремя красными точками вокруг головы. Может быть, знак какой-то организации или клуба. Наверное, по нему можно его выследить.

– Я постараюсь, – отозвался Торнтон.

– Это кольцо носил не человек в черной куртке, – сказал Холлис так тихо, что Торнтону пришлось наклониться, чтобы расслышать его слова. – Оно было у человека, которого звали Хуан. Но вам надо искать человека в куртке. Он стрелял из автомата.

Торнтон поблагодарил его и вышел из палаты. Он спросил у дежурившего снаружи врача о состоянии Холлиса.

– Думаю, с ним все будет в порядке, – ответил врач. – Пуля вошла ему в грудь под углом и вышла через боковую часть грудной клетки. Жизненно важные органы не затронуты, но шок и потеря крови...

Торнтон попрощался с врачом и ушел. Вернувшись в отель, он рухнул в кресло, упершись ногами в платяной шкаф, и попытался собраться с мыслями.

Что ему до этого дела? Райерсон поручит расследование кому-нибудь другому. Холлис лежит в больнице, оборудованной по последнему слову медицины. А мистеру Стивену Дэйну явно не нужна ничья помощь.

А еще есть Эстелла. По всей видимости, она играет в какую-то сложную и опасную игру. Красивая девушка. Благодаря ей его едва не убили.

Торнтон зажег сигарету, выкурил ее до половины, потом затушил. Он встал и начал ходить по комнате взад-вперед. Встреча с Холлисом была совершенно излишней. Торнтону пришлось напомнить себе, что в данных обстоятельствах умнее всего было бы уволиться и уехать. Это вовсе не трусливое бегство; это просто

отстранение от дела, которое его совершенно не касается.

Он резко поднял телефонную трубку, попросил соединить его с международным аэропортом Майами и заказал билет на первый же самолет до Нью-Йорка. Самолет улетал в ноль часов десять минут. Пусть так. Дело сделано.

Не совсем. Нужно было еще позвонить Райерсону. Это будет крайне неприятно.

Торнтон закурил другую сигарету и снова снял трубку. Он начал набирать номер «Майами-Юг», но потом бросил трубку, вскочил и опять принялся расхаживать по комнате.

Нью-Йорк и номер в отеле. Быть может, следует остановиться в «Статлере». Работу найти несложно. Затем снова командировки. В Лондоне он останавливался в «Ритце». В Париже – в «Жорже Синге». В Риме тоже был отель «Ритц». Стамбул в этом отношении был хуже, но теперь там построили новый «Хилтон». Номер следует заказывать заранее. Пять мест багажа...

Зазвонил телефон. Торнтон снял трубку, и незнакомый голос спросил мистера Торнтона.

– Я слушаю. Кто это?

– Мистер Торнтон, полагаю, мы сможем обсудить вопрос нашей обоюдной выгоды.

– Конечно. Обоюдной выгоды в чем?

– Партия сельскохозяйственных машин.

– Если вы хотите складировать груз...

– Нет, мистер Торнтон. Вы знаете, о каком грузе я говорю. Я представляю весьма заинтересованного покупателя.

– Боюсь, что не понимаю, о чем речь.

– Вы разочаровываете меня, мистер Торнтон. Пожалуйста, не будьте столь непроходимо глупы. Груз номер А-42.

– Если вы имеете в виду похищенную партию, – сказал Торнтон, – то ее все еще не нашли.

– Вам предложили за нее более высокую цену? Надеюсь, вы еще не приняли решения?

– Кажется, вы не поняли. Груз А-42 похищен. Если бы даже его не украли, он уже был продан. Я понятия не имею, где он находится. Понимаете?

– Понимаю, но поверить не могу. Пойдите нам навстречу, мистер Торнтон. Я прошу вас оценить ситуацию заново.

– Кто вы такой?

– Мы готовы заплатить вам премиальные сверх установленной цены. Я верю, что вы не подведете нас.

– Кто вы такой, черт побери? – закричал Торнтон. – Вы – Эберхарт?

– Очень мило было побеседовать с вами, – сказал человек. – Мы скоро обсудим это.

Раздался щелчок, и Торнтон тоже повесил трубку. Этот человек говорил с легким немецким акцентом. Это обстоятельство едва не заставило Торнтона рассмеяться: все это казалось какой-то нелепой шуткой. Быть может, мистер Эберхарт в придачу еще и хромым и у него на лице шрам? Торнтон надеялся, что это так.

Он не мог прийти ни к какому сознательному решению. Невозможно было взвесить и оценить все эти неуловимые порывы, эмоции, вызываемые мыслями о Райерсоне, Холлисе, Эстелле и Дэйне. Невозможно было понять, где верность фирме, а где вспышка отвращения при мысли о новых путешествиях. Торнтон не мог даже понять, действительно ли он изменил свое мнение или просто следует по пути наименьшего сопротивления.

Он снял трубку и позвонил Дэйну в отель.

– Мистер Дэйн? Я решил остаться в деле, пока не будет доказана непричастность «Майами-Юг».

Дэйн ответил:

– Я рад это слышать, мистер Торнтон.

– Не знаю, говорили ли вы мистеру Райерсону о моем решении, принятом прошлой ночью, но...

– Не говорил. Я подумал, что вы, возможно, измените свои намерения.

– Понимаю. У меня есть для вас кое-какая информация.

– Хорошо. Я тоже нашел кое-что, возможно, представляющее для вас интерес. Вы можете приехать сейчас?

– Могу, – ответил Торнтон. Отчего-то он вдруг почувствовал себя гораздо лучше. Прежде чем выйти из отеля, он позвонил в авиакомпанию и отменил свой заказ.

Глава 7

Когда Торнтон вошел, Дэйн сидел в кресле за длинным столом. Перед ним аккуратными стопочками были разложены бумаги. На одном краю стола лежал огромный том «Предписаний по грузоперевозкам в южных портах». С другой стороны – свернутая вчетверо карта Флориды и Карибского моря. В стеклянном стакане стояла дюжина тщательно заточенных карандашей, а рядом – банка с растворимым кофе. Дэйн сделал кое-какие уступки удушливой сентябрьской жаре, то есть снял пиджак, развязал галстук и закатал рукава рубашки до локтя. Сейчас он был похож на необычайно пунктуального служащего какой-нибудь конторы. Торнтону пришлось сделать усилие, чтобы напомнить себе, что это тот же самый мистер Дэйн, который недавно застрелил человека и сделал это с уверенностью, свидетельствующей о наличии большой практики.

– Входите и садитесь, – сказал Дэйн. – Хотите кофе?

– Нет, спасибо. Я отрываю вас от дела?

– Не совсем. Я только что свел воедино материалы нескольких рапортов.

– Полиция нашла тот грузовик?

– Нет еще. Поиски продолжаются. Мистер Торнтон, не могли бы вы пояснить, почему вы вдруг изменили свои намерения касательно участия в этом деле?

Торнтон и сам этого не знал. Конечно, юношеский восторг от игры в жуликов и сыщиков здесь был ни при чем, как и удовольствие от пребывания в обществе Стивена Дэйна. Торнтон небрежно произнес:

– Полагаю, я устал кочевать из одного отеля в другой.

– Это может стать очень веской причиной, – отозвался Дэйн. – Любой может устать вечно жить на чемоданах.

– Вот-вот.

Дэйн вежливо кивнул.

– Кажется, по телефону вы упомянули о полученной вами

информации?

Торнтон передал ему то, что Холлис рассказал о кольце Хуана, а также поведал о телефонном звонке от предполагаемого мистера Эберхарта. Дэйн откинулся в кресле, глядя в потолок и не выказывая ни малейшего признака интереса. Но все же он попросил Торнтон повторить описание кольца.

– Сине-белый орел с тремя красными точками вокруг головы. Это важно?

– Не особенно, – ответил Дэйн. – Но это поможет нам обрисовать общую картину.

– Картину чего? – Когда Дэйн не ответил, Торнтон сказал: – Мистер Дэйн, я считаю, что вы со мной неоткровенны.

– Возможно, и так, – спокойно согласился Дэйн.

– Мне это не нравится. Я полагал, что мы собираемся работать над этим делом вместе. Я рассказал вам все, что знал.

– И ожидаете ответной откровенности?

– Конечно.

– Думаю, вы правы, – сказал Дэйн. – Именно такого принципа я и придерживаюсь.

Дэйн поднялся из-за стола, пересек комнату и открыл дверь спальни. Оттуда вышла Эстелла. На скулах ее горели красные пятна, левая рука была забинтована. Взгляд, брошенный ею на Торнтон, выражал в лучшем случае сильную неприязнь.

– Вы еще не обыскали его? – обратилась она к Дэйну. – Он может быть вооружен.

– Я не считаю это необходимым, – отозвался Дэйн.

– Погодите, – вмешался Торнтон. – Что все это значит?

Дэйн пояснил:

– Мисс Варгас полагает, что вы – агент на службе у иностранных властей.

Это было настолько нелепо, что Торнтон едва не рассмеялся вслух. Эти правительственные сыщики всегда готовы принять облачко пара за привидение. Следующим номером Дэйн обвинит его в симпатиях к коммунистам! Должно быть, он заразился этим от прелестной, но сумасбродной мисс Варгас.

– Несомненно, мисс Варгас имеет определенные основания для таких предположений, – сказал Дэйн. – Возможно, вы хотите услышать о них?

– Конечно. Я буду рад послушать о том, что пригрезилось мисс Варгас.

– Пожалуй, лучше будет начать с самого начала, – произнес Дэйв. – Мистер Торнтон, скажите – только честно, – вы по-прежнему утверждаете, что груз, похищенный со склада вашей компании, – это всего лишь партия сельскохозяйственных машин?

Глава 8

– Конечно, – машинально ответил Торнтон.

– Он лжет! – заявила Эстелла Варгас. – По лицу видно, что лжет.

– Минутку, – вмешался Дэйв. – Давайте рассмотрим происходящее с логической точки зрения. Мистер Торнтон, вы сознаете, что полиция Майами проявляет необычайную активность в отношении данного преступления?

– Это естественно. Ведь было совершено убийство.

– И вы знаете, что к расследованию подключились ФБР и Департамент финансов – это обстоятельство даже вам должно показаться экстраординарным.

– Я об этом не думал, – признался Торнтон. – О методах, применяемых полицией, я знаю весьма немного.

Судя по взгляду Эстеллы, она ему не верила. Она начала было что-то говорить, но тут же умолкла.

Дэйн сказал:

– Значит, участие в расследовании муниципальной полиции, полиции штата, ФБР и Департамента финансов, и все это по случаю убийства местного масштаба, не кажется вам странным?

– Теперь, когда вы указали на это, я понимаю, что это действительно странно.

– А что вы можете сказать касательно самого преступления? – спросил Дэйн. – Вы видите в нем что-либо необычное?

– Не думаю, – отозвался Торнтон. – Банда вломилась на склад и пыталась увезти партию груза. Когда они были застигнуты сторожем и полицейским, то действовали, как я полагаю, импульсивно. – Он задумался на несколько секунд. – Ведь и раньше на складах происходили кражи.

– Конечно. Но в данном случае грабителям отлично были известны все процедуры вывоза груза со склада. Они были чрезвычайно хорошо подготовлены и имели в запасе массу времени. Но, несмотря на то что в их распоряжении был огромный грузовик, они не забрали ничего, кроме груза А-42. Проверяя список грузов, хранящихся на складе, я обнаружил несколько партий более ценного и более ходового товара, чем сельскохозяйственное оборудование.

– Об этом я тоже не думал, – сказал Торнтон. – Возможно, они не знали об этих товарах.

– На многих контейнерах было обозначено их содержимое. На виду стоял контейнер с пищевыми машинками – куда более ходовой товар, чем сельскохозяйственные машины, к тому же

представляющий куда большую ценность на единицу веса. Еще более ценный и куда более транспортабельный груз – большая партия деталей для транзисторных приемников. Я еще заметил алмазные сверла. Но, по словам Холлиса, налетчики интересовались только этой единственной партией машин, которые практически невозможно продать.

– Ладно, – согласился Торнтон, – признаю, что нечто весьма странное в этом есть. Но если в грузе А-42 было не сельскохозяйственное оборудование, то что в нем было?

– Оружие и боеприпасы! – воскликнула Эстелла. – И вам это хорошо известно!

– Это невозможно, – возразил Торнтон. – Это попросту нелепо. Эти машины предназначались компании «Делакур», совершенно законному покупателю. Закуплено оно было у компании «Бойс Дармин», эта фирма существует уже почти сто лет. Оборудование было прислано с их бирмингемской фабрики в опломбированных контейнерах. В Майами его доставило обычное бюро грузоперевозок. А после этого...

– Думаю, нам известны все стадии закупки и продажи товаров, – прервал его Дэйн. – Тем не менее в этих ящиках находилось оружие, точно так же, как в двух предыдущих партиях, поставленных вами компании «Делакур».

– Нет, минутку...

– Мы проследили путь контрабандного оружия из Соединенных Штатов, – сказал Дэйн. – Нет никаких сомнений и есть веские доказательства того, что «Майами-Юг Экспорт» замешана в эту торговлю, вне зависимости от того, известно это ее администрации или нет.

У Торнтона возникло ощущение, что он внезапно оказался в чем-то нелепом сновидении. Лицо Дэйна было совершенно невозмутимым. Он походил на человека, изучающего под микроскопом образцы клеточных культур. Быть может, это окажутся безвредные микроорганизмы, а быть может, чумные бациллы.

Торнтон наконец произнес:

– Даже если допустить, что все сказанное вами правда, это еще не означает, что «Майами-Экспорт» как-то замешана в преступлении. Мы не открываем опломбированные контейнеры. Мы полагаем, что получаем именно то, что было заказано.

– Это не очень-то правдоподобно.

– Но тем не менее это правда. И кроме того, если вы знали, что мы торгуем оружием, почему же вы не вмешались?

– Таможенное бюро планировало захватить этот груз при погрузке на корабль. Они медлили в надежде найти тех, кто возглавляет это дело. Должно быть, кто-то проболтался. Груз похитили для того, чтобы не дать таможене США наложить на него арест.

– Понятно.

– Очень важно, чтобы этот груз не достиг места своего назначения, – вмешалась Эстелла.

– Конечно, я понимаю это, – согласился Торнтон. – Но не можете ли вы объяснить, на каком основании вы учиняете мне перекрестный допрос?

Дэйн и Эстелла обменялись взглядами. Дэйн сказал:

– Я не хочу выдвигать фальшивые обвинения. Но некоторые вещи, касающиеся вас, мистер Торнтон, трудно объяснить. Если даже не принимать во внимание последнюю запись в вашем досье, которая при пристальном изучении кажется весьма подозрительной, остается еще тот факт, что после вашего появления в Майами события значительно ускорились.

Теперь Торнтону казалось, что из путаного сновидения он попал в кошмар.

– А что не так с последней записью? О чем, черт побери, вы говорите?

– Вы не можете, по крайней мере, оставить этот тон оскорбленной невинности? – спросила Эстелла.

– Вы либо истеричка, либо вообще сошли с ума, мисс Варгас.

– Я? А почему индонезийские власти арестовали вас в 1958 году за провоз оружия для мятежников Суматры?

– Все иностранцы, находившиеся в тот момент на Суматре, были арестованы, – парировал Торнтон. – Помимо контрабанды оружия, мне еще предъявили обвинения в том, что я коммунист, фашист, революционер и голландский террорист. Разве в досье не

сказано, что я был полностью оправдан?

– По требованию Госдепартамента, – заметил Дэйн.

– Разве там не указано, что все обвинения были сняты? Что мне по-прежнему разрешен въезд в Индонезию?

– Совершенно верно, – отозвался Дэйн. – Сам по себе этот инцидент не представляет интереса. Но невезение сопутствовало вам – припомните вашу работу на корпорацию «Эдгар Джонсон». Двое служащих «Джонсона» до сих пор находятся в тюрьме за нелегальный ввоз оружия в северную Бирму.

Торнтон почувствовал, что краснеет. Он предпочел бы забыть свое короткое и несчастливое сотрудничество с «Эдгар Джонсон».

– Я ничего не знал об их нелегальной деятельности. Я занимался торговлей в рамках закона. Следствие установило, что многие работники фирмы не имели понятия о том, что происходит.

– Это тоже правда. Против вас не было прямых улик, и вас даже не вызывали в суд по этому делу. Но очевидно, что несчастья преследуют вас, мистер Торнтон. Вы постоянно оказываетесь там, где осуществляется контрабанда оружия.

– То же самое можно сказать про любого торгового агента на Ближнем Востоке, – возразил Торнтон. – Или в Африке и Южной Америке, если уж на то пошло. Все знают, что контрабандная деятельность процветает. Но не все замешаны в ней.

– Мистер Эберхарт считает, что вы замешаны.

– Мистер Эберхарт ошибается.

– Когда мисс Варгас сообщила вам о местонахождении похищенного товара, почему вы не поделились этой информацией с полицией или со мной?

– Я хотел сначала проверить. Я хотел убедиться, что товар действительно находится там.

– Вы отправились на этот склад, хотя мисс Варгас предупреждала вас, что это опасно?

– Признаю, что вел себя, как последний идиот, – ответил Торнтон. – Но вы видели, что из этого вышло. Меня едва не убили.

– Я видел нечто похожее на погоню со стрельбой, – парировал Дэйв. – Чудесный спектакль с грандиозным финалом. Насколько я понимаю, это могло происходить и по-настоящему. Но что-то ваши преследователи стреляли на редкость плохо.

– Вы считаете, это было подстроено? – оскорбился Торнтон.

– Не знаю. Я знаю только, что грузовик с партией оружия исчез в неизвестном направлении. И знаю, что мисс Варгас подвергла себя нешуточной опасности, рассказав вам об этом складе.

– А разве я в этом виноват?

– Прошлой ночью, – пояснил Дэйн, – менее чем через четыре часа после вашего с ней разговора кто-то пытался застрелить ее из винтовки с глушителем.

– А какое участие принимает во всем этом мисс Варгас? – спросил Торнтон.

– Она работает на правительство Коруны.

Торнтон кивнул. Коруна была маленькой центрально-американской республикой, зажатой между Никарагуа, Гондурасом и Сальвадором. Это была прекрасная и даже относительно процветающая страна. Правительство избиралось сроком на три года и осуществляло политику гибкого контроля над государством, такой порядок установился после свержения хунты, возглавляемой Франциско Рохасом. Но за последние полгода в стране произошло два неудавшихся путча, а также были намеки на готовящееся вторжение. На взгляд Торнтона, Коруна нуждалась скорее в регулярной армии, нежели в шпионских службах.

Дэйн продолжал:

– Мисс Варгас работала здесь под прикрытием – до прошлой ночи.

– Отлично, – хмыкнул Торнтон. – А я, в качестве главы шпионской организации, приказал убить мисс Варгас. Что еще вы вычитали в моем досье?

– Хотела бы я знать, – вступила в разговор Эстелла Варгас, –

почему вы отказались от ведения следствия, но потом передумали и вернулись? Сначала вы испугались разоблачения, так? А потом вам предложили заплатить побольше...

– Да, конечно, все именно так, – иронично подтвердил Торнтон. – Почему бы вам не арестовать меня?

– Прошу вас сохранять спокойствие, мистер Торнтон, – сказал Дэйн.

– За каким чертом я должен сохранять спокойствие? Вы притаскиваете меня сюда и обвиняете в том, что я участвовал в контрабанде оружия, убил полицейского, ранил мальчишку и приказал убрать мисс Варгас. Почему бы вам попросту не арестовать меня и тем самым не сорвать всю операцию?

– Никто не говорит о вашем аресте, – возразил Дэйн. – Поставьте себя на мое место. Я хочу, чтобы этот груз не попал в руки тех, кому он предназначался. Мой долг – проследить все нити, ведущие к этому делу. Почему я должен делать для вас исключение?

– Не должны. Но ваши обвинения...

– Я не обвинял вас. Я задавал вопросы. Если бы я действительно считал, что вы замешаны в этом деле, то я бы не обмолвился об этом ни словом. Я выжидал бы, собирал улики, и в нужное время вы были бы арестованы.

– Мистер Дэйн, я не понимаю, – сказала Эстелла. – Мы не знаем, на кого работает этот человек, но очевидно...

Дэйн жестом руки попросил ее успокоиться.

– Не давайте ввести себя в заблуждение, мисс Варгас. Я рад, что мы прояснили ситуацию. Хорошо, что все это оказалось на виду, поскольку нам предстоит отныне работать всем вместе.

– Вместе? Мистер Дэйн, это бессмысленно. Торнтон либо преступник, либо дурак. В любом случае он опасен для нас.

Торнтон ответил, стараясь сдерживаться:

– Мисс Варгас, я не получил никаких разъяснений по поводу истинной природы этого похищения, никакой предварительной информации. К тому времени, как мне поручили вести это дело, я пробыл в Майами всего несколько часов после двух лет пребывания на Востоке. А что касается работы с вами, то я не допускаю и мысли об этом. Вы – последний человек, с которым мне хотелось бы работать.

Дэйн откинулся на спинку кресла. Он улыбался, хотя Торнтону казалось, что во всем этом нет ничего смешного.

– Сейчас важнее всего, – произнес Дэйн, – не дать этому грузу попасть в руки заказчика. Полагаю, мы все согласны с этим.

Торнтон и Эстелла хмуро посмотрели на него. Казалось, общая неприязнь к мистеру Дэйну на миг объединила их.

– Значит, за работу, – подытожил Дэйн. – Мисс Варгас, полагаю, у вас есть информация, в каком направлении вести поиски?

Эстелла неохотно кивнула.

– А мы с Торнтоном побеседуем кое с кем, – продолжал Дэйн. – Верно, Торнтон?

Торнтон кивнул. И тут же осознал, что Дэйн нашел хороший предлог, чтобы приглядывать за ним.

Глава 9

Сначала они заехали в местное отделение ФБР, размещавшееся в деловом центре города. Они прошли по сумрачному коридору к комнате в дальнем конце. Дэйн постучался и вошел.

Маленький кабинет был залит солнечным светом. Все здесь было просто и функционально, вся мебель – металлическая, кроме единственного кресла, обтянутого кожей. В этом кресле сидел молодой человек с шевелюрой песочного цвета и читал газету. Когда Дэйн вошел, молодой человек свернул газету и положил ее на стол.

– Возвращение блудного агента, – произнес он с легким южным акцентом.

– Привет, Том, – отозвался Дэйн. – Хочу представить тебе мистера Уильяма Торнтона. Он работает вместе со мной по делу о складах. Торнтон, это Том Дэйвис.

Они пожали друг другу руки. Дэйвис спросил:

– Ты сейчас работаешь на Госдепартамент, Стив?

– Нет, – ответил Дэйн. – На Департамент финансов.

– За тобой не уследишь, – сказал Дэйвис, раскуривая тонкую коричневую сигару. – Я слышал, что ты здесь, но никто не сказал мне, в качестве кого ты здесь. Такие мелкие подробности их не интересуют.

Дэйн сел и закинул руки за голову. Казалось, он грезит о чем-то отвлеченном.

– Я полагаю, – продолжал Дэйвис, – что тебе нужны данные относительно похищенного оборудования.

– Мистер Торнтон знает, что в контейнерах было оружие и боеприпасы, – сказал Дэйн.

– Понимаю, – отозвался Дэйвис.

– И это все, что знает мистер Торнтон, – дополнил Дэйн.

– Понятно, – сказал Дэйвис. – Но в общем-то ничего особо нового нет. В поисках грузовика нам не повезло. Местные власти перекрыли дороги в радиусе двадцати миль, но, я полагаю, слишком поздно. Или же грузовик спрятан где-то поблизости. Окружная полиция все еще обшаривает район.

– По поводу грузовика совсем ничего не известно? – спросил Дэйн.

– Абсолютно. Вероятно, сейчас его уже перекрасили и сменили номера. К тому же держу пари, что грузовиком больше не воспользуются. Наверняка сейчас эти контейнеры путешествуют через штат, спрятанные в копне сена или груде овощей.

– Есть еще что-нибудь?

– Все словно воды в рот набрали, – пожаловался Дэйвис. – Постоянные осведомители или ничего не знают, или предпочитают молчать. Это действительно крупное дело, Стив. Примерно на миллион долларов. Быть может, они испугались.

– Как велики шансы на то, что им удастся вывезти это оружие за пределы страны? – спросил Торнтон.

Оба собеседника воззрились на него с некоторым удивлением. Торнтону стало неловко, как будто он проник на собрание некоего тайного общества.

– Трудно сказать, – ответил ему Дэйвис. – По счастью, во Флориде не более восемнадцати глубоководных портов рангом от первоклассных до более-менее приемлемых. Это если допустить, что они будут действовать через порт. Если же они решат перевезти груз на корабль, стоящий в море на якоре, проблема становится сложнее. Протяженность береговой линии Флориды составляет более трех тысяч миль.

– Что-нибудь еще? – спросил Дэйв.

– Да. Человека, которого вы застрелили у склада, звали Анхел Моралес. Из Пуэрто-Рико. Там он отсидел три года за вооруженное нападение. До этого он привлекался в Нью-Йорке за хранение марихуаны, но обвинение не подтвердилось. Мы нашли отпечатки пальцев человека по имени Хуан. На него в наших файлах ничего нет. Человек в черной куртке – Роджер Стиччини. Мелкая рыбешка из Тампы. Отсидел восемь лет, с 1938-го по 1945-й, за убийство при отягчающих обстоятельствах. В 1945 году в Джексонвилле привлекался к суду за убийство, но был оправдан за отсутствием улик. После этого работал тут и там в качестве иностранного наемника. Был капитаном карательного отряда во время правления Хименеса в Венесуэле. Бежал из страны, чтобы не быть схваченным собственными солдатами. Недолгое время служил Сомосе, но по неясным причинам был вышвырнут из

Никарагуа. Последние два года о нем ничего не было слышно. На кого он работает сейчас, неизвестно.

При этих словах Дэйвис улыбнулся; Дэйн усмехнулся в ответ. Члены тайного общества смеялись над чем-то, понятным только им.

– Ты когда-нибудь слышал о человеке по имени Эберхарт? – спросил Дэйн.

– Нет. Но я поищу в файлах. А он тут с какой стороны втиснут?

– Ни с какой, – ответил Дэйн. – Но пытается втиснуться. Спасибо, Том. Звони мне, если что-нибудь найдешь.

– Позвоню, – сказал Дэйвис. – Приятно было познакомиться с вами, мистер Торнтон.

Они вернулись в машину Дэйна и поехали в офис «Майами-Юг». Райерсон выглядел усталым и обеспокоенным. Он вежливо пожал руку Дэйна, но не смог скрыть скептического выражения лица. Дэйн сказал:

– Мистер Райерсон, мне кажется, между вами и властями, ведущими расследование, возникло некоторое непонимание.

– И это вы называете непониманием! – фыркнул Райерсон. – Ваши люди пытаются отобрать у меня торговую лицензию.

– Существуют подозрения, что ваша компания занималась операциями, не входящими в ее компетенцию. Но с вашей помощью я смогу прояснить это дело.

– Может быть, – с сомнением произнес Райерсон.

– Хотелось бы знать, что вы можете сказать по поводу компании «Делакур».

– Говорить особо нечего. Они обратились к нам примерно год назад. Они хотели импортировать различные промышленные товары для покупателей в Доминиканской Республике, Мексике и Венесуэле. Мы выяснили, что у них имеется приличный кредит, и потому заказывали и поставляли им товары. Это должен был быть третий контракт на поставку.

– А что вы можете сказать по поводу производителей, у которых закупали товары? – спросил Дэйн.

Райерсон выдвинул ящик стола и извлек стопку бумаг, скрепленных скоросшивателем.

– Последний поставщик – это «Бойс Дармин». А до этого «Делакур» заказывал пишущие машинки, оборудование для офиса и детали для двигателей. Здесь все записано.

Дэйн просмотрел бумаги и кивнул.

– Они закупали большинство товаров у «Бойс Дармин»?

– Верно.

– Я вижу, что предыдущие партии груза перевозились кораблями панамского направления, принадлежащими пароходству Стайвосо Маррачоса. По каким причинам этой линии отдавалось такое исключительное предпочтение?

– Заказчик ранее вел дела с Маррачосом, – ответил Райерсон. – Как бы то ни было, это не наше дело. В контракте уже был проставлен корабль и порт его стоянки.

– Какой порт?

– Заказчик желал вести дела через Порт-Какао, в нескольких милях отсюда к северу.

– Кто доставлял товар с фабрики на ваш склад?

– Компания по грузоперевозкам «Акме-Централь». За подробными сведениями вам лучше обратиться к Филу Джексону. Транспортировка грузов находится в его ведении.

– Могу я встретиться с ним сейчас? – осведомился Дэйн.

– Он сейчас на работе, – ответил Райерсон.

...Джексон наблюдал за погрузкой партии холодильников в заводской упаковке. Это был загорелый человек маленького роста, с блекло-голубыми глазками и острой мордочкой хорька.

– Конечно, – сказал он Дэйну. – Я заключаю договора на транспортировку груза от завода-производителя до склада и со склада на корабль. Это моя работа.

– Почему вы пользуетесь услугами транспортной компании «Акме-Централь»?

– У них подходящие расценки, – ответил Джексон. – Мы всегда прибегаем к их услугам, когда вывозим что-нибудь из Бирмингемского округа. Это хорошие партнеры. У них разумные цены, и они соблюдают график. В таком деле это очень важно.

– Вы когда-либо пользовались услугами других грузоперевозчиков в Бирмингемском округе?

– Мы работали с «Юго-Восточным экспрессом».

– Почему вы прекратили работу с ними?

– Это не мы, это они отказались от контрактов с нами. Они решили, что рейсы во Флориду больше не выгодны им.

– Полагаю, это было примерно тогда, когда президент «Экспресса» был уличен в получении взяток?

– Полагаю, что так, – согласился Джексон. – Но ни я, ни моя компания тут были ни при чем. И кроме того, сейчас мы работаем с «Акме». Разве и они тоже под подозрением?

Дэйн улыбнулся, но не ответил.

– Вы можете просмотреть наши записи по «Акме», – предложил Джексон. – Там все сказано, как есть.

– Я в этом уверен, – отозвался Дэйн. – А что вы можете сказать относительно пароходства Маррачоса?

– Это хорошая компания, – сказал Джексон. – Именно они должны были перевозить этот похищенный груз. Для этого было выделено грузовое судно «Гелиос». Причал номер 2, Порт-Какао.

– «Гелиос» уже пришел?

– Насколько я знаю, нет, – ответил Джексон. – Эти маленькие суденышки приходят когда им вздумается, забирают груз и уходят. Их опоздания – наше вечное несчастье.

Они беседовали еще несколько минут. Затем Дэйн и Торнтон ушли.

...Следующим пунктом их назначения было правительственное здание на 3-й улице. Поднявшись в Таможенное бюро, они застали там Джона Фредерикса, главу отдела. Он ждал их.

– Ну, Дэйн, – начал он, – мы едва не застукали их на прошлой неделе. Они готовились перевезти груз на «Гелиос», а мы собирались надеть на них наручники. Быть может, нам не следовало ждать так долго.

– Это был наилучший способ, – напомнил Дэйн.

– Знаю. Но теперь мы не получили вообще ничего. Я проинструктировал все местные таможи и портовые власти, чтобы они высматривали «Гелиос», просто на всякий случай. Береговая охрана тоже задействована. Но корабль не возвращался ни в Порт-Какао, ни куда-либо еще. Видимо, нет смысла. Вероятно, сейчас это оружие уже вывезено за пределы страны.

– Откуда такие выводы? – спросил Дэйн.

– Просто из горького опыта. Береговая линия Флориды чересчур длинная, а таможенные пункты разбросаны слишком далеко друг от друга. У нас с этим столько проблем, сколько нет ни в одном другом штате. Меня перевели сюда два месяца назад из округа Саванна, и я мечтаю о том, чтобы вернуться туда.

На одной из стен висела карта Флориды и Карибского моря до самой Коста-Рики. Фредерикс махнул рукой в ее сторону.

– К Майами приписано огромное количество яхт, целый флот. Выйдя отсюда, можно через несколько дней достигнуть любого из полудюжины заграничных портов. Коммерческие рейсы доставляют нам массу хлопот, но яхты – это что-то невозможное. Их пути нельзя проследить, а ведь на многих из них нелегально перевозятся оружие, наркотики или люди. Это каша, которую некому расхлебывать. Всякий раз, когда какой-нибудь идиот желает провезти контрабанду на Кубу или в Доминиканскую Республику, вся таможенная служба и береговая охрана стоят на ушах.

– И не только они, – заметил Дэйн.

– Верно, – признал Фредерикс. – Центральноамериканское бюро постоянно вкатывает нам выговоры за то, что не получает сведений о месте назначения каждого самолета, вылетающего из каждого аэропорта Флориды – а этих аэропортов две сотни! Но что мы можем поделать? Несколько лет назад был героин. Теперь мы пытаемся пресечь торговлю оружием. Но на все нужно время. Я не думаю, что нам удастся задержать этот груз.

– Что бы вы сделали, если бы вам нужно было вывезти это оружие? – спросил Дэйн. – Как бы действовали вы?

Фредерикс задумался на несколько секунд.

– Ну, поскольку это груз тяжелый и объемный, то я при возможности воспользовался бы грузовым судном. Перевозка на яхтах займет много времени. Я послал бы агента в какой-нибудь порт, где не так строго следят или можно договориться с начальством. Там я прибыл бы на причал и погрузил бы груз на корабль совершенно легально.

– Я бы действовал точно так же, – согласился Дэйн.

– Я принял все меры, какие мог. Все таможенные и портовые власти в южной Флориде предупреждены о том, что следует внимательно проверять каждый груз, поступающий в течение нескольких следующих недель. Мы также присматриваем за большими яхтами и караулим «Гелиос».

– Возможно, это сработает, – сказал Торнтон.

Фредерикс покачал головой.

– Вы мало знаете о контрабанде оружия, молодой человек. Пожалуй, единственный способ остановить контрабандиста – это конфисковать его товар.

– Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Эберхарт? – спросил Дэйн.

– Это имя мне незнакомо. Но, как я уже сказал, я здесь недавно. Если он имеет какое-либо отношение к контрабанде, – мрачно добавил Фредерикс, – рано или поздно я о нем услышу.

Следующую остановку они сделали в штаб-квартире полиции Майами. Там в расспросы было вовлечено несколько человек. Торнтон рассматривал графики дежурств и фотографии в отделе регистрации, пока Дэйн вел с лейтенантом полиции непонятный и совершенно безрезультатный разговор. Наконец они вышли из здания и сели в машину.

– Почти четыре, – сказал Дэйн, глядя на часы. – Пожалуй, следует сделать перерыв на некоторое время.

Торнтон чувствовал себя совершенно разбитым, насквозь промокшим от пота и почти сварившимся заживо. Он отметил, что Дэйн был по-прежнему свеж и собран.

– И чего мы добились этим марафоном? – спросил Торнтон.

– Поддержки постоянного давления.

– То есть?

– Мы должны поторопить всех, кто замешан в этом деле, – пояснил Дэйн. – На данный момент мы имеем активное сотрудничество множества местных и государственных агентств. Но у них есть и другая работа. Совершаются – или скоро будут совершены – другие кражи и другие убийства. Пройдет несколько дней, и сотрудничество станет менее активным. Поэтому мы должны действовать сейчас – или заставить действовать других.

– Понимаю, – медленно сказал Торнтон. – И именно поэтому вы вывалили на меня всю эту чепуху о моей возможной преступной деятельности? Вы надеялись, что что-то случится?

– Существует возможность, что это отнюдь не чепуха, – улыбнулся Дэйн.

Торнтон обдумал это заявление.

– А зачем же вы таскали меня повсюду? Чтобы те, кто замешан в преступлении, подумали, что я знаю больше, чем на самом деле?

– Полагаю, что они могут подумать так.

– А если в следующий раз стрелять будут в меня?

Дэйн пожал плечами. Похоже, его мало заботило, кто в кого будет стрелять, – важно, что дело стронулось с мертвой точки.

– Чудесная система, мистер Дэйн, – сказал Торнтон. – Никто не знает позиций всех остальных. Вы просто распространяете атмосферу всеобщей подозрительности.

– Я не стал бы так расстраиваться по поводу слов мисс Варгас, – заметил Дэйн.

– А почему вы решили... Черт с ним! – махнул рукой Торнтон. – Я возвращаюсь в отель. Мне нужно принять душ.

– Хорошая идея. У нас впереди еще целый вечер.

– Опять кого-то будем подгонять?

– Возможно, – отозвался Дэйн. – Как бы то ни было, обещаю вам хороший ужин.

– Мы будем оказывать давление на метрдотеля?

Дэйн неожиданно усмехнулся.

– Нет. Но я хочу представить вас очень интересному человеку.

– Я не хочу встречаться с интересными людьми.

– Придется, – сказал Дэйн. – Это поможет вам завершить свое образование. И как я уже сказал, обещаю вам превосходный ужин.

– За чей счет?

– Возможно, заплатит интересный человек, – ответил Дэйн. – А если нет, то буду платить я.

– И вы всегда так хорошо относитесь к подозреваемым? – спросил Торнтон.

– Всегда, – заверил его Дэйн, – поскольку все это – за счет правительства.

Торнтон был слишком утомлен, чтобы спорить. Дэйн довез его до отеля и пообещал заехать за ним в восемь вечера.

Глава 10

Портье сообщил Торнтону, что в его отсутствие ему четыре раза звонил один и тот же человек. Звонивший не назвал своего имени. Также пришло два письма. Торнтон забрал их и поднялся в номер.

Одно письмо было от Дорис, его замужней сестры, жившей в Уотербери. В объемистом послании излагались смешные истории о муже и детях Дорис, сообщалось о здоровье дядюшки и пересказывались все новости и сплетни о приятелях и знакомых. «А ты знаешь, что Бобби Рейнс женился? А Дэн Макдональд, твой старый школьный приятель, помолвлен с девушкой из Рэдклиффа. А ты слышал, что Эллиот Эйджер, кажется, нашел счастье во втором браке? Видишь, Билл, такое случается!»

Ее забота о нем была почти осязаема. Плотная почтовая бумага палевого цвета, ровные черные строчки просто исходили этой заботой. После смерти матери Дорис взяла на себя обязанность беспокоиться о нем; в этой привилегии ей невозможно было отказать.

Второе письмо пришло от Пола Ленсинга, приятеля Торнтон. Сейчас Пол работал в торговой фирме «Керлайсл» в Сан-Франциско. Торнтон решил, что прочтет это письмо после того, как примет душ.

Освежившись и побрившись, он почувствовал себя совсем другим человеком. Разыскав свежую рубашку и костюм, он уселся читать письмо Пола.

С Полом Ленсингом они познакомились в Индии. Примерно неделю они жили в одном коттедже на окраине Бароды, пока Пол не уехал на север, в Пакистан, где его ждала новая работа. Теперь, вернувшись в родимый офис, Пол непринужденно, но отнюдь не небрежно обрисовывал в своем письме обстановку в торговых кругах Западного побережья. Конечно, он слышал о происшествии в «Майами-Юг»: новости распространяются быстро. Он сочувствует. Но он отмечает общую нестабильность торговли в Карибском бассейне. Тарифы и квоты меняются каждый день, никогда нельзя сказать, кто будет у руля и как долго, невозможно даже угадать, когда твоя фирма будет конфискована и национализирована.

В конце письма Торнтону предлагалась работа. Он может вылететь в Сан-Франциско за счет «Керлайсл», посмотреть, как идут дела, поговорить с управляющими отделами, подумать. Никаких обязательств. Однако, писал Ленсинг, «Керлайсл» – это крупная компания с устойчивым капиталом, которой будет очень полезен человек, хорошо знающий Восток.

Торнтон отложил письмо. Он снова напомнил себе, как мало он

должен «Майами-Юг». Он может отказаться от ведения дела. Он может сказать «до свидания» всем махинациям Дэйна, подозрениям Эстеллы, страхам Райерсона. Он может упаковать чемоданы и начать все заново в Калифорнии.

Эта мысль не вызвала у него энтузиазма. Слишком часто он начинал все сначала. Предложение действительно было многообещающим, но оно могло подождать.

Зазвонил телефон, и Торнтон поднял трубку. Наконец-то этот человек дозвонился – с пятой попытки.

– Мистер Торнтон?

– Да. Полагаю, это мистер Эберхарт?

Последовала долгая пауза, потом собеседник произнес:

– Да. Мистер Торнтон, вы не передумали?

– Здесь не о чем думать.

– Если дело в цене...

– Нет, – прервал его Торнтон. – Поймите, Эберхарт, я не могу продать вам оружие, потому что у меня его нет. Вы можете это понять?

С тем же успехом можно было толковать что-либо дубовому пню.

– Мистер Торнтон, я должен получить это оружие. Таков приказ. Назовите ваши условия.

– Черт бы вас побрал, я не могу назвать условия! У меня нет оружия! Я не знаю, где оно!

– Значит, вы не согласны, – промолвил мистер Эберхарт. – Боюсь, что этим вы навлекаете на себя большие неприятности, мистер Торнтон.

Затем раздался щелчок – Эберхарт повесил трубку.

Ровно в восемь часов Торнтон вышел из отеля. Дэйн заехал за ним столь же пунктуально. Он вырулил на Бискайский бульвар и поехал по направлению к 79-й улице. Торнтон рассказал Дэйну о звонке Эберхарта и о его отказе поверить в то, что он, Торнтон, не знает, где спрятано оружие.

– У многих преступников мозги работают только в одну сторону, – сказал Дэйн. – Эберхарт знает, что вы были в пустом складе, где сперва было спрятано оружие. Ему известно о вашем прошлом, когда вы близко соприкасались с контрабандой оружия. И он знает, что я придерживаю вас при себе. Этого ему достаточно, чтобы увериться окончательно.

– Он угрожал мне.

– Вам следует быть осторожным, – кивнул Дэйн. Он сказал это

так, как будто разъяснял, что улицу следует переходить только на зеленый свет.

Целью их поездки оказался ресторан «Испанский дуб», располагавшийся на Коллинс-роуд неподалеку от Серфсайда. С одной стороны от ресторана находился мотель «Арабские ночи», с другой – торговый дом «Старинный гобелен», и ресторану приходилось прилагать все усилия, чтобы выжить в столь блистательном окружении. Нижняя половина здания, залитая потоком бегущих огней, была стилизована под гасиенду. Верхнюю часть украшали готические бойницы и зубчатые парапеты из искусственного камня. На остроконечных башенках полоскались под порывами океанского бриза знамена непонятной расцветки.

У дверей ресторана Дэйна и Торнтон встретил усатый метрдотель. Он провел их в главный обеденный зал, где им отвели столик и вручили меню размером со средневековый фолиант. По опыту Торнтон знал, что цены, как правило, прямо пропорциональны величине меню.

К их столику подошел круглолицый лысеющий человек в смокинге. Он улыбался и дружески протягивал руку.

– Дорогой мой мистер Дэйн! Я так счастлив, что вы посетили мой ресторан!

– С полным моим удовольствием, – тепло отозвался Дэйн. Он пожал круглолицему руку. Его улыбка выражала искреннюю приязнь. – Генерал Мендоса, позвольте вам представить мистера Уильяма Торнтона.

Торнтон пожал небольшую холеную, но тем не менее твердую и сильную ладонь Мендосы.

– Быть может, генерал не откажется присоединиться к нам за стаканчиком вина? – спросил Дэйн.

– Буду счастлив, – ответил Мендоса, садясь за стол. – Но я больше не генерал. Теперь я просто мистер Мендоса. Как вам хорошо известно, мистер Дэйн, искусство войны далеко опередило все мои познания. Теперь мое единственное желание – владеть приличным рестораном в этом прекрасном городе.

За спиной Мендосы появились два официанта. Почти немедленно к ним присоединился распорядитель винного погреба, мрачный старик, одетый в черное и носящий на шее цепь с подвешенным к ней ключом – знак своей должности.

– Что мы будем пить ради такого замечательного случая? – спросил Мендоса. – Шампанское? Мистер Дэйн, мистер Торнтон, вас это устроит?

Торнтон кивнул. Дэйн сказал:

– Во время нашей последней встречи, генерал, мы пили коньяк.

– Помню. И рюмка хрустнула прямо у вас в руке, а? У вас все еще остался шрам?

Дэйн приподнял рукав. По внутренней стороне его широкого мускулистого запястья тянулся нитевидный, едва заметный шрам.

– Как скоро затягиваются старые раны! – промолвил генерал. –

Скоро у вас ничего не останется на память обо мне.

– Я всегда помню вас, – ответил Дэйн, – есть у меня шрам или нет. Люди такого калибра, как вы, – редкость в этом мире.

– Вы меня ошеломили, – признался генерал. – В самом деле. Но вы всегда были щедрым человеком.

Торнтон с досадой слушал этот нескончаемый поток комплиментов. У него было ощущение, что разговор идет на языке, который он едва-едва понимает. Это действовало ему на нервы. Кажется, все здесь знают всех – кроме него самого.

– Мистер Торнтон – ваш коллега? – спросил Дэйна Мендоса.

– Можно сказать, коллега, – отозвался Дэйн.

Мендоса счел это весьма забавным. Он обратился к Торнтону:

– Вы только посмотрите на него! У нашего мистера Дэйна все – «можно сказать». Он у нас, можно сказать, неуловимый!

Торнтон вежливо улыбнулся, хотя понятия не имел, о чем говорит генерал.

– Да-да, – продолжал Мендоса, обращаясь к нему, – вам не следует обманываться на его счет. О, наш старый добрый мистер Дэйн! Больше всего на свете он любит надевать на себя этакую англосаксонскую маску – спокойствие, вежливость, осторожность.

Но под этой неприметной внешностью скрывается пламенная натура, как у истинного латиноамериканца. Вы еще не заметили этого, мистер Торнтон? Вы не заметили, что мистер Дэйн выполняет свою работу – в чем бы она ни заключалась – в столь неподражаемом стиле, с присущим только ему чутьем и размахом?

– Ваш собственный стиль столь же неподражаем, генерал, – заметил Дэйн.

– Ах, – вздохнул Мендоса с наигранной печалью, – я слишком много говорю. Но чего ожидать от уже немолодого эмигранта? Чего ожидать от латиноамериканца, склонного к пространным рассуждениям? И когда ты уже не можешь много делать, остается только много говорить.

Мендоса действительно говорил много; но это многословие не меняло выражения его немигающих кошачьих глазок. Этот полнеющий человек в вечернем фраке сохранял военную выправку. У Торнтонна сложилось впечатление, что Мендосе нравится болтать ерунду. Он тщательно культивировал эту клоунскую маску, так же, как Дэйн – свой образ осмотрительного человека.

После вина Мендоса попросил разрешения заказать для них ужин. Они с Дэйном продолжали беседовать. Торнтон решил, что эти двое некогда были близкими друзьями. И происходило это явно в Южной Америке.

– А теперь вы в Майами, – сказал Мендоса. – Можно ли надеяться, что вы задержитесь здесь подольше?

– Зависит от обстоятельств, – ответил Дэйн. – Возможно, что дело вскоре будет завершено. Тогда я должен буду отбыть.

– Это будет печально. Я еще даже не показал вам свой дом. Это чрезвычайно уютное обиталище.

– Уверен в этом, – отозвался Дэйн. – Я хотел бы когда-нибудь взглянуть на него.

– Вам и вашему другу у меня дома всегда рады. В любое время, когда вам позволят обязанности агента ЦРУ.

– Сейчас я работаю на Департамент финансов, – поправил Дэйн.

– Конечно. Я и забыл, насколько вы непоседливы.

– В этом мы схожи.

Мендоса расхохотался.

– Я больше не непоседлив. Поверьте мне, мистер Дэйн, то, что я делал в юности, как будто бы совершал совсем другой человек. Войны и завоевания – иллюзия; куда более ценны покой и ясность. Я испросил американского гражданства.

– Знаю, – кивнул Дэйн.

– Мое единственное желание – остаться здесь и мирно заведовать этим маленьким рестораном. Непоседливость – это болезнь, которую излечивают годы.

– Я не ждал услышать подобное от вас, генерал, – сказал Дэйн. – Несколько лет назад...

– Это были тревожные времена, – поспешно прервал его Мендоса. – Я счастлив, что эти времена позади.

После трапезы Дэйн и Торнтон собрались уходить. Дэйн полез было в нагрудный карман за бумажником, но Мендоса положил ладонь на его руку.

– Нет, мистер Дэйн, оставьте это удовольствие мне.

– Благодарю вас, генерал, но я настаиваю на том, что платить должен я.

– А я отказываю, – возразил Мендоса. – Вы платили в прошлый раз. В Каракасе, помните?

Дэйн улыбнулся и кивнул.

– На этот раз удовольствие причитается мне, – сказал Мендоса.

Глава 11

– И что вы о нем думаете? – спросил Дэйн на обратном пути в отель Торнтонна.

– Трудно сказать, – отозвался Торнтон, помолчав несколько секунд. – Он много говорит.

– Он нервничал.

– И он, кажется, хорошо вас знает.

– Можно сказать, что знает.

– «Можно сказать!» «Наш старый добрый мистер Дэйн!» Он на самом деле был генералом?

– О да. При Пересе Хименесе он был большим человеком в Венесуэле. Он командовал одной из немногих армий, которые не были разбиты при первом же натиске повстанцев. После того как борьба стала безнадежной, он отступил из Каракаса в Баранквилью. Это был впечатляющий маневр. Если бы у Хименеса было еще два таких генерала, он остался бы у власти.

Дэйн помолчал несколько минут. Машина свернула на 79-ю улицу.

– Еще до Венесуэлы Мендоса сделал чрезвычайно интересную карьеру. Он был начальником тайной полиции во время правления Стресснера в Парагвае, до беспорядков сорок восьмого года. Стресснер почему-то решил, что Мендоса работает на две стороны, и потому Мендосе пришлось уходить через границу в Боливию. С собой он захватил немалую долю «Эль Банко де Парагвай». В Боливии он недолгое время был весьма популярной персоной. Он продавал там парагвайские военные секреты. Боливийцы страстно желали узнать их, они по-прежнему помнили чакскую войну. Потом Мендоса сбежал из Боливии.

– Почему?

– Оказалось, что его сведения были неточными.

– А в нашем деле Мендоса замешан?

– Буду очень удивлен, если это не так.

– Но почему вы так думаете? Разве какие-либо улики указывают на это?

– На определенном уровне, – пояснил Дэйв, – не нужны прямые улики, чтобы предположить участие человека в деле; достаточно умозаключений. Если вы связались с перевозкой оружия в Карибском бассейне, то следует знать, что этими перевозками управляют – на самом верху – несколько человек. Поскольку Мендоса находится в Майами, мы вправе заключить, что он участвует в игре, если не будет доказано обратное.

Торнтон почувствовал легкое замешательство. Он мог представить себе цепочку подозрений, ведущую к некоему совершенно непредставимому мистеру Икс. Но Дэйв указывает на человека, не имея для этого совершенно никаких видимых улик! И все же, когда Торнтон думал об этом, он находил логичным, что главари одной властной структуры должны знать главарей другой. Доказательства – это другой вопрос; но глава ведущей преступной группировки может сохранять анонимность не в большей степени, нежели глава государства.

Они подъехали к отелю, где проживал Торнтон. Когда Дэйв остановил машину у края тротуара, Торнтон сказал:

– Полагаю, наш визит к Мендосе усилил давление?

– Надеюсь, – ответил Дэйн. – Думаю, факт вашего появления вместе со мной подхлестнул любопытство генерала. Он должен гадать, какую роль вы играете в этом деле.

– Он достаточно легко может узнать, что я работаю на «Майами-Юг».

– Вероятно, он уже знает это, но сомневаюсь, что он в это поверил. Для Мендосы вы еще одна неизвестная в уравнении. Это должно тревожить его.

– Разве люди не пытаются сократить в уравнении лишние неизвестные?

– Пытаются.

– И что дальше?

– Мы просто подождем и посмотрим, что выйдет, – сказал Дэйн. – Я позвоню вам завтра.

Портье сказал, что никто не передавал для Торнтона никаких посланий. Торнтон взял у него ключ от номера, поднялся на лифте на одиннадцатый этаж, отпер дверь, вошел и нажал выключатель.

Свет не зажегся. Кто-то, стоявший до этого за дверью, с силой захлопнул ее. Торнтон услышал шум и отшатнулся за миг до того, как что-то тяжелое и твердое врезалось в стену в том месте, где он только что стоял.

В комнате царил полный мрак – видимо, занавески были задернуты. Торнтон чувствовал запах пота и чеснока. Кто-то крался к нему в темноте. Торнтон ударил, и его кулак задел чье-то плечо. Он ударил снова и промахнулся. Удар по ребрам отбросил его к стене. По-прежнему ничего не видя, он выпрямился и вновь нанес удар. На этот раз его кулак врезался во что-то твердое и выпуклое, и запястье пронзила боль. Видимо, он попал налетчику по голове. Он прицелился кулаком пониже, стукнув по шее. Присев, он нанес еще один удар, в живот.

За спиной Торнтона слышались шаги. Он попытался обернуться, но в черепе словно взорвалась бомба. Торнтон почувствовал, что плывет по воздуху, как будто сила тяжести вдруг исчезла совсем.

...Когда Торнтон пришел в себя, он обнаружил, что лежит на полу в своем номере. Свет был включен. Кто-то подложил ему под голову подушку и накрыл ноги одеялом. «Очень любезно с чьей-то стороны», – подумал он. Он попытался сесть, потом решил, что делать этого не следует. Комната стремительно расплылась перед глазами.

Когда зрение вновь стало отчетливым, Торнтон заметил, что рядом с ним стоит на коленях Эстелла Варгас. Она сняла с его лба мокрую салфетку и положила другую. Первую салфетку она бросила в тазик, стоящий на полу позади нее, и с тревогой посмотрела на Торнтона.

– Вы можете говорить? – спросила она. – Надеюсь, у вас нет сотрясения мозга.

– Нет, полагаю, сотрясения нет, – ответил Торнтон. Он сел, чувствуя слабость и дурноту. Кожу головы словно бы несколько дней вялили на солнце. На затылке была большая шишка. На ощупь – не меньше бильярдного шара.

– Кто ударил меня?

– Не знаю, – отозвалась Эстелла. – Когда я вошла в ваш номер, вы лежали на полу без сознания. Вашу комнату, судя по всему, обыскали.

Осторожно поворачивая голову, Торнтон осмотрелся. Занавески на окне были раздвинуты. Содержимое его чемоданов было вывалено на пол, подкладка всех костюмов вспорота. Даже матрас на кровати зиял разрезом.

– Управляющий отеля будет чрезвычайно рад, – хмыкнул Торнтон. Он решил было подняться, но потом передумал и остался сидеть, осторожно ощупывая затылок.

– Сильно болит? – спросила Эстелла.

– Естественно. Мисс Варгас, вы видели этих людей?

Она покачала головой:

– Когда я вошла в номер, свет был выключен и выключатель не работал. У меня в сумочке был карманный фонарик, и я огляделась. Оказалось, что пробки были выкручены. А вы лежали

на полу и стонали.

– Прелестная картинка, – сказал Торнтон. – Ну что же, мисс Варгас, вам должно быть понятно, что эти люди ударили меня по голове и обыскали мой номер, чтобы обеспечить мне достоверное прикрытие.

– Пожалуйста, мистер Торнтон...

– А возможно, здесь никого и не было. В этом случае я сам устроил тут беспорядок, а потом шарахнул себя по голове. Какой вариант вам больше нравится?

– Поверьте, – сказала Эстелла, – я очень сожалею, что подозревала вас. Я должна доверять мнению мистера Дэйна. Я прошу прощения, если сказала что-то оскорбительное для вас.

– Забудьте, – отозвался Торнтон. Экспериментальным путем он выяснил, что может сесть в кресло, не испытывая особых мучений. В голову ему пришла некая мысль. – Мисс Варгас, если вы звонили в номер от портье, вы не могли получить ответа.

На бледном оливковом лице Эстеллы появился легкий румянец.

– Ну, по правде говоря, я и не звонила. Я просто поднялась наверх.

– В самом деле? И обнаружили, что дверь открыта?

– Нет, она была закрыта. Я постучалась, но вы не ответили.
Поэтому я... я...

– Вы решили войти во что бы то ни стало. И как вам это удалось
сделать без ключа?

– Двери номеров в отеле очень легко открыть, – пробормотала
Эстелла. Она чувствовала себя крайне неловко.

– Вы пришли, чтобы произвести в моей комнате обыск, не так ли?

– Сначала да. Но на самом деле мне и мысли не пришло...

– Уверен, что нет, – сказал Торнтон. Он дошел до шкафа, чтобы
взглянуть на свои вещи. Выглядели они так, словно над ними
хорошо потрудился вооруженный бритвой сорванец.

– И все же вы обыскали комнату? – спросил он.

– Да. Я подумала, что эти люди оставили что-нибудь. Какие-
нибудь улики.

– Звучит правдоподобно.

– Это правда. Мистер Торнтон, у меня были веские причины
подозревать вас. Возможно, мистер Дэйн считает, что с вами все в
порядке, но у меня есть право на собственное мнение. Я не
работаю на мистера Дэйна; мы с ним сотрудничаем в этом
отдельно взятом случае. Я знаю, что он сделает все возможное,

чтобы этот груз оружия не попал по назначению. Но он не так заинтересован в этом деле, как я.

– Почему?

– Потому что это оружие не будет использовано против его страны, – сказала Эстелла. – Это оружие используют против моей родины.

Глава 12

Торнтон окинул взглядом кавардак, царивший в номере. Два костюма из легкого шелка и один из дакрона были искромсаны в куски. Интересно, кто за это заплатит? И кто возместит отелю ущерб, нанесенный номеру? Боль в голове слегка ослабла, и теперь Торнтон чувствовал, как ноют ушибленные места на ребрах. Он мрачно смотрел, как Эстелла осторожно обходит кучи хлама. В этот момент ему мало было дела до того, на чью страну готовится нападение.

– Как вы думаете, что они искали? – спросил он.

– Какие-либо документы. Возможно, они хотели знать, на кого вы действительно работаете.

– И вы искали то же самое?

– Мистер Торнтон, я уже объяснила...

– Замнем, – перебил ее Торнтон. – И не будете ли вы так добры не называть меня больше мистером Торнтоном? Я полагаю, что наше знакомство уже продвинулось достаточно далеко, чтобы вы называли меня Биллом.

– Хорошо, – отозвалась Эстелла. – Полагаю, нам следует немедленно уведомить о происшедшем мистера Дэйна.

Торнтон кивнул и с надеждой сказал:

– Может быть, они обыскали и его комнату? Вы не могли бы набрать номер, Эстелла?

Шел четвертый час ночи, но Дэйн ответил на звонок сразу же. Судя по голосу, события вечера его не удивили. И даже порадовали.

– Все к лучшему, – уведомил он. – Это означает, что они занервничали. Обыск в вашем номере был ошибкой. Возможно, они допустят и другие просчеты.

– Надеюсь, что объектом их просчетов будет теперь кто-нибудь другой, – отозвался Торнтон.

– Вы тоже сделали ошибку, – сказал ему Дэйн. – Когда свет не зажегся, вам следовало немедленно уходить.

Несомненно, сам мистер Дэйн именно так и поступил бы в первую очередь; но не каждый способен реагировать на обстановку, как военный гений. Торнтон даже не стал отвечать ему.

– В то же время, – продолжал говорить Дэйн, – у нас появилось еще несколько предметов для рассмотрения. Этим вечером полиция округа нашла грузовик – вероятно, тот, которым воспользовались похитители. Он был брошен на дороге номер 1 в десяти милях от Форт-Лодердейла.

– Полагаю, что контейнеров в нем уже не было.

– Конечно. И все же это уже кое-что. И еще мы получили рапорт от таможенников о корабле, заходившем в Порт-Какао для ремонта вчера поздно вечером. Корабль отбыл, даже не забрав заказанных приборов. На это стоит взглянуть. Вы готовы выехать отсюда в семь утра сегодня?

Торнтон ответил, что будет готов. И в семь тридцать они с Дэйном уже ехали по дороге A1A, направляясь на север от Золотого Берега в Порт-Какао.

Солнце уже начало припекать, когда они достигли небольшой кучки магазинов, разбросанных вокруг порта. Все было закрыто, и Торнтон припомнил, что сегодня воскресенье. Они проехали мимо чахлах сосенок по асфальтовой дороге, ведущей к докам. Узкая гавань Порт-Какао была пригодна скорее для стоянки прогулочных лодок, чем для чего-то более серьезного. С одной стороны гавани над длинным грузовым причалом возвышался дряхлый подъемный кран.

Кабинет начальника порта находился на втором этаже старого склада сборной конструкции. Они постучали, и хриплый голос пригласил их войти.

Начальника порта звали Джордж Кларрис. Это был краснолицый

человек лет пятидесяти, с заметным брюшком, одетый в засаленную одежду цвета хаки. От него пахло несвежим пивом. Стены его кабинета были увешаны бездарно выполненными морскими пейзажами. Другие картины лежали на стульях, а на мольберте красовалась незаконченная акварель – вид на гавань на закате.

– Давайте я уберу парочку этих картин, чтобы вы могли сесть, – сказал Кларрис. Он освободил два шатких складных стула.

Дэйн заявил:

– Вы сообщили, что вчера сюда заходил корабль, нуждающийся в ремонте. Мы хотели бы услышать об этом.

– Верно, – ответил Кларрис. – Вся информация у меня тут, в блокноте.

Он взял со стола записную книжку в пластиковой обложке и стал листать страницы.

– Вот. Маленькое каботажное судно под названием «Трентон», примерно пятьсот тонн, пришло в гавань, запрашивая помощь сигналами. Оно встало на якорь, механик сошел на берег и сообщил мне, что на мостике произошел взрыв и они потеряли часть приборов. Когда это случилось, они пересекали Гольфстрим, и потому они зашли в первый же судоходный порт. Они хотели знать, не мог бы я предоставить им детали для ремонта.

– А вы могли?

– Конечно. У нас в городе есть магазин запчастей. Но, естественно, в ассортимент не входят судовые приборы, поэтому я послал за ними в Майами.

Торнтон спросил:

– А почему «Трентон» не потратил еще час и не зашел в порт Майами?

– Они сэкономили на этом время, – пояснил Кларрис. – В этом сезоне в Майами толкучка. Они могли бы потратить большую часть дня только на поиски места для стоянки, куда механик ездил бы на берег за приборами. А тут все по-другому. Большие корабли к нам не заходят.

– Пока все выглядит вполне естественно, – отметил Дэйн. – Что случилось потом?

– «Трентон» не стал дожидаться заказанных приборов. Он ушел еще до того, как я вернулся.

Дэйн поощрительно кивнул.

– Это одно, – продолжал Кларрис. – Пойдемте на причал, и я покажу вам другое.

В дальнем конце причала Кларрис указал на свежие царапины на почерневшем дереве настила. Рядом в луже мазута стояла грузовая тележка. Возле крана сидел маленький старичок в белых парусиновых брюках и кепке с козырьком. Он был тонким и иссохшим, словно сучок, но глаза его смотрели пристально и

настороженно, словно у ящерицы.

– Ты показал им, Джордж? – спросил он.

– Показал, – ответил Кларрис. – Расскажи им, Тед.

– Ну, сэр, – начал Тед, – не успел Джордж умчаться в Майами, как эти парни подогнали свой кораблик поглубже в бухту. А еще орава парней приехала на причал на крытом грузовике кремового цвета и стала грузить что-то.

– А что делали вы? – спросил Дэйв.

– Ничего не делал, – ответил Тед. – Было немного странно, что эти парни взялись за погрузку после того, как уехал Джордж, но, черт побери, многие из этих корабельных ребят слегка со странностями. Я просто пришел порыбачить. Они погрузились, отчалили и уплыли из гавани. Я подождал, пока вернется Джордж, и рассказал ему об этом.

– Вы видели, что они грузили?

– Большие контейнеры. Должно быть, девять или десять.

– На контейнерах была маркировка?

– Не было. Все они были выкрашены в черный цвет. Судя по тому, как скрипела лебедка, эти ящики были очень тяжелыми.

– Продолжайте, пожалуйста, – сказал Дэйн.

– А больше и говорить-то нечего. Это видел не только я. Молодой Том Бейкер тоже. Он гонял по бухте на своей «Колючке». Может, видела еще пара человек. Как бы то ни было, я дождался Джорджа и рассказал ему все. Джордж был вне себя.

– Действительно, был, – подтвердил Кларрис. – Ни одно судно не имеет права грузиться или разгружаться здесь без моего разрешения. У нас маленький порт, но мы работаем честно. То, что они сделали, – нарушение закона. Грузились без разрешения, без уплаты за пользование причалом, без досмотра и всего такого прочего. Я пытался сообразить, почему они не дождались этих приборов. Чем больше я об этом думал, тем больше меня беспокоило что-то в этом корабле. – Кларрис выдержал драматическую паузу и продолжил: – Я не особый знаток по части идентификации кораблей такого типа. Парусники – другой разговор. А эти – на мой взгляд, они все похожи. И все-таки этот кораблик мне что-то напомнил. Так что я просмотрел свой блокнот, чтобы узнать, не заходил ли «Трентон» сюда прежде. Не заходил. Но черт меня побери, если его опознавательные знаки были не теми же самыми, что у «Гелиоса».

– Я тебе говорил, что это был тот же самый корабль! – вмешался Тед. – Я тебе говорил!

– Сперва я подумал, что старик малость перегрелся на солнце, – сказал Кларрис. – Я и вообразить не мог, зачем «Гелиосу» понадобилось заходить в эту гавань под другим именем и другим флагом. Потом я вспомнил об уведомлении, которое таможенники рассылали касательно «Гелиоса». Поэтому я и сообщил вашим людям.

– Разве вы не могли узнать корабль, который прежде заходил в

ваш порт? – спросил Дэйн.

Кларрис пожал плечами:

– Я уже говорил, что, на мой взгляд, все эти мелкие суденышки похожи одно на другое. Я знаю в лицо капитана и боцмана. Но сейчас они на берег не сходили.

– Когда «Гелиос» был здесь в прошлый раз?

– Примерно два месяца назад. Он взял партию цемента и кучу разного товара.

– Кто экспортировал груз?

– «Майами-Юг», – ответил Кларрис. – Это все есть в блокноте. Те же сведения вы могли бы получить в главной таможенной конторе в Майами.

– Заходят ли к вам регулярно другие суда?

– В последние несколько лет – нет, – сказал Кларрис. – Десять или двенадцать лет назад у нас процветал маленький бизнес по экспорту цитрусовых. Но нынче все пришло в упадок. На юге – Майами, на севере – Болотистый Порт и Палм-Бич. У них и бухты получше, и возможностей побольше, чем у нас.

– В таком случае, – заметил Дэйн, – почему же «Майами-Юг» по-прежнему отправляет часть груза через ваш порт? Как вы

полагаете?

– Нет, минутку, – вмешался Торнтон. – В данном случае у «Майами-Юг» нет выбора. Мы согласились доставлять товары от производителя в порт и на корабль по выбору получателя. И не наша вина, что он выбрал Порт-Какао.

– А чем провинился наш порт? – с жаром возразил Кларрис. – В общем-то здесь для маленьких кораблей есть некоторые преимущества. У нас и причалы лучше, и цены за погрузку ниже, чем в Майами или Палм-Бич. У нас нет проблем с работой, нет лоцманских сборов, нет краж. Для организации с урезанным бюджетом мы работаем чертовски хорошо.

– Это точно, – радостно согласился Тед. – Мы всем покажем, где раки зимуют!

– Во-во, – кивнул Кларрис. – Вы сами можете проверить все бумаги и просмотреть графики. Так я и сказал мистеру Райерсону, когда он стал подумывать о том, чтобы перенести погрузку товара для «Делакура» в Майами.

– Минутку... – начал было Торнтон.

– Знаю, знаю, – перебил его Кларрис. – Это заказчик, а не экспортер, выбирает порт, в котором груз принимается на борт. Но взгляните фактам в лицо. Экспортер знает обстановку. Ему известны все порты на побережье, все возможности складирования, все расценки. К его мнению касательно выбора порта следует прислушаться.

– И вы утверждаете, что этот порт выбрал мистер Райерсон? – спросил Торнтон.

– Я не утверждаю ничего, – ответил Клэррис. – Я просто говорю, что я обсуждал с мистером Райерсоном возможности Порт-Какао. Если это означает, что он выбрал наш порт, то я тут ни при чем.

Дэйн удержал Торнтон от дальнейших комментариев, сказав:

– «Трентон» не сообщил, куда он направлялся?

– Нет.

– Куда обычно «Гелиос» ходит отсюда?

– Зависит от груза. Иногда заходит в Нассау, иногда в Гавану. После этого делает остановки в Санта-Катарине и Сиудад-Трухильо, потом обходит Ямайку и возвращается вдоль побережья Центральной Америки. Скажите, мистер, а что было в тех контейнерах?

Дэйн поджал губы, три вертикальные морщины пробороzdили его лоб.

– Товар, подлежащий таможенной пошлине, – ответил он.

Глава 13

– И что теперь? – спросил Торнтон, когда они возвращались к машине Дэйна.

– Теперь это уже проблема, – ответил Дэйн. Он шел, сунув руки в карманы и склонив голову. Выглядел он усталым и удрученным.

– А береговая охрана не может перехватить «Гелиос»?

– У него было время, чтобы выйти из прибрежных вод Соединенных Штатов. Даже если бы мы знали, где он находится, то мне понадобилось бы разрешение Госдепартамента на арест иностранного судна, находящегося в нейтральных водах. К тому времени, как я получил бы это разрешение – если получил бы, – «Гелиос» уже ушел бы. Все движется слишком быстро, мы не успеваем, Торнтон. Противник сделал резкий рывок вперед.

– Вы не можете мне сказать, кто же все-таки купил его?

– Насколько я знаю, – отозвался Дэйн, – заказ на этот груз поступил из Доминиканской Республики.

Они сели в машину. Дэйн развернул ее и вырулил на узкую асфальтовую дорогу.

Торнтон спросил:

– Ведь это же не первый случай контрабанды оружия, верно?

– Конечно, не первый.

– И это в самом деле так важно – перехватить его сейчас, когда оно покинуло Соединенные Штаты?

– Да.

– Боюсь, что не понимаю причины такой спешки.

– Причина в том, что этот груз – последний. И самый большой.

– Я могу понять, что необходимо пресечь проникновение оружия в Карибский бассейн, – сказал Торнтон. – Ясно, что мы приложим все усилия, чтобы не допустить этого проникновения. Но мы не можем помешать Доминиканской Республике заказывать оружие в Британии, Западной Германии или даже Чехословакии, ведь так?

– Не можем.

– Тогда почему они этого не делают?

– Потому что все не так просто. Предыдущие партии оружия поставлялись из Соединенных Штатов. Это означает, что у них есть оружие систем «гаранд», «браунинг» и «томпсон», к которым бельгийские или чешские патроны не подходят. Доминиканцы не хотят переходить на «брены» и «шкоды» – ведь у них уже в наличии большой запас патронов 30-го калибра. Патроны должны соответствовать оружию, а оружие, которое они покупают, должно быть соответствующего калибра. Но даже если бы доминиканцы решили закупить оружие и патроны другого калибра в Европе, они не смогли бы получить это оружие немедленно. Это же нужно послать агента, заключить сделку, проверить кредитоспособность и перевезти груз. На все это потребуется время, а времени у них в обрез.

Несколько секунд Дэйн молча вел машину, а потом спросил:

– Торнтон, вы когда-либо слышали о Синей дивизии?

– Не думаю. Это так важно?

– Чрезвычайно.

Далеко впереди на дороге, петляющей среди дюн, Торнтон заметил кремового цвета автомобиль, ехавший им навстречу. Когда расстояние сократилось, он увидел, что это грузовик, идущий на высокой скорости прямо посередине узкой дороги.

– Дэйн...

– Вижу, – отозвался Дэйн. – Держитесь покрепче. Я полагаю, они собираются протаранить нас.

Торнтон обеими руками уперся в переднюю панель. С ужасом и удивлением он заметил, что Дэйн тоже едет по центру дороги. Два автомобиля шли на лобовое столкновение. Высокие бамперы грузовика блестели на утреннем солнце, словно зубы дракона. Грузовик был маленьким, но выглядел достаточно тяжелым, чтобы переехать их без большого для себя вреда.

Если бы Торнтон был за рулем, он немедленно нажал бы на тормоза, пытаясь превратить катастрофу в незначительное столкновение. Но Дэйн поступил иначе. Он буквально вжимал акселератор в пол. На его лице появилось выражение упрямства,

брови сошлись на переносице, на плотно сжатых губах заиграла чуть заметная улыбка. Казалось, он наслаждался грядущим столкновением. Спидометр показывал уже больше шестидесяти миль в час.

Справа дюны уступили место широкой илистой канаве, по ту сторону канавы росли кипарисы и сосны. Слева возвышался крутой гладкий склон дюны. Торнтон решил, что Дэйн сошел с ума. Ему отчаянно хотелось перехватить руль и предотвратить столкновение. Ускорение вжимало его в спинку сиденья. Он съежился, предчувствуя удар.

Дэйн заставил машину слегка вильнуть вправо, в сторону канавы и сосен. Грузовик повернул в ту же сторону. И за миг до столкновения Дэйн резко вывернул руль влево. Торнтону показалось, что стальные клыки лязгнули буквально в миллиметре от бока их машины. Затем грузовик остался позади, а их автомобиль, накренившись под угрожающим углом, вспахал рыхлый склон дюны. Торнтону пришлось уцепиться за ручку двери, чтобы не упасть на Дэйна. Он услышал, как шины скрипят по песку, и почувствовал, что машина накренилась. Они скатились с дюны и с силой ударились об асфальт дороги. Передняя шина лопнула.

Когда Дэйну удалось остановить машину, грузовик уже скрылся из виду.

Вместе они сменили колесо. Судя по виду, Дэйн был доволен – как будто все проблемы, терзавшие его, разрешились во время этого инцидента. Дальнейший путь в Майами протекал мирно и спокойно. Когда Торнтон зажег сигарету, он с досадой заметил, что руки его все еще дрожат. С еще большей досадой он покосился на лицо Дэйна. Судя по всему, это происшествие одним махом исцелило Дэйна от депрессии. Когда они выехали на 79-ю улицу, он что-то мурлыкал себе под нос.

– Не скажете ли мне, о чем это вы поете?

– Я думал об этом грузовике. Понимаете, это словно ряд картинок.

– Нас едва не убили, черт побери.

– Не убили бы, – возразил Дэйн. – Я мог съехать на любую сторону дороги. На самом деле с их стороны это была неуклюжая попытка, продиктованная отчаянием, без малейшего шанса на успех.

Торнтон, припомнив лязг стальных клыков у бока машины, не смог согласиться с Дэйном.

– С успехом или нет, но они попытались. Полагаю, что они попытаются еще раз.

– Весьма вероятно. В любом случае ситуация изменилась.

– Почему?

– Груз уже за пределами Соединенных Штатов, – пояснил Дэйн. – Но поскольку на нас напали уже ПОСЛЕ его успешного вывоза, то мы можем предполагать, что груз по-прежнему остается в пределах досягаемости. Иначе с чего бы им так беспокоиться по поводу нашего расследования?

– Может быть, мы им просто не понравились.

Дэйн покачал головой:

– Не в этом дело. Они хотят убрать нас со сцены, потому что у нас все еще есть возможность перехватить это оружие.

– Но если они убьют вас, то разве ваше место не займет другой агент?

– Займет, конечно. Но это означает потерю времени и перерыв в ходе расследования.

– Ладно, – сказал Торнтон. – Если я правильно понял, оружие находится на корабле вне территориальных границ Соединенных Штатов. Верно?

– Да.

– Тогда я не понимаю, как мы можем перехватить его. Им остается только выгрузить его в Доминиканской Республике.

– Оружие не попадет в Доминиканскую Республику, – возразил Дэйн. – Я не знаю, куда они направляются, но только не туда.

– Разве заказ на оружие поступил не из Сиудад-Трухильо?

– Оттуда.

– Тогда почему они везут груз не туда, откуда поступил заказ?

– Чтобы понять это, – ответил Дэйн, – вам нужно знать кое-что касательно политики в Карибском бассейне и, конечно, вам следует знать кое-что о Синей дивизии.

Дэйн помолчал несколько секунд, пытаясь припарковать машину у отеля.

– Мне нужно позвонить в несколько мест, – сказал он Торнтону. – И полагаю, нам следует сообщить все полученные данные мисс Варгас. После этого я с радостью расскажу вам о Синей дивизии.

Они вышли из машины и направились в отель, где жил Дэйн. Торнтон размышлял о словах начальника Порт-Какао. В первый раз у него возникли сомнения в том, что «Майами-Юг» не была замешана в нелегальных перевозках оружия.

Глава 14

Уединившись в телефонной будке, Стивен Дэйн набрал междугородный код Вашингтона, а потом нужный ему номер. Пока сигнал преодолевал многочисленные подстанции, Дэйн мурлыкал песенку и курил сигарету. Наконец послышались гудки, и Дэйн нажал на кнопку «ответ».

На том конце провода трубку сняла секретарша:

– Приемная мистера Бидера.

– Это мистер Дэйн. Твой начальник на месте, киска?

– Я сейчас посмотрю, мистер Дэйн. – В голосе секретарши явственно слышался трепет. Дэйн усмехнулся и стал ждать. Через несколько секунд мужской голос настороженно спросил:

– Как ты там, Стив?

– Отлично, Харви. А ты?

– Великолепно.

– Жена и дети здоровы?

– Здоровы. – Настороженность в голосе собеседника стала более отчетливой: когда Дэйн задает личные вопросы, следует быть начеку. – Что я могу сделать для тебя?

– Ну, Харви, у меня есть маленькая привилегия попросить тебя кое о чем.

– Конечно, Стив. Все, что сможет сделать мой отдел...

– Неофициально.

– Стив, я же говорил тебе в прошлый раз...

– Харви, я хочу всего-навсего просмотреть кое-какие ваши документы. Отчеты о подоходных налогах мистера Джорджа Кларриса из Порт-Какао, Флорида, мистера Джозефа Райерсона из Майами, мистера Эдварда Джексона из Майами, мистера Уильяма Торнтона из Майами. Отчеты за последние три года плюс любая другая информация по финансам, относящаяся к этому делу. Также я хочу просмотреть регистрационные документы корпорации «Майами-Юг» и все бумаги, какие у вас есть по фирме «Артуро Делакур», главный офис в Мехико-Сити, филиал в Майами. А также список держателей контрольного пакета этих двух фирм. У тебя это все есть?

– У меня – есть, – отозвался Бидер. – Но ты этого не получишь.

– Харви, не затрудняй мне работу.

– Черт возьми, Дэйн, ты знаешь, что не уполномочен проверять отчет по подоходным налогам. И ты еще имеешь наглость обращаться ко мне! Ищи официальные пути. – Он говорил это монотонно, словно повторяя давно заученный обряд; он был жрецом бюрократии, охраняющим неприкосновенную святыню документации. – Однажды, в этом деле с депортацией, я сделал это для тебя, но тогда же я сказал тебе, что это в первый и последний раз. Ты не можешь всякий раз ссылаться на чрезвычайные обстоятельства.

– Мы оба работаем в Департаменте финансов, – напомнил Дэйн. – Где же старый дух товарищества?

– В аду мы оба будем работать! – желчно хмыкнул Бидер. – На чем ты пытаешься меня подловить? Ты работаешь на любой департамент, на который хочешь работать. Сегодня – финансы, завтра – морское ведомство, послезавтра ты снова вернешься в свое вонючее ФБР. И это ты будешь говорить мне о духе товарищества?

Дэйн затушил сигарету и стал ждать. После минутного молчания Бидер спросил:

– Ты еще здесь?

– Да.

– Нет, я этого не могу. Совсем не могу. Дэйн, существуют законы и предписания, регулирующие поступление информации в правительственные агентства и в их отделы. Существуют определенные правила, которые все – даже ты – должны соблюдать. – Теперь Бидер буквально умолял. – Ты ведь понимаешь это, правда?

– Конечно, понимаю, – доброжелательно сказал Дэйн. – Если не можешь – значит, не можешь.

– Я рад, что ты так считаешь. Ничего личного.

– Конечно, нет. Я попытаюсь получить эти сведения по другим каналам. Передавай привет Долорес.

– Кому? – переспросил Бидер.

– Ты хочешь сказать, что забыл Долорес? Разве ты больше не виделся с ней?

– Нет. В тот раз я был пьян. Это была ужасная ошибка.

– Верно, – отозвался Дэйн. – Ну, до встречи.

– Минутку, – возразил Бидер. – Почему ты вдруг вспомнил эту женщину?

– Да так, просто пришло на ум. Мы в ту ночь славно повеселились, Харви.

– Я, должно быть, тогда совсем рехнулся, – сказал Бидер. – Я понять не могу, зачем я... сошелся... с этой женщиной.

– Сошелся? Чудесное словечко.

– Дэйн! Ты обещал никогда не заговаривать об этом. Я был пьян и в совершенно невменяемом состоянии. Мне надо было как-то разрядиться. Это...

– Я понимаю, – отозвался Дэйн. – Это тебя беспокоит. Давай не будем говорить об этом.

– Если только моя жена узнает...

– Будем надеяться, что не узнает.

– Дэйн, ты что, шантажируешь меня?

– Прошу прощения?

– Это шантаж, ведь так? Ты собираешься разгласить эту историю, если я не дам тебе то, что тебе нужно. Так?

– Надеюсь, твоя секретарша тебя не слышит, – вежливо сказал Дэйн.

– Не слышит. Я прав?

– Твои предположения нелепы, – ответил Дэйн. – Где это слыхано, чтобы один правительственный служащий шантажировал другого, чтобы получить информацию о соучастниках преступления? Это же будет невероятная глупость. Как скоро ты сможешь переслать мне эти данные, Харви?

Бидер был из тех людей, которым нужно высказаться, чтобы охладить свою ярость.

– Дэйн, тебе абсолютно неведомы моральные нормы. Ты ничем не лучше тех негодяев, за которыми охотишься. Ты даже хуже, потому что тебя ничем не прошибешь. В один прекрасный день один из этих подлецов пристрелит тебя или одна из твоих шлюх воткнет в тебя нож. И тогда очень многие из нас с удовольствием спляшут на твоей могиле.

Дэйн печально вздохнул.

– Я всегда знал, что пользуюсь у вас популярностью. Мы обсудим

это, когда я вернусь, Харви. Я так ценю дружеское общение. Я хочу, чтобы меня все любили.

Бидер извиняющимся тоном хрюкнул что-то в трубку.

– Могу я ожидать прибытия этих данных завтра? – спросил Дэйв.

– Да.

– Чудесно. Мой адрес – в моем офисе. Надо бы повторить ту ночь, когда я вернусь, Харви.

– Ни за что.

– Тебе это нужно. Судя по голосу, тебе приходится туго. Маленькие каникулы способны сделать окружающий мир чудесным.

– Год был тяжелым. – По мере того как гнев улетучивался, в голосе Бидера опять пробивалась настороженность. – Стив, если я оскорбил тебя...

– Ничего подобного! Я закончу это дело, и мы славно повеселимся.

– Сперва позвони мне, – поспешно произнес Бидер. – Вы, холостяки, не понимаете... Я пришлю эти данные. До свидания, Стив.

– До свидания, Харви.

Дэйн повесил трубку, вышел из телефонной будки и поднялся на лифте в свой номер.

Глава 15

Во время Второй мировой войны Испания поддерживала дружественный нейтралитет с властями Третьего рейха. При Хендайе Гитлер предложил передать Испании Гибралтар и часть Северной Африки в обмен на вступление Испании в войну и в качестве платы за пользование испанскими базами.

Генералиссимус Франко заинтересовался, но проявил осторожность. Он отверг предложение. Испания оставалась в принципе нейтральной; но когда в 1941 году Гитлер объявил войну России, Франко послал на Восточный фронт Синюю дивизию.

В 1943 году война окончательно обернулась против рейха. Шестая немецкая армия была окружена под Сталинградом, и Франко отозвал свою дивизию. Была отвоевана Нормандия. Италия вышла из войны, и армии союзников уже были под Анцио и Кассино. И следовало забыть Хендайе и сделать вид, как будто испанские военные силы вообще не принимали участия в войне. Синяя дивизия была демобилизована, а ее название вычеркнуто из списков испанской армии. Ее командир, генерал Сантос-Фигуэрос, счел за лучшее покинуть Европу. Новым местом жительства он избрал Доминиканскую Республику.

После окончания войны в Испании был самый высокий уровень рождаемости в Европе, низкий финансовый актив, минимум иностранных вложений и отсутствие добрососедских отношений. Франко поощрял эмиграцию из страны. Одним из немногих государств, охотно принимавших испанских иммигрантов, была

Доминиканская Республика, которой правил тогда генералиссимус Леонидас Трухильо.

В течение всех послевоенных лет проблемы Трухильо становились все острее. После тридцати лет абсолютной диктатуры народ стал волноваться. Революционный дух витал в воздухе, подогреваемый примерами Венесуэлы и Аргентины. Свободные доминиканские силы проходили обучение на Острове Революции – Кубе, в провинции Ориенте. На побережье Доминиканской Республики было произведено несколько высадок, но все они были отражены. И тем не менее возможность успешного нападения оставалась вполне вероятной.

Ключом ко всему была Куба; но война против Кубы была бы чрезвычайно рискованным шагом. Пока что решено было воздержаться от этого. И все же военные диверсии по всем направлениям несли в себе огромные потенциальные возможности, а установление еще одной диктатуры в западном полушарии могло бы оказаться поддержкой для пошатнувшегося режима Трухильо.

В мишенях недостатка не было. Панама волновалась, в Гватемале было неспокойно. Гондурас и Коруна были слабы в военном отношении.

Все это диктовало необходимость возрождения Синей дивизии. Люди поодиночке и маленькими группами стекались в Доминиканскую Республику. В первую очередь это были испанцы. Но были там и немцы из вермахта; голландцы, изгнанные из Индонезии, безземельные беглецы из Восточной Европы; британские и американские искатели приключений, кучка канадцев и несколько французов. И все как один были радушно приняты под штандартом с изображением сине-белого орла. Сантос-Фигуэрос начал обучать своих новых солдат. Было их почти пять тысяч. Синяя дивизия стала иностранным легионом.

Вооружение Синей дивизии было большой проблемой.

Генерал Сантос-Фигуэрос был способным и амбициозным человеком. Вооружить его солдат означало ввести его в соблазн и предоставить удобный случай для свержения режима Трухильо. Но и помимо этого вопрос об оружии был трудноразрешим. В прошлом вооружение для доминиканской армии поставляли Соединенные Штаты. Таким образом, закупать оружие европейских стандартов было экономически невыгодно. Но США внезапно и необъяснимо прекратили поставку вооружения некоторым диктаторам. Покупать что-либо у стран социалистического блока означало идти на экономический конфликт с Соединенными Штатами. Некоторые страны Западной Европы согласны были поставлять оружие Трухильо, но только в ограниченных пределах и за наличный расчет. Но по настоянию США даже эти поставки могли быть остановлены. И, наконец, перевозка оружия в Доминиканскую Республику могла привлечь нежелательное внимание тех, для борьбы против кого это оружие было предназначено. ООН или Организация Американских Государств могли задать неприятные вопросы Доминиканской Республике.

Чтобы разрешить эти проблемы, Трухильо прибег к помощи контрабандистов. Постепенно оружие прибывало в страну, а цель была уже намечена: Коруна в Центральной Америке. Последняя большая партия была предназначена для передовых подразделений Синей дивизии, уже выступивших из Сиудад-Трухильо. Две партии – оружия и людей – должны были пересечься в условленном месте.

– Вот такая картинка, – сказал Дэйв. – Вся беда в том, что мы не знаем, где должны встретиться солдаты и оружие.

Они сидели в номере Дэйва. Эстелла прикрыла глаза и сложила руки на коленях. Казалось, духота комнаты лишила ее последних сил. Торнтон курил сигарету. Клубы синего дыма недвижно висели в воздухе вокруг него.

Эстелла открыла глаза.

– Мы знаем, что «Гелиос» обычно заходит на стоянку на остров Санта-Катарина. Возможно, это и есть место встречи.

– Возможно, – отозвался Дэйн, – но я в этом сомневаюсь. Если исходить из намерений Трухильо, то Санта-Катарина находится слишком близко от Доминиканской Республики. И все же это наша единственная зацепка. При наличии некоторой удачи и значительного количества денег мы сможем узнать, куда «Гелиос» направился оттуда.

– Когда мы отбываем? – спросил Торнтон.

– Я уезжаю сегодня в полдень, – ответил Дэйн. – Вы и мисс Варгас останетесь здесь и продолжите собирать информацию. Я свяжусь с вами, как только узнаю что-либо.

Эстелла мигом очнулась от летаргии.

– Я тоже поеду на Санта-Катарино.

– Я полагаю, что это будет неразумно и небезопасно.

– Секретная служба – вообще не самое разумное и безопасное занятие для женщины. Но тем не менее это моя работа. Теперь, когда оружия больше нет в Майами, я буду здесь бесполезна, и вы отлично это знаете.

– Но вы точно так же будете бесполезны и на Санта-Катарине.

– Я так не думаю. Я знаю, мистер Дэйн, вы говорите по-испански. Но насколько хорошо?

– Этот язык для меня довольно труден, – признал Дэйн.

– Вы ничего не узнаете, если окажетесь на Санта-Катарине в одиночку, – сказала Эстелла. – Они не верят североамериканцам, и у вас не будет времени на то, чтобы завоевать их доверие. Я не буду там бесполезной. И в любом случае я вам не подчиняюсь. Я еду тоже.

– И я, – добавил Торнтон.

– Это глупо, – возразил ему Дэйн. – Разве вы говорите по-испански, Торнтон?

– На уровне средней школы. Но это дело я не брошу. Моя компания заинтересована в нем.

– Об этом не беспокойтесь. Я обещаю вам, что любое заключение будет сделано абсолютно честно по отношению к «Майами-Юг».

– Спасибо. Но я все-таки предпочитаю сам выполнять ту работу, которую мне поручили. А в случае чего...

– В случае чего нам понадобится отряд морской пехоты. Торнтон, я не смогу поручиться за то, что в этом путешествии вы уцелеете.

– Знаю, – отозвался Торнтон. Он почувствовал облегчение от того, что отныне сам должен отвечать за себя. Но в глубине души он знал, что на это решение его подвигла настойчивость Эстеллы. По каким-то неясным причинам он не хотел быть во Флориде или в Калифорнии, когда Эстелла будет на Санта-Катарине.

– Вы оба уверены в своем решении? – спросил Дэйв. – Вы оба хотите отправиться в эту поездку?

Они кивнули.

– Я учел эту возможность, – сказал Дэйв, – и забронировал два лишних места просто на всякий случай. Мы отбываем сегодня ночью, в час сорок пять. Пусть каждый из вас возьмет с собой только легкую дорожную сумку. Прихватите свой пистолет, Торнтон. Мисс Варгас, вы вооружены?

– Да. Но только маленьким пистолетом тридцать второго калибра.

– Большой калибр еще не означает меткости. Я не думаю, что нам действительно понадобится оружие. Возможности ручного оружия преувеличены, как вы, Торнтон, могли убедиться в том складе. Но оно создает определенный психологический настрой. Встретимся здесь после ужина.

Торнтон и Эстелла разошлись по своим отелям. Торнтон уже чувствовал тревожный холодок где-то в области желудка. Но все же это ощущение не было совсем уж неприятным.

Гул двигателей «ДЦ-4», совершавшего рейс с одного острова на другой, стал глуше, и Торнтон зевнул, чтобы прочистить заложенные уши. Внизу блестели кобальтово-синие воды Карибского моря, и утреннее солнце окрашивало золотом гребни волн. Вот под водой появились белые песчаные отмели, окруженные бурунами. Самолет пролетал над восточной оконечностью Багамских островов. Куба была справа, Доминиканская Республика – прямо по курсу. Аэроплан чуть накренился, начиная плавный заход на посадку.

Зажегся транспарант, на английском и испанском языках призывавший пассажиров пристегнуть привязные ремни. Торнтон последовал этому предупреждению, покосившись на сидевшую рядом Эстеллу. Она была бледна и часто и с трудом сглатывала. Дэйн, занимавший место через проход, спал, лицо его было спокойно-расслабленным. Капельки пота медленно ползли по его щекам, словно слезы по камню. На груди его покоился фотоаппарат, медленно поднимавшийся и опускавшийся в такт ровному дыханию Дэйна. Солнцезащитные очки оттопыривали нагрудный карман.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Торнтон Эстеллу.

– Когда мы сядем, все будет в порядке.

– Вы думаете, кто-нибудь поверит, что мы просто туристы?

– Почему бы и нет? На Санта-Катарине находится один из самых старых испанских фортов на Карибах. Там всегда полно туристов с фотоаппаратами.

– Я не чувствую себя туристом.

– Туристы никогда этого не чувствуют. Я хотела бы, чтобы самолет не так трясло. Мы скоро сядем?

– Вероятно, минут через пятнадцать. Если вас тошнит, то тут есть бумажный пакет...

– Меня не тошнит, – возразила Эстелла. – Просто неприятно. – Она отвернулась от него и стала смотреть в иллюминатор. Надеясь, что она правильно расценит этот жест сочувствия, Торнтон положил ладонь поверх ее руки. Эстелла безразлично позволила ему это. Лучи солнца били в иллюминатор, подсвечивая иссиня-черное облако ее волос.

Минуту спустя она повернулась к Торнтону, но руку не отняла.

– Билл, расскажите мне о себе.

– В общем-то рассказывать особо нечего, – ответил Торнтон. – Я занимаюсь экспортными сделками и много путешествую. Вот и все, что я могу сказать.

– Это не может быть всем, – улыбнулась Эстелла. – А семья?

– Мои родители умерли. У меня есть тетя и дядя в Уотербери, штат Коннектикут. И еще замужняя сестра. – Он несколько секунд помолчал, потом решительно продолжил: – И еще бывшая жена, живущая в Фениксе. Вот и вся моя семья.

– Я и не знала, что вы были женаты.

Торнтон развелся с женой уже почти семь лет назад, и потому он легко мог сказать:

– Она очень хороший человек. Ее зовут Джанет. Сейчас она замужем за офицером.

Обычно Торнтон стыдился своего неудавшегося брака, расценивая его как символ жизненной неудачи. Он знал, что лучше всего промолчать об этом и сделать вид, что этого никогда не было. Но когда речь зашла об этом, какой-то импульс заставил его рассказать, попытаться объяснить то, что он не в силах был

ПОНЯТЬ.

– Я и сам хотел бы знать, что вышло не так, – сказал Торнтон. – Нельзя сказать, что у нас были скандалы. Я не избивал ее, она мне не изменяла. Но мы постоянно ссорились, пока это не перешло в постоянную размолвку. Тогда я думал, что она просто невыносима. Мы развелись. Несколько лет спустя я начал думать, что это я был невыносим. Теперь я не знаю. Я думаю, что мы с Джанет были просто очень молоды и эгоистичны... Возможно, это служит слабым оправданием для развода.

– По крайней мере, это честно, – промолвила Эстелла. Помолчав, она спросила: – Могу я задать вам один вопрос?

– Конечно.

– Вы можете рассказать о своей бывшей жене?

– О, она была высокой блондинкой, гибкой, атлетического сложения. Очень смелой. Почему вы спрашиваете?

– Мне просто любопытно, – ответила Эстелла. Она притихла, и Торнтон решил, что она мысленно сравнивает достоинства женщин англосаксонского и латиноамериканского типов.

Санта-Катарина поднималась из океана им навстречу в белом сиянии, слегка приглушенном зеленью пальм. Они пролетели над причалами, возле которых стояли игрушечные кораблики, над мозаикой улиц и зданий. Вот внизу появился кукольный домик – здание аэропорта. Вдали, на самом краю океана, виднелась темная туча – остров Гаити.

Дэйн проснулся и стал проверять готовность фотоаппарата. Эстелла выдернула свою руку из-под ладони Торнтон.

Выйдя из самолета, они словно ступили в раскаленную печь. В этот день ни малейшее дуновение ветерка не освежало берега Санта-Катарины. Улицы были практически пусты, подъезды к магазинам перекрыты тяжелыми деревянными брусьями. Возле аэропорта в дряхлой автомашине дремал шофер. Когда Торнтон потряс его за плечо, он с неохотой открыл глаза.

Дэйн заказал номера в «Коронадо», великолепной, просоленной морскими ветрами развалине, пыльные окна которой выходили на гавань. Лифт не работал; коридорные отсутствовали. Путешественники поднялись по скрипучей лестнице в свои номера на четвертом этаже. Результатом этого восхождения были дурное настроение и пропитанная потом одежда. Все трое дружно решили принять душ и отдохнуть.

Торнтон вошел в свой номер и захлопнул дверь, распугав тараканов. Он включил располагавшийся на потолке вентилятор. Лопасты провернулись с ревматическим скрипом. Торнтон разделся и прошел в ванную. Там ему удалось извлечь из душевого рожка струйку тепловатой воды.

Все это угнетающе напоминало ему Юго-Восточную Азию. Везде одно и то же – полный упадок техники. Сгнившая изоляция и проржавевший металл – эпидемические заболевания, поражающие всю технику, приходящую с Запада. И все же люди хотели получить эти тракторы, джипы, комбайны и жатки, несмотря на то что климат превращал это все в груды металлолома за год или даже быстрее.

Торнтон стал думать об Эстелле. Очаровательная девушка, очень милая. Стройная талия, округлая грудь, а ножки просто замечательные. Пожалуй, чересчур скована и серьезна, но это, решил Торнтон, просто признак хорошего воспитания, примерно

такого же, какое получил он сам.

Она была привлекательной по любым меркам, хотя сильно отличалась от тех девушек, которым он когда-то назначал свидания. На одной из тех девушек он и женился. Эстелла же принадлежала к совсем другому типу. В ней было кое-что общее с тем женщинами, которые подгоняют себя, часто неосознанно, под стандарт телевизионных реклам зубной пасты и шампуня. Но этим ее образ не исчерпывался. Торнтону это нравилось; однако миллион рекламных роликов и десять тысяч миль рекламных щитов мешали ему полностью переключиться на новое восприятие. Ему нужно время, чтобы отрешиться от них.

Некоторое время он смотрел, как лопасти вентилятора медленно крутятся в застоявшемся воздухе, но смотреть на это было мучительно. Наконец он заснул.

...Он проснулся несколько часов спустя, не чувствуя себя отдохнувшим и ощущая во рту привкус железа. Он побрился, принял душ, оделся и вышел из номера. Коридор заканчивался дверью, выходящей на патио – плоскую крышу пристройки нижнего этажа. Открытая площадка была уставлена горшками и кадками с растительностью. В дальнем конце патио сидели в плетеных креслах Дэй и Эстелла. На Дэйне были легкие брюки с ремнем из крокодиловой кожи, кричаще-яркая рубашка спортивного покроя и сетчатая панама. На шее висели фотоаппарат и экспонометр. Если он хотел выглядеть нелепо, то это ему почти удалось. Почти, но не совсем. Никакая шляпа не могла приглушить металлический блеск в его глазах или скрыть отнюдь не туристский загар на жестком длинном лице. И никакая спортивная рубашка не отвлечет внимания от его широких запястий и сильных рук.

Эстелла надела сегодня длинную плиссированную юбку из шелка с бахромой по подолу и красные босоножки на высоких каблуках. Ее блузка была из черного шелка в красный горошек, а тонкую талию подчеркивал широкий белый пояс. Ее макияж был нанесен весьма умело. Должно быть, когда-то ей приходилось

пользоваться отвратительной косметикой фирмы «Кармен».

Несколько мгновений Торнтон созерцал их, дабы вежливо выдержать паузу, а потом спросил:

– А что бы вы посоветовали мне? Я могу взять напрокат костюм матадора или, быть может...

– Ваша одежда, – отозвался Дэйв, – вполне уместна в данной обстановке.

– В какой ночной клуб собирается пойти мисс Варгас? – спросил Торнтон.

Эстелла ответила:

– А вы вообще имеете понятие, как одеваются девушки на Санта-Катарине?

– Полагаю, нет. В любом случае – что мы планируем?

– Мисс Варгас собирается поискать своего друга, – сказал Дэйв.

– Кого?

– Разве я не говорила вам о нем? – сладко пропела Эстелла. – Его зовут Рафаэль Домингес. Он вам понравится, Билл. Ростом выше шести футов, с широченными плечами и прекрасно танцует. Он

так очаровательно смеется! Очень заразительный смех.

– Уверен, – отозвался Торнтон.

– И к тому же, – добавила Эстелла, – он служит третьим помощником капитана на грузовом судне «Гелиос».

– О да, понимаю. Этот Домингес действительно существует?

– Конечно, существует, – сказал Дэйн. – Мы получили на него данные с фотографией из эмиграционного бюро. При наличии некоторой удачи мисс Варгас может добыть кое-какие сведения касательно «Гелиоса».

– А мы пойдем с ней?

– Нет, конечно. Если два парня будут таскаться за ней по всем причалам, то ей не удастся ничего узнать.

– Но разве такая прогулка не опасна?

– Все наше дело опасно.

– Она действительно может что-либо разведать таким способом?

– Вероятно, – ответил Дэйн. – Получить информацию не так уж сложно. Насколько информация будет точной – другой вопрос. И почти невозможно быть уверенным, что эта информация

достанется тебе одному.

Торнтон кивнул.

– А что будем делать мы с вами?

– Я пойду за кое-какими покупками. А вы отправитесь на руины старого форта за чертой города. Чрезвычайно живописные развалины. Я дам вам свой фотоаппарат.

Торнтон недоверчиво уставился на него:

– Вы хотите сказать, что я должен просто бродить и любоваться видами?

– Конечно. А вы ожидали чего-нибудь таинственного? Хотите поиграть в сыщиков-разбойников?

– Нет, но... А что вы намерены купить?

– Новый бумажник. Мой старый уже совсем истерся.

– Послушайте, мистер Дэйн, это чрезвычайно странный способ расследования. Я думал, мы примчались сюда, чтобы обнаружить местонахождение оружия.

– Именно так. Но мы не достигнем ничего, если будем рыскать по всей Санта-Катарине и хватать людей за шиворот. Или вы

пытаетесь понять, как мы узнаем что-либо?

– Конечно.

– Осведомители сами придут к нам, – ответил Дэйн.

– Почему они должны это сделать?

– Потому что знают, что мы заплатим за информацию американскими долларами. У них на это дело особый нюх. Когда будете в форте, обязательно осмотрите монастырь поблизости. Мне говорили, там чудесный сад.

– Полагаю, вы знаете, что делаете, – с сомнением произнес Торнтон. – Когда мы встречаемся?

– Скажем, в семь тридцать вечера в ресторане «Кастельон». Это в квартале от нашего отеля.

Торнтон добросовестно облазил старый форт и сфотографировал разрушенные бастиины и изукрашенные орнаментом бронзовые пушки. Присоединившись к толпе туристов, сошедшей с прогулочного теплохода, он поднялся на верхушку дозорной башни. Одетый в форму страж порядка рассказал ему, что с этой башни испанские часовые высматривали в море галеоны с сокровищами, идущие с Кубы, и английские и голландские пиратские суда, приплывающие с Багам. Зной по-прежнему был нестерпим, а туристы попались очень шумные. Торнтон направился в монастырский сад и долго рассматривал там тропические растения, большую часть которых он видел на Яве.

Он бродил по изрезанному террасами склону холма, любуясь цветочками. Стивен Дэйн покупал в городе новый бумажник. Эстелла расспрашивала в порту о своем мнимом друге по фамилии Домингес. И где-то в море грузовое судно «Гелиос» спешило к неизвестному им месту встречи.

Наконец Торнтон снял пиджак, перекинул его через плечо и отправился обратно в город. Было едва четверть восьмого, но Дэйн и Эстелла уже сидели за столиком в «Кастельоне», дожидаясь его.

– Вы купили бумажник? – спросил Торнтон.

Дэйн кивнул.

– Торнтон, через несколько столиков слева от вас сидит человек, которого вы, как я думаю, знаете.

Торнтон обернулся. Человек, сидевший через несколько столиков от них, кивнул ему, а потом вновь уткнулся в свою газету. Секунду спустя Торнтон вспомнил, кто это. В прошлый раз он видел Роджера Стиччини в Майами, в заброшенном складе, когда тот целился в него из пистолета.

Глава 17

– Что он здесь делает? – спросил Торнтон.

– Вероятно, то же самое, что делаем здесь мы, – ответил Дэйн.

– Возможно ли арестовать его?

– Между США и Санта-Катариной нет соглашения о выдаче преступников.

– Но что мы можем сделать?

– Мы закажем ужин, – отозвался Дэйн и приступил к делу, проявляя неплохие познания в испанском языке.

Позже, в номере Эстеллы, они свели воедино всю полученную ими информацию. Эстелла выяснила, что «Гелиос» заходил в Санта-Катарину два дня назад всего на несколько часов, чтобы взять пресную воду и продовольствие. Никто не знал, куда он направился отсюда, хотя кое-кто полагал, что в Пуэрто-Баррьос, в Гватемалу. Поделившись с Эстеллой этими сплетнями жена рыбака обещала сообщить, если «Гелиос» вернется или дойдут какие-нибудь слухи о нем. От нее же Эстелла узнала много других портовых сплетен: о том, что Куба готовит нападение на Гаити; о том, что банда в двести тяжеловооруженных мятежников вторглась в Никарагуа из Гондураса; о том, что таинственный самолет атаковал с воздуха Сантьяго-де-Куба; о том, что на мексиканско-гватемальской границе, поблизости от Сан-Фелипе, в Кампече произошла вооруженная стычка. Ничего интересного касательно Доминиканской Республики и совсем ничего о Синей дивизии.

– Так что мы по-прежнему не знаем, куда направляется оружие, – сделал вывод Торнтон.

Дэйн покачал головой:

– Кажется, это один из наиболее тщательно охраняемых секретов

в этой части света. При обычном развитии событий можно было бы ожидать, что кто-нибудь сообщит нам что-либо сегодня ночью или завтра. Но поскольку Стиччини в порту, то я не могу быть в этом уверен.

– И что теперь? – спросила Эстелла.

– Я собираюсь послать несколько телеграмм. А потом пойду погулять. Думаю, будет лучше, если вы и мистер Торнтон останетесь где-нибудь поблизости от отеля. Все, что нам сейчас остается, это ждать.

Дэйн ушел. Торнтон пригласил Эстеллу зайти в бар отеля, но она отказалась. Она провела большую часть дня, распивая вино вместе с женой рыбака.

– И вы собираетесь продолжать работу в этом же направлении? – спросил ее Торнтон.

– Нет, конечно. Это работа для профессионалов, таких, как мистер Дэйн.

– А разве вы не профессионал?

– В этом смысле – нет. Я взялась выполнять работу на благо своей страны, и я пытаюсь работать как можно успешнее. Когда все это закончится, я вернусь к своей постоянной работе.

– А что это за постоянная работа?

– Исследователь в Консультативном комитете при представительстве Соединенных Штатов. Эта работа так же скучна, как ее название. Но собрания комитета часто проходят в Нью-Йорке, и это очень радует меня. Я хотела бы жить в Нью-Йорке.

– Я тоже, – отозвался Торнтон. – Эстелла, как вы впутались во все это?

– Я оказалась в нужном месте в нужное время. Вот так просто. А вы, Билл? Куда вы направитесь после того, как вся эта суета закончится?

– Не знаю, – ответил Торнтон. – Вероятно, снова в Индию.

– Звучит заманчиво.

Торнтону снова представилась чередой номеров в отелях, протянувшаяся в неопределенное будущее. Снаружи доносились удары барабана и гудки автомобилей.

– Удивительно, насколько скучным это может стать. Я хотел бы проводить больше времени в Штатах.

– А разве вы этого не можете?

– На самом деле не знаю, – сказал Торнтон. Оба умолкли. Эстелла сидела, сложив руки на коленях, ее гладкие черные волосы были зачесаны за уши. Торнтон чувствовал себя неловко. Он закурил, пытаясь сообразить, что же все-таки не так.

– Может быть, спустимся выпить кофе? – предложил он.

– Мне не хочется. Я очень устала, Билл.

Торнтон кивнул в знак того, что он тоже устал. Эстелла проводила его до двери номера. Торнтон, по-прежнему испытывая неловкость, повернулся и положил руки ей на плечи.

– Я хотел бы, чтобы вы не принимали в этом участия, – сказал он. – Стиччини здесь, и это может оказаться опасным.

– Для участия в этом деле у меня больше причин, чем у вас.

– Полагаю, это так. – Ему не хотелось отпускать ее. Она была обута в туфли без каблуков, и Торнтон только теперь осознал, насколько она ниже его. Из открытого окна донесся хриплый вой трубы, перекрывший даже барабанную дробь. Вентилятор скрипнул, и Торнтон вдруг ощутил, что ладони у него вспотели. Он выпустил ее плечи и отступил на шаг.

– Увидимся утром, – сказал он. Эстелла кивнула, и он ушел.

У себя в номере он лег на кровать, не раздеваясь, и закинул руки за голову. Он прислушивался. Сквозь тоненькую перегородку до него доносились шаги Эстеллы – она расхаживала по комнате. Он слышал, как щелкнул замок в двери ее номера. Чуть погодя он расслышал шорох одежды, а потом – скрип кровати.

Он закурил, не зажигая света. По лицу катился пот, мысли были

обрывочны и беспокойны. Он не мог прекратить думать о ней и не мог прекратить попытки избавиться от этих мыслей. Перед его внутренним зрением все время возникал образ Эстеллы, прекрасной и чувственной. Вот она медленно расстегивает блузку в горшечек, вот она снимает шелковую юбку...

Если бы знать заранее, что ему предстоит, он захватил бы с собой снотворное.

Глава 18

Восемь часов сна и ясное солнечное утро вернули Торнтону спокойствие духа. Он сказал сам себе, что накануне был слишком взвинчен, но теперь это позади. Важно сохранять рассудок, и тогда лихорадка минет своим чередом. Некоторые способны на это, хотя Торнтон никогда не причислял себя к ним. Со времени развода с Джанет все его романы стремительно вспыхивали, подобно фейерверку, и так же внезапно угасали, словно раскаленное железо, брошенное в ледяную воду.

Беда была в том, что он вовсе не был донжуаном. Но и роль осторожного холостяка его не устраивала. Он жаждал дружбы и взаимопонимания; он хотел домашнего уюта и чувства защищенности.

Если бы Эстелла была его женой... Но он отбросил эту мысль прочь. Он уже был однажды женат, и его пугала возможность вторично потерпеть неудачу. Он запретил себе вообще думать на эту тему. Вскоре он уже стучался в дверь номера Эстеллы.

Она была готова к новой ежедневной порции жары и духоты. Вместе они постучались к Дэйну и не получили ответа. Они спустились в вестибюль, и портье сообщил им:

– Ваш товарищ оставил вам записку. – Он протянул Торнтону незапечатанный конверт.

– Когда он ушел? – спросила Эстелла.

– Ночью, очень поздно. Я тогда еще не заступил на дежурство. Мне сказал дежурный из ночной смены.

Они поблагодарили его и направились завтракать в ресторан при отеле. Торнтон вынул из конверта записку, и они прочли: «Милые мои, мне очень жаль, что я вас бросаю, но вы сами знали, на что идете, отправляясь в отпуск с археологом-любителем. Я встретил в баре одного парня, который рассказал мне о настоящих наскальных изображениях доколумбовых времен, не говоря уже об оружии периода испанской оккупации! Если я смогу найти что-нибудь на одном из ближайших островков, то можно будет приволочь это в Высшую Школу Обманщиков! Как бы то ни было, пусть ваш отпуск продолжается. Если вы сможете остаться в окрестностях Санта-Катарины еще на день-другой, то я как раз вернусь. А если вы уедете в Майами, то встретимся в отеле. Еще раз прошу прощения».

– Так что теперь он археолог-любитель, – подытожил Торнтон. – Вы не думаете, что дело зашло слишком далеко?

– Не думаю, – откликнулась Эстелла. – А что вы хотели? Чтобы он оставил список инструкций относительно партии оружия?

– Нет, конечно. Но все это выглядит так наигранно.

– Это и есть наигранное. В любом случае он выражается довольно

ясно.

– Переведите мне.

Эстелла снова развернула письмо.

– Он пишет, что встретил кого-то, кто знает кое-что относительно сложившейся ситуации. Он уехал на день или два, чтобы кое-что проверить. «Высшая Школа Обманщиков» – это, должно быть, Вашингтон. И он ясно указывает нам – оставаться здесь или вернуться в Майами.

– Интересно, почему он не сказал нам об этом ночью?

– Вероятно, потому, что у него не было времени.

– Он упоминает ближайшие островки. Должно быть, это Багамы.

– Сомневаюсь, – возразила Эстелла, – он не стал бы так явно указывать на них. С другой стороны, он мог написать это, чтобы сбить со следа кого-нибудь другого, кто мог прочесть это послание. Если бы я знала его лучше, то поняла бы, что он под этим подразумевал.

– Можем ли мы быть уверены, что тут нет другого письма, написанного невидимыми чернилами?

Эстелла изумленно посмотрела на него.

– Я терпеть не могу эти спектакли «плаща и кинжала», – пояснил Торнтон. – Насмотрелся в Азии. Цэрэушники с загадочным взглядом, словно все до единого носят маски. Удивительно, во сколько обходятся такие вещи и как мало от них отдачи.

– Мистер Дэйн занимается особыми делами, – сказала Эстелла. – И для него очень важно добиться успеха.

– Ладно, – махнул рукой Торнтон. – Чем бы вы хотели заняться сегодня утром?

– Как насчет прогулки на рынок?

– Чудесно, – ответил Торнтон и вернулся к своему кофе.

После завтрака они первым делом наведались на причал для маленьких судов, находящийся в северной части порта. Они прошли мимо длинной шеренги рыбацких лодок, покрашенных в ярко-красный и зеленый цвета, мимо причала для сдающихся напрокат судов, возле которого безнадежно ожидали работы два старых прогулочных катера и сорокафутовая спасательная шлюпка. Большинство рыбацких лодок были снабжены дизельными моторами; их низкие мачты и укосины стали теперь бесполезным грузом. Оборудованы эти лодки были скудно, но на каждой имелось радио, принимавшее танцевальные мелодии из Гаваны. Мол был уставлен корзинами с рыбой, потерявшей в ярком солнечном свете свое фосфоресцирующее свечение.

– Не хотите прогуляться под парусом? – спросил Торнтон.

– Не сегодня. Я надеюсь, мистер Дэйн не задержится надолго.

– Ну да, – с легким недовольством согласился Торнтон. Но было просто невозможно долго оставаться в дурном настроении, когда вокруг сияет тропическое утро, когда солнце еще не палит нестерпимым жаром, когда Эстелла идет рядом и, переступая через трещины в тротуаре, опирается на его руку.

С причала они отправились на рынок. У самого входа под длинными навесами расположились торговцы цветами, их прилавки были завалены розовыми, желтыми и алыми соцветиями, уже испускавшими слабый аромат увядания. Торнтон и Эстелла прошли мимо открытых лавок, где продавались мексиканские одеяла и гаитянские резные безделушки, мимо раскаленной жаровни, на которой старуха в черной шали пекла и жарила черепашье мясо, распространяя запах горящего масла. Домохозяйки торговались за сушеные фрукты. В мясной лавке свисали с потолка длинные ряды бело-красных туш, и маленький мальчик постоянно отгонял от них мух.

Чуть подальше рынок выглядел несколько более respectable. В крохотных лавчонках продавались кольца, ожерелья, статуэтки святых, поделки из соломы и куски необработанных полудрагоценных камней. Торнтон и Эстелла прошли ювелирные ряды и оказались в мире крокодилов. Здесь были туфли и бумажники, портфели и чемоданы, пояса и обложки для документов – и все из крокодиловой кожи. Все на свете можно сделать из крокодиловой кожи, и более уродливый мир невозможно представить. Предлагалось бесконечно многое – требовалось несуществующее.

До сих пор им успешно удавалось отвязаться от продавцов. Энергичные испанские выражения Эстеллы и ворчание Торнтона отпугивали даже самых настырных. Но продавец крокодильей кожи оказался непробиваемым. Он выбежал из своей лавки и вцепился в них, словно тропическая пиявка. Он был низеньким, толстым, с глазами, похожими на ягоды терна. Он зазывал их в лавку на испанском, французском и английском языках. Торнтон подумал, что в другом месте человек с такой энергией и

целееустремленностью вмиг сделался бы миллионером.

– Я умоляю вас только взглянуть на эти чемоданы. Только взглянуть, и ничего более. Дело идет плохо, торговля – это ужасно. Это настоящий крокодил, сэр.

– Не люблю крокодилов, – ответил Торнтон. – Предпочитаю бычью кожу.

– Крокодиловая кожа долговечнее бычьей, – возразил торговец. – В моих чемоданах хранится сама вечность. А может, вам нужен бумажник?

– Нет, – сказал Торнтон.

– По крайней мере, посмотрите на мой магазин. Никаких обязательств, я вас уверяю.

– Нет, – ответил Торнтон, а Эстелла добавила по-испански нечто весьма похожее на ругательство.

– Мне так жаль, – огорчился торговец. – Только вчера ваш земляк купил у меня лучший бумажник. Мистер Дэй. Он понимает толк в вещах.

– В самом деле? – переспросил Торнтон, останавливаясь.

– И он сказал мне, что вам тоже может понадобиться бумажник или, возможно, небольшая дорожная сумка. Честно говоря, он

посоветовал мне, чтобы я высматривал вас.

– Понятно, – сказал Торнтон. – Ладно, мы зайдем посмотреть.

Торговца звали мистер Куалилья. Он провел их в свой магазин и пригласил пройти за прилавок в небольшую комнату. Помимо двух потертых кушеток и грязного восточного ковра, в комнате находилась куча битой керамики и множество изделий из латуни. Мистер Куалилья задернул занавески и уселся в издававшее виды кресло.

– Дорогой мой сэр, – начал он торжественно, – вы не должны заставлять немолодого и слегка располневшего человека гоняться за вами по улицам. Я полагал, что люди вашей страны понимают намеки быстрее.

Торнтон извинился, а Эстелла добавила, что трудности в понимании – целиком ее вина.

– Ладно, не будем об этом, – галантно произнес мистер Куалилья. – Конечно, не будем! В любом случае вы здесь, в покое и уюте, и через мгновение будет готов кофе. Сэр, позвольте сообщить вам, что я полностью разделяю ваш вкус. Крокодиовая кожа – на редкость отвратительный материал.

– Тогда почему вы ею торгуете? – спросил Торнтон.

– Я думал, это будет интересно и не потребует больших усилий. Дело идет ни шатко ни валко, за исключением тех случаев, когда в порт приходит туристский теплоход. А все остальное время я могу спокойно писать мемуары. Вы любите турецкий кофе?.. Прекрасно, я сейчас приготовлю.

Мистер Куалилья вынул из стенного шкафчика джезvu с длинной ручкой и поставил ее на горелку. Банка с кофе обнаружилась на куче свернутых кож.

– Да, – продолжал он, – я могу сказать, что получаю удовольствие от этого бизнеса, потому что это вообще не бизнес. Он позволяет мне наслаждаться красотами этого чудесного острова. В своей собственной стране каждый должен работать, но за границей можно посвятить время другим занятиям.

– А где ваша родина, мистер Куалилья?

– Я британец, – ответил мистер Куалилья. – Вот! Кажется, кофе готов.

Он разлил кофе в крошечные медные чашечки. Торнтон и Эстелла попробовали густой напиток и похвалили его вкус. Мистер Куалилья сиял от радости.

– Кажется, вы упомянули мистера Дэйна? – спросил Торнтон.

– Да, – отозвался мистер Куалилья, – великолепный мистер Дэйн. Он обычно покупает у меня бумажники, когда бывает на Санта-Катарине. А потом мы заходим сюда, пьем кофе и разговариваем.

– Это должно быть интересно, – сказал Торнтон, подавляя нетерпение.

– Я всегда наслаждаюсь разговором с мистером Дэйном, –

продолжал Куалилья. – С ним сюда приходит истинное дыхание севера. Рядом с мистером Дэйном трудно сохранять убежденность в том, что мир лишен смысла. После того как мистер Дэйн покидает нас, я обычно стараюсь поговорить с моим добрым другом, секретарем французского посла. Это помогает мне вернуться к прежней точке зрения.

– А вы работаете и на французов? – спросил Торнтон.

– Я – человек Запада, – твердо заявил мистер Куалилья. – Мои симпатии целиком на стороне стран НАТО. Но в первую очередь моя верность, конечно, принадлежит Соединенным Штатам.

– Конечно, – повторил за ним Торнтон.

– Еще кофе? Нет? Ну так вот, мистер Дэйн попросил меня ввести вас в курс дела. Вам следует знать, что недавно в Доминиканской Республике произошло одно интересное событие. Группа европейцев численностью приблизительно в тысячу человек из лагеря особого назначения под Ла-Вегой переместилась в Сиудад-Трухильо. Они погрузились на борт транспортного судна «Либерти». По документам это были рабочие, направлявшиеся в Венесуэлу на нефтяные поля. Возглавлял их хорошо известный всем Сантос-Фигуэрос, бывший генерал Синей дивизии. – Мистер Куалилья многозначительно улыбнулся. – Быть может, вы слышали кое-что об этой рабочей силе?

– Слышали, – подтвердил Торнтон. – Они уже получили оружие?

– Нет еще. Не в Доминиканской Республике.

– Они уже отплыли?

– Их корабль покинул берега Доминиканской Республики сегодня утром. Если бы вы могли сообщить об этом мистеру Дэйну...

– Мы не знаем, где он находится, – сказал Торнтон.

Куалилья поднял брови.

– В самом деле? И он не оставил никаких указаний относительно того, куда уехал?

– Никаких.

– Возможно, он не мог открыть вам все свои секреты, – с улыбкой произнес мистер Куалилья, давая понять, что это всего лишь шутка. – Или, быть может, это пресловутая американская осторожность.

– У вас есть еще какая-нибудь информация для нас? – спросила Эстелла.

– В настоящий момент – нет. Но я должен сказать вам, что вам обоим лучше всего покинуть Санта-Катарину при первой же возможности. В городе появился опасный элемент. Слишком многие пытаются изменить ход событий, убрав лишние неизвестные из уравнения. Лучше всего будет быстро исчезнуть.

– Это невозможно.

– Тогда будьте осторожны, – сказал Куалилья. – Будьте очень осторожны.

Эстелла спросила:

– Вы слышали что-нибудь о грузовом судне «Гелиос»?

– Оно было здесь два дня назад. Помимо этого я не слышал ничего. Однако очевидно, что «Гелиос» и «Либерии» должны встретиться в некоторой точке. Оружие воссоединится с людьми там, где никто ничего не заметит. Но я не знаю, где находится это место. Это не может быть большой порт или город. Но за данным исключением нам на выбор предоставлен весь Карибский бассейн.

Торнтон и Эстелла встали. Куалилья дружески пожал им руки.

– Будьте осторожны, мои юные друзья. Ради всего святого, будьте осторожны.

– А вы, мистер Куалилья? – спросила Эстелла. – Разве вам не грозит опасность?

– Я принял необходимые меры предосторожности. Мистер Дэйн предусмотрительно снабдил меня некоторыми средствами, и я отправляюсь в отпуск. Я буду отсутствовать в течение нескольких недель. А после этого, как я полагаю, Санта-Катарина вновь станет благодатным и приветливым местом. Передайте мою благодарность мистеру Дэйну, когда увидите с ним. И будьте осторожны.

Торнтон сказал:

– Быть может, мне перед уходом нужно купить бумажник?

– Пожалуйста, не делайте этого, – возразил мистер Куалилья. – Мистер Дэйн покупает их только для того, чтобы досадить мне. У него очень странное чувство юмора.

– Это точно, – отозвался Торнтон. Они с Эстеллой вышли на улицу.

Не успели они пройти квартал, как Эстелла тронула Торнтона за плечо:

– Что касается неприятностей, которые предрекал мистер Куалилья...

Торнтон обернулся и увидел, что прямо к ним направляется не кто иной, как Роджер Стиччини.

Глава 19

– Давайте уйдем отсюда, – сказал Торнтон. Он взял Эстеллу под руку и перевел на другую сторону улицы. Ему не верилось, что Стиччини осмелится предпринять что-либо посреди города средь бела дня. Но рисковать, проверяя это предположение, он не хотел. Стиччини уже пытался один раз убить его. Возможно, он считает, что в людном месте это будет легче сделать – неожиданный спор, выстрел, неразбериха, толпа, собравшаяся поглазеть на труп. И

когда наконец придет полиция, никто не сможет с уверенностью сказать, что же случилось на самом деле.

Они свернули в узкий переулок. Торнтон оглянулся и увидел, что Стиччини идет за ними. Руки его были засунуты глубоко в карманы. Судя по виду, он нервничал и злился.

В дальнем конце переулка Торнтон увидел серую каменную громаду отеля «Коронадо».

Стиччини что-то крикнул. Торнтон огляделся и заметил грузовик, свернувший в переулок. Он подтолкнул Эстеллу поближе к стене здания, чтобы дать грузовику возможность проехать. А потом заметил, что грузовик и не намеревается проезжать.

Тротуар был шириной не больше фута. По обеим сторонам переулка возвышались многоэтажные здания, похожие на отвесные стены ущелья. Грузовик левыми колесами ехал по тротуару, его квадратная громада занимала почти всю ширину переулка. Он мчался прямо на них.

Стиччини, стоявший в двадцати футах позади них, прыгнул в дверь подъезда. Торнтон поспешно огляделся в поисках другой двери, но вокруг были только гранитные стены зданий. Он слышал, как стучат клапаны в двигателе грузовика, радио в кабине играло танцевальную мелодию из Гаваны.

На какой-то миг вид огромного колеса, мчащегося прямо на них, парализовал Торнтон. В следующий миг он швырнул Эстеллу наземь, вжимая ее в угол, образованный стеной здания и тротуаром, прикрывая ее своим телом.

Оплошность водителя спасла им жизнь. Грузовик подошел

слишком близко к зданию. Кабина скрежетнула по камню, потом последовал удар о выступ. На скорости сорок миль в час грузовик накренился, ударившись о стену здания на другой стороне переулка. Два человека, отчаянно вжимавшиеся в тротуар, увидели, как мимо них промелькнуло днище машины, окутанное синими выхлопами. Грузовик промчался мимо них на двух боковых колесах. Торнтон рывком поднял Эстеллу на ноги, и они побежали туда, откуда пришли, прежде чем грузовик мог остановиться.

Но грузовик бесследно исчез из переулка. Когда они добежали до подъезда, куда скрылся Стиччини, его там уже не было. Должно быть, он вышел из здания через другую дверь.

...По дороге в отель Эстелла была на удивление спокойна. Реакция на случившееся настигла ее только тогда, когда они вернулись в ее номер и заперли дверь. Теперь она уже не могла подавить дрожь. Торнтон обнимал ее, пока она постепенно приходила в себя. Она уткнулась головой ему в плечо, и он вдыхал тонкий аромат ее волос. Послеполуденное солнце светило в окно и пятнало тусклым золотом темное дерево мебелировки.

Торнтон почувствовал, что горло у него пересохло, а лицо, наоборот, стало мокрым от пота. Он заметил, что забыл включить вентилятор.

– Эстелла...

Она подняла голову и посмотрела на него. Он наклонился и поцеловал ее, и она обвила его шею руками. Торнтон снова поцеловал ее, по-прежнему слыша где-то в глубине сознания стук клапанов грузовика. Когда он коснулся тонкого шелка ее блузки, на миг ему показалось, что он совершает что-то недозволенное. Но это ощущение моментально ушло, растворившись в потоке других, более ярких чувств.

Вечерело, тусклое золото заката уступило место синеве сумерек. Торнтон и Эстелла лежали рядом на кровати, держась за руки. Торнтон словно медленно дрейфовал в океане чувств. Сиюминутное желание было удовлетворено, и на месте этого желания возникло новое чувство, тяга к чему-то непреходящему, почти пугающая своей необъятностью. Полуоформленные образы проплывали в его сознании – незавершенные картины семейной жизни с Эстеллой. Эти образы дразнили, были бесконечно притягательны. Но одновременно с ними в душу ему закрадывались опасения. Он обладал ею, но завоевал ли он ее? Она отвечала на его ласки с неистовой страстью. Но вот сейчас она лежит рядом с ним в постели, удовлетворенная и усталая, какая-то отстраненная, словно бы ведет разговор со своей незримой дуэньей. С внезапным страхом Торнтон подумал, что, возможно, уже потерял ее.

– Эстелла, – сказал он, – я еще ни разу не говорил, какие чувства я испытываю к тебе.

– Это не имеет значения.

– Имеет. Я люблю тебя, Эстелла. – Он неуверенно улыбнулся. – Я влюблен в женщину, которая работает агентом секретной службы.

– Это правда? – Голос ее был сонным и теплым, в нем проскальзывало легкое изумление.

– Да. Несомненно. Эстелла, ты выйдешь за меня замуж?

– Это можно, – мечтательно протянула она. – Я обдумываю твой план. То есть я хочу сказать – твоё предложение.

– Я должен был сказать это тебе раньше. Прошу прощения, если я...

– Пожалуйста, не будь занудой-моралистом, – отозвалась Эстелла. – Не сейчас. Это будет ужасно.

– Ладно. Но я действительно люблю тебя.

– Ты замечательный человек. Я должна очень серьезно обдумать твоё предложение.

Торнтон ощутил странную горечь. Именно тогда, когда ему полагалось полностью покорить её, он терял её.

– Ты выйдешь за меня замуж?

– Такие дела, – твердо сказала она, – решаются не в постели. Думаю, только американцы делают предложение в постели. Должно быть, это пример американской изобретательности.

– Эстелла, ради бога!

– Я очень люблю тебя, Билл. Сделай мне это предложение завтра, если ты по-прежнему будешь хотеть этого.

– Конечно, буду.

– Вот и предложишь тогда. А пока, я полагаю, мы можем считать

себя неофициально помолвленными. – Она потянулась и поцеловала его в шею, а потом быстро выскользнула из постели. Он смотрел, как она одевается, почти скрытая от глаз сумеречными тенями.

– Вставай, Билл. Пойдем ужинать.

– Ты очень неромантичная женщина.

– Романтичная. Но голодная.

– Пусть так, – согласился Торнтон. – Как ты думаешь, они снова подадут на ужин этого проклятого цыпленка?

– А что еще они могут подать?

В ресторане отеля им действительно подали рис и цыпленка – должно быть, это было неизменное вечернее меню. К удивлению Торнтона, цыпленок оказался почти съедобным. Во время кофе Торнтон спросил:

– Ты твердо намерена уйти из секретной службы?

– Думаю, да. А что?

– Было бы несколько неловко быть мужем агента спецслужбы. Ты знаешь, насколько консервативны бывают американцы. Наши соседи не поймут, если ты будешь упражняться в дзюдо или метании ножа. И мне будет трудно объяснить, почему в наш дом

под покровом темноты приходят низенькие бородатые мужчины с портфелями. И еще нам следует подумать о детях. Как я буду им объяснять, что их мама отбыла на спецзадание?

– Билл, какие глупости ты говоришь! Все это очень мило. Но я еще не сказала, что выйду за тебя замуж.

– Но ведь ты выйдешь, не правда ли?

– Могу и выйти. Ты планируешь отправиться в путешествие?

– Мой бизнес требует от меня постоянных путешествий, – ответил Торнтон. – Возможно, я без этого уже не смогу. Но зачем мне все время болтаться где-то за границей? Приложив некоторые усилия, я смогу получить должность менеджера в отделе зарубежной торговли. И тогда большую часть времени я буду проводить дома.

– Думаешь, тебе это понравится?

– Понравится, – сказал Торнтон и с легким удивлением понял, что эти слова были правдой. – И все же мне придется довольно много путешествовать по долгу службы.

– Ты сможешь брать меня с собой?

– В долгие поездки – да.

– Мне хотелось бы повидать Европу, – промолвила Эстелла. – И

Азию. Я еще никогда не выбиралась из западного полушария.

– Тебе понравится Европа, – сказал Торнтон, обнаруживая, что с трудом сдерживается, чтобы не расплыться в широкой и глупой улыбке.

– Да. Но на данный момент нам надо решить этот вопрос с оружием.

– Черт, я и забыл об этом проклятом грузе. Хотел бы я, чтоб Дэйн поскорее вернулся.

– Возможно, он прислал нам телеграмму, – предположила Эстелла.

Они спросили у портье, но ни на имя мисс Варгас, ни на имя мистера Торнтон не поступало никаких сообщений. Они пошли в казино отеля и немного поиграли в рулетку. Потом Торнтон учил Эстеллу, как надо правильно пить ром по-пиратски. Время для этого было самое подходящее. Они пили в баре отеля, потом купили несколько журналов и газет и поднялись в номер Торнтон.

Отсутствие Дэйна угнетало их. Они сидели, читали прессу или выглядывали в окно, чтобы полюбоваться на бродячих музыкантов. Наконец Торнтон бросил взгляд на часы и спросил:

– Эстелла, ты выйдешь за меня замуж?

– Что, Билл?

– Сейчас три минуты первого. Ты сказала, чтобы я спросил тебя об этом завтра, а завтра уже наступило.

– Ты всегда так пунктуален?

– Всегда.

– Мы не так уж долго знакомы друг с другом.

– Знаю.

– Замужество – это очень серьезный вопрос.

– Я знаю и это тоже.

Она задумчиво посмотрела на него, затем сказала:

– Билл, я тебя люблю. Но сейчас еще слишком рано думать о браке. Я считаю, что нам следует еще некоторое время поразмыслить.

– Полагаю, ты права, – согласился Торнтон. Он легко поцеловал ее. В дверь постучали.

– Кто там? – спросил Торнтон.

– Стиччини. Я должен поговорить с вами, Торнтон. Это важно.

Торнтон посмотрел на Эстеллу. Потом достал из дорожной сумки револьвер, проверил наличие патронов в барабане и сунул оружие в карман пиджака. Не снимая ладони с рукояти револьвера, он отпер дверь.

– Ладно, Стиччини, входите.

Глава 20

Вид у Стиччини был нездоровый: лицо покрыто желтоватой бледностью, глаза лихорадочно блестят. Он закрыл за собой дверь и осторожно прошел в комнату, держа обе руки на виду. Одет он был в помятый костюм спортивного покроя и рубашку с оторванной у ворота пуговицей. На ногах – легкие кожаные туфли.

Он окинул взглядом комнату и спросил:

– А где еще один?

– Вы имеете в виду мистера Дэйна?

– Того типа из Госдепартамента, который был с вами.

– Сейчас его здесь нет, – сказал Торнтон. – Что мы можем сделать

для вас?

– Я только хочу поговорить с человеком из Госдепартамента.

– Тогда найдите его, – посоветовал Торнтон.

Стиччини отстраненно кивнул и опустил на стул у двери. Казалось, он пытался привести мысли в порядок. Он полез в карман, и Торнтон сжал рукоять своего револьвера. Стиччини вытащил сигарету и закурил.

– Послушайте, – сказал он, – вы действительно работаете с этим типом? – Не получив ответа, он задумался на несколько секунд, затем добавил: – Я хочу заключить сделку.

– Какую сделку? – спросил Торнтон.

– Я хочу уехать в Европу.

– Мы вам не препятствуем.

– Меня арестуют, как только я выйду из самолета, – пояснил Стиччини. – И препроводят обратно. Я знаю, что за мной следят. Я не могу уехать никуда. А тут со мной поквитаются.

– Учитывая обстоятельства, – сказал Торнтон, – я не могу особо посочувствовать вам.

– Мне не нужно сочувствие. Я хочу заключить сделку.

– Как я могу верить вам? – спросил Торнтон. – Во Флориде вы пытались убить меня.

Стиччини раздраженно отмахнулся:

– Но вы же не собираетесь всю жизнь припоминать это мне? Тогда мы были по разные стороны.

– Мы и сейчас по разные стороны. Сегодня днем было маленькое происшествие с грузовиком.

– Минутку, – возразил Стиччини. – Это предназначалось не для вас.

– Ну конечно, нет.

– Разве вы не видели, что произошло? Этот грузовик собирался переехать меня. Конечно, они с удовольствием задавили бы и вас. Но я был главной целью. Торнтон, они охотились бы на вас, если бы не хотели сначала пристукнуть меня.

– Это бессмыслица, – сказал Торнтон. – Мы говорим об одних и тех же людях? Шайка, которая купила оружие?

Стиччини кивнул.

– А вы работали на них. Почему же они хотят убить вас?

– Потому что теперь они получили груз. Они хотят скинуть законное правительство одной страны в Центральной Америке и не хотят, чтобы я был как-то связан с этим делом. Кроме того, они не любят североамериканцев.

– А еще?

– Они мне не доверяют.

– Неудивительно, – отозвалась Эстелла.

– Черт возьми, да они друг другу не доверяют! У них теперь есть оружие, и они думают, что могут отделаться от меня. А вот не выйдет!

– Не понимаю, как вы надеетесь выкрутиться? – сказал Торнтон. – И не понимаю, почему правительство США должно заключать с вами какую бы то ни было сделку?

– Я скажу, почему. Вы, ребята, хотите остановить это вторжение, прежде чем оно начнется, верно? Но вы не знаете, где оружие. А у меня есть сведения. Я знаю, где оружие. Я знаю всех людей, участвующих в этом. Я знаю, откуда пришел груз, кто заказал, кто оплатил, как его протащили через таможню. Это кое-чего стоит.

– Может, и так, – согласился Торнтон. – И где же оружие?

– Я скажу это Дэйну после того, как мы заключим сделку.

– Сейчас его здесь нет. Я не знаю, когда он вернется.

– Тогда сделки не будет.

– Оружие будет пущено в ход в ближайшее время, не так ли? – спросила Эстелла.

– В самое ближайшее.

– Тогда вам лучше рассказать нам, где оно находится. Мы сделаем все, чтобы помочь вам. Уверена, что и мистер Дэйн тоже.

– Нет, – уперся Стиччини. – Это все как-то слишком расплывчато.

– Не будьте глупцом. Вы должны поверить нам. Если оружие будет пущено в ход, то вам нечего будет предложить в качестве платы за сделку.

– У меня еще останутся имена участников.

– Этого будет недостаточно, – сказала Эстелла. – Вторжение – это самый важный вопрос. Вам лучше всего рассказать нам об этом. Если вас не пристукнут ваши приятели, то это можем сделать и мы.

Глядя на ее холодное, непреклонное лицо, Торнтон поверил ей.

Видимо, Стиччини тоже. Он отвернулся и уставился в пол. Потом спросил:

– А если я расскажу вам, вы обещаете обговорить мои условия с Дэйном?

– Мы сделаем все возможное.

– Могу ли я верить вам? – Ему никто не ответил. Стиччини сказал: – Ладно, вы обещали. Вы знаете про островок под названием Куэвра? Неподалеку от побережья Центральной Америки, примерно шестьдесят миль на юг от Сан-Хуан-дель-Норте.

– Я о нем слышала, – кивнула Эстелла. – Он необитаем, не так ли?

– Верно. Я там никогда не был, но мне говорили, что это просто груды скал площадью примерно в один акр. Там когда-то было несколько рыбацких хижин, но во время последнего урагана их смыло в море. Люди так туда и не вернулись.

– Оружие будет выгружено там? – спросила Эстелла.

Стиччини кивнул.

– Оно уже там. «Гелиос» причалил к Куэвре и выгрузил оружие на берег. Вы знаете про армию вторжения из Сиудад-Трухильо? Так вот, они тоже высадутся на Куэвре. После того, как они вооружатся, они переместятся на материк и начнут вторжение. Или освободительную акцию, как они это называют.

– Когда они высадутся?

– Последнее, что я слышал, – это то, что по графику они должны прибыть на Куэвру рано утром шестнадцатого числа. То есть через два дня.

– Кто сейчас на острове?

– Насколько я знаю, никого. Сначала планировалось, что «Гелиос» и «Либерии» прибудут на остров одновременно. Потом план изменился. «Либерии» был поврежден во время захода в гавань – кое-кто утверждал, что это происки кубинцев, – и ему пришлось пару дней ремонтироваться в сухом доке. «Гелиос» не мог болтаться в море с оружием на борту, когда американские корабли ищут его повсюду. Он выгрузил оружие на Куэвру прошлой ночью.

– «Майами-Юг» замешана в этом деле? – спросил Торнтон.

– Я сказал все, что собирался сказать сейчас, – ответил ему Стиччини. – Я рассказал об оружии и о планах вторжения. Если вы хотите знать, кто участвует в деле, то прежде – сделка. Когда вернется Дэйв?

– Мы ожидаем его возвращения в любую минуту, – сказал Торнтон.

– Отлично. А я пока разведываю обстановку. Понимаете, мне нужна чья-то защита.

– Вы ее получите, – заверила Эстелла. – Но пока мистер Дэйн не вернется, вам, наверное, лучше оставаться здесь, в отеле. Полагаю, что по Санта-Катарине разгуливать не следует.

– Не беспокойтесь, я не собираюсь разгуливать, – сказал Стиччини. – Если я прятался до сих пор, то полагаю, что мне это удастся и впредь.

Он подошел к окну и осторожно выглянул за занавески. Уличные музыканты, расположившиеся на тротуаре напротив, били в африканские барабаны. Стиччини несколько секунд смотрел на них, потом отпрянул от окна. Эти музыканты ему явно не понравились.

– Под прикрытием такого шума хорошо стрелять из автомата, – сказал он Торнтону.

– Может, не будем драматизировать?

– Драматизировать, ха! Вы здесь слишком недолго, Торнтон. Именно так это и делается, особенно здесь, на Карибах. Верно, мисс?

Эстелла неохотно кивнула. Стиччини добавил:

– Это вам не Штаты. Здесь крутые парни просто приходят, захватывают город, делают свои дела и уходят. Ковбои с автоматами. Два дня назад здесь высадились эти самые крутые.

– А как же полиция? – спросил Торнтон.

– Когда крутые в городе, полиция обычно в отпуске, – серьезно ответил Стиччини. – Чтобы очистить это место, потребовалась бы армия.

– Пожалуй, мы можем заказать для вас номер, – сказала Эстелла.

– Да, думаю, это будет лучше всего. Номер без вида на улицу. И пусть еду приносят в комнату. – Он полез в карман и достал оттуда большой черный пистолет-автомат. Это движение было столь быстрым и небрежным, что Торнтон среагировал только тогда, когда пистолет был уже у Стиччини в руке. Тогда он потянулся за своим револьвером.

– Спокойнее, – сказал Стиччини. – Мы теперь партнеры, помнишь?

Он вынул обойму, извлек боек и осмотрел его, потом несколько раз проверил, как действует курок, вставил боек обратно и вогнал обойму в патронник. Наполовину взведя курок, он положил пистолет обратно в карман. Кажется, эта проверка вернула ему уверенность в себе.

– Ладно, – сказал он, – полагаю, я готов. Пусть и не пытаются устроить какой-нибудь трюк. Я сейчас позвоню портье.

Он взял телефонную трубку и подергал рычаг:

– Алло! Портье?

Он подождал, потом еще раз постучал по рычажку и сказал:

– Алло! Алло! – Положив трубку на место, он заявил: – Не работает.

– Может быть, дежурная просто отлучилась? – предположил Торнтон.

Стиччини скептически хмыкнул:

– Они всегда начинают с таких фокусов.

– Что вы предлагаете? – спросила Эстелла. – Может, нам следует подождать?

Стиччини подошел к окну, раздвинул занавески на дюйм и снова посмотрел на музыкантов. Подойдя к двери, он открыл замок, быстро выглянул наружу и снова закрыл дверь.

– Нет, – сказал он, – лучше не ждать. Им только того и надо.

– А что они могут сделать, пока мы остаемся в номере? – спросил Торнтон.

– Многое. Если бы эта маленькая проблема была поставлена передо мной, то я разрешил бы ее в пять минут. Мне нужна другая комната, и под чужим именем. Насколько я знаю, этот номер прослушивается.

– С записью на магнитофон?

– Какой дурак будет связываться с магнитофоном? Они больше думают о бомбах. Вы знаете, как пользоваться пушкой, которую вы носите в кармане?

– Знаю, – ответил Торнтон. – Но я по-прежнему считаю, что вы преувеличиваете опасность.

– Надеюсь, что это так. – Стиччини снова попробовал дозвониться по телефону, но аппарат по-прежнему молчал. Вынув пистолет из кармана, Стиччини взвел курок до конца. Взяв со стола газету, он завернул в нее оружие. – Ладно, – сказал он, – полагаю, я готов.

Торнтон подумал, что это было бы смешно, если бы не сегодняшнее происшествие с грузовиком. Но даже это воспоминание не помогло ему полностью поверить Стиччини. Лицо Эстеллы было спокойным. Стиччини, казалось, собирался с духом. Потом сказал:

– Если вы увидите, что что-то не так, быстро смывайтесь. Но не думаю, чтобы они решились на что-нибудь прямо сейчас.

Он приоткрыл дверь и осмотрел коридор. Потом вышел наружу, держа в левой руке завернутый в газету пистолет.

– Ладно, можете выходить, – сказал Стиччини голосом бравого офицера из телефильма про войну.

Он пошел впереди них по коридору. Перед каждым поворотом он останавливался и осторожно заглядывал за угол, прежде чем выйти. Когда они дошли до лестницы, он остановился и посмотрел вверх и вниз. На каждой площадке он задерживался, чтобы прислушаться, затем шел дальше. К тому времени, когда они спустились в вестибюль, Торнтон решил, что Стиччини надо было податься не в бандиты, а в актеры.

В вестибюле было немного народу – человек восемь. Группа туристов толпилась у доски объявлений, споря, в какой ночной клуб пойти. За столиком в углу два пожилых человека играли в шашки.

Стиччини подошел к стойке портье, зарегистрировался и попросил номер с окнами во двор. Портье взял деньги и дал ему ключи от номера на третьем этаже. Стиччини спросил:

– А что у вас с телефонами?

– Часа через два все будет в порядке, – ответил портье. – Мы вызвали монтера, но он еще не пришел.

– Понятно, – сказал Стиччини. – Видите ли, я хочу, чтобы еду доставляли мне в номер. Это можно устроить?

– Конечно, сэр.

– Хорошо, позаботьтесь об этом. – Стиччини обернулся к Торнтону: – Наверное, я сейчас поднимусь в номер и осмотрю его. Думаю, это может решить проблему.

Он направился к лестнице. Там ему пришлось подождать – по лестнице спускались четыре бизнесмена в белых тропических костюмах. Они о чем-то ожесточенно спорили по-испански. Пройдя вплотную к Стиччини, они вышли в вестибюль.

Стиччини пошел наверх. Потом вдруг остановился и обернулся. Лицо его стало изжелта-бледным и на какой-то миг застыло, как маска. Потом он выкрикнул что-то, уронил пистолет и газету и судорожно сунул руку в карман.

Торнтон и Эстелла, стоявшие в пятнадцати футах от лестницы, смотрели на него. Потом Торнтон осознал, что же именно выкрикнул Стиччини. Он схватил Эстеллу за руку и бросился бежать.

Четверо бизнесменов уже вышли из отеля.

Стиччини удалось наполовину извлечь из кармана какой-то предмет. Но больше он не успел сделать ничего.

Взрыв прозвучал приглушенно, но воздушная волна едва не сбила Торнтона с ног.

Глава 21

Капитан полиции был молод, не старше двадцати семи или двадцати восьми лет, и красив какой-то сумрачной красотой. У него были маленькие, тщательно подстриженные усики, благородный лоб, тяжелые веки и правильных очертаний губы. Свою форму цвета хаки он носил с оттенком щегольства. Глядя на него, Торнтон сравнивал его с молодым Игнатием Лойолой. В этом человеке не к чему было придраться – разве что к его самоуверенности. Но и эта самоуверенность была вполне

объяснима: капитан сейчас выступал как оплот закона.

– Это была ручная граната, – сказал молодой Лойола, которого на самом деле звали Мигель-Доминго Альварес-и-Тадарро. – Они подбросили вашему другу в карман пиджака ручную гранату. Теперь вы поняли?

– Он не был моим другом, – ответил Торнтон.

Капитан Альварес пожал плечами. Он ожидал, что любой человек, находящийся по другую сторону стола для допросов, будет лгать; это было всего лишь подтверждением преступной натуры допрашиваемого.

– Запал гранаты, – продолжал Альварес, – вероятно, был такой длины, чтобы она взорвалась примерно через четыре секунды. Это должно было дать людям, подбросившим ее, достаточно времени, чтобы покинуть место взрыва.

– Я не понимаю одного, – сказал Торнтон. – Почему Стиччини не успел вытащить ее из кармана?

– Я не могу сказать с уверенностью, так как нам не удалось собрать достаточно металлических фрагментов, но я полагаю, что убийцы применили старую и очень простую уловку. К корпусу гранаты приматывается двойной ряд рыболовных крючков. Обычные рыболовные крючки, которые вбиваются в одежду и застревают.

– Это ужасно, – отозвался Торнтон.

– Но все равно ваш друг действовал неправильно. Вместо того чтобы пытаться выкинуть гранату из кармана, ему следовало просто сбросить пиджак. Но, возможно, ваш друг никогда не слышал об этой уловке.

– Повторяю, он не был моим другом, – сказал Торнтон. – Вы нашли тех людей, которые прошли мимо него по лестнице?

– Нет, – ответил капитан Альварес. – Ваше описание несколько расплывчато. Четверо мужчин, говорящих по-испански, одетых в белые костюмы делового покроя. Таких людей в Санта-Катарине около десяти тысяч. Ваш друг...

– Капитан, я вам говорил...

– Как пожелаете. Ваш соотечественник мистер Стиччини пал жертвой старых террористических приемов, зародившихся в России, но полного расцвета достигших только в Южной Америке. Вам это о чем-либо говорит?

– Нет. А должно говорить?

Капитан Альварес вздохнул и полистал какие-то документы, лежавшие на столе. Торнтон слышал скрип кожи за спиной – охранник у двери переступал с ноги на ногу.

Альварес сказал:

– Мистер Торнтон, я думаю, что вы сознательно отказываетесь помогать нам. Не расскажете ли, что вы делаете в Санта-Катарине?

– Я вам уже рассказал.

– Я хотел бы услышать это еще раз.

– Я прибыл сюда вместе с мистером Стивеном Дэйном, который является агентом Департамента финансов США.

– У нас нет никаких записей касательно его прибытия и отъезда. Но продолжайте, пожалуйста.

– Мы прибыли сюда, – сказал Торнтон, – чтобы перехватить небольшое грузовое судно под названием «Гелиос».

– Этот корабль ушел уже два дня назад, а вы все еще здесь. Ваша история становится слегка странной, мистер Торнтон. Но продолжайте, прошу вас.

Торнтон бросил взгляд на невозмутимый скульптурный лик капитана и подавил нарастающую ярость.

– Причина, по которой мы хотели найти и задержать этот корабль, состоит в том, что на нем переправляется партия оружия, незаконно вывезенная из Соединенных Штатов и предназначенная для армии вторжения в центральноамериканское государство Коруна.

– Коруна?

– Да.

– Но позвольте, мистер Торнтон, Коруна находится на противоположном берегу Карибского моря от Санта-Катарины. Зачем кому-либо нелегально вывозить оружие из Соединенных Штатов, а потом делать с ним крюк в тысячу миль? Согласитесь, мистер Торнтон, что ваша история выглядит неправдоподобной.

– Мистер Дэйн смог бы объяснить вам причины.

– Но, к величайшему сожалению, мистера Дэйна здесь нет. У нас в наличии вы, мисс Варгас и сказка о вторжении, готовящемся по ту сторону Карибского моря.

– Эта сказка скоро станет былью.

– Не сомневаюсь, – отозвался Альварес, – что в Центральной Америке скоро случится война, переворот или революция. В этом году их было уже шесть, почему бы не случиться еще одной? Это очень трагично. Но это не объясняет вашего присутствия на Санта-Катарине, равно как присутствия мисс Варгас или вашего друга мистера Стиччини.

– Я уже говорил вам, – сказал Торнтон, словно задавшись целью натренировать свое терпение, – что мистер Стиччини не был моим другом. Во Флориде он пытался убить меня.

Альварес кивнул:

– Это определенно не сделало его вашим другом. Но если он покушался на вашу жизнь, почему же выпустили его в ваш

номер? Почему вы спустились с ним в вестибюль и помогли ему снять номер в этом же отеле?

– Обстоятельства изменились.

– Они должны были измениться очень радикально, если вы пытались помочь человеку, который хотел убить вас. Но, возможно, вы ему не помогали. Возможно, вы сыграли кое-какую роль в гибели мистера Стиччини.

– Нет.

– Он пытался убить вас. Что может быть естественнее с вашей стороны, чем попытка убить его?

– Возможно, это было бы естественно, – сказал Торнтон, – но я не принимал в этом никакого участия.

– Тогда скажите мне, чем вы действительно занимались на Санта-Катарине, – резко потребовал Альварес. – Быть может, контрабандой?

– Нет.

– Тогда вы, вероятно, революционер. Нет? Вы можете быть шпионом Трухильо или Кастро, каждый из которых сможет найти хорошее применение этому островку. Позавчера вас видели в старом форте, где вы снимали что-то на фотопленку.

– Вряд ли это можно назвать стратегическими разведданными.

– Сам форт не представляет собой военного значения. Но с него открывается отличный вид на гавань и аэропорт.

– Это же нелепо! – вышел из себя Торнтон. – Сотни туристов фотографируют эти развалины.

– Но вы не турист, мистер Торнтон. Кажется, мы уже пришли к такому выводу. Такой человек, как вы, просто не может быть не связан с подрывными элементами, недавно прибывшими на Санта-Катарину. Вы – человек, имевший тесную связь с террористическим актом, человек, который пытается объяснить свое присутствие здесь, рассказывая чрезвычайно неправдоподобную историю. Вы говорите, что действуете в пользу Коруны, но Корона находится по ту сторону Карибского моря. Вы говорите мне, что работаете вместе с мистером Дэйном, но у нас нет записей, свидетельствующих, что он прибывал на остров или покидал его. Вы говорите мне, что мистер Стиччини, которого вы пригласили в номер, когда-то пытался убить вас; и вот мистер Стиччини погибает при чрезвычайно странных обстоятельствах. Я считаю, что вы лжец и опасный человек, мистер Торнтон. Я не знаю, что мне с вами делать.

Торнтон решил, что дальнейшие пререкания с капитаном Альваресом бесполезны.

– Я желаю видеть адвоката, – сказал он, – и американского консула.

Капитан Альварес кивнул, и к столу подошли два охранника.

– Уведите его, – сказал капитан. Он взял ручку и стал заполнять

бланк голубого цвета, лежавший перед ним на столе. Допрос был окончен.

Охранники провели Торнтона вниз на два лестничных пролета, состоявших из шероховатых каменных ступеней, в тюремный блок на восемь камер. Они отперли дверь огромных размеров ключом, который, наверное, сохранился со времен Непобедимой армады. Толкнув его в камеру, они заперли за ним дверь.

Торнтон оглядел свое новое обиталище и обнаружил, что оно насчитывало примерно десять футов как в длину, так и в ширину. В качестве обстановки фигурировали деревянные нары, ведро, щербатый кувшин и чашка без ручки. Три стены были железными. Четвертая была вырублена в граните, на котором стояла вся Санта-Катарина. Стена блестела от сырости, равно как и каменный пол. «Идеальное место, чтобы подхватить пневмонию», – подумал Торнтон. В пятнадцати футах над его головой было маленькое зарешеченное окошко, с потолка тускло светила электрическая лампочка.

Торнтон лег на нары, которые явно предназначались для человека ростом не более пяти с половиной футов. Согнув ноги в коленях и подложив руки под голову, Торнтон обеспечил себе минимальный комфорт. Он смотрел на потолок, по которому бегали большие раскормленные тараканы. Кожа зудела. Он надеялся, что Эстелле отвели лучшее помещение.

Охранники не забрали у него ни ремень, ни шнурки от ботинок. Он волен был повеситься, если пожелает этого. Но он не желал. Все, чего он хотел, – это выпутаться из этой нелепой, бессмысленной истории.

И какое ему дело до вторжений в Центральную Америку, контрабандного оружия, карибских интриг?

Естественно, вопрос был совсем не так прост. Это дело касалось его верности по отношению к «Майями-Юг». Но только касалось. Он уже и так возместил все, что был должен Райерсону и фирме. А за это расследование он взялся на свой страх и риск. Он сделал все, что мог, и этого достаточно.

Еще была Эстелла. Но даже этот факт следовало рассматривать с позиции здравого смысла. Одно дело – путешествие под руководством Стивена Дэйна и совсем другое – если Дэйн исчез, а ситуация становится с каждым часом все более опасной. Это была работа для специалиста, а специалист находился за пределами Санта-Катарины. Эстелла это поймет.

Она способна понять, что героизм не приведет ни к чему. Гоняться за оружием и дальше – это уже не верность и не патриотизм; это самоубийство. В последний раз грузовик подъехал слишком близко; Торнтону все еще очень ярко представлялось огромное колесо, мчащееся прямо на него. Стиччини погиб страшной смертью, и только по счастливой случайности никто другой не погиб вместе с ним. Довольно. Надо выходить из игры. Пусть с этим разбирается Дэйн. Именно за это ему и платят.

Приняв это решение, Торнтон сразу почувствовал себя лучше. Он поднялся, закурил сигарету и стал рассказывать по камере. Из дальнего конца блока доносилось пьяное мычание. Вся камера пропахла плесенью и аммиаком, и даже у сигареты был дурной привкус. Торнтон отбросил ее, снял свой пиджак и свернул его. Потом снова улегся на нары, подложив пиджак под голову, и уперся ногами в стену. К своему удивлению, он смог уснуть.

Проснулся он от клацанья огромного ключа. Дверь камеры была открыта, и стоявший у двери охранник что-то сказал. Торнтон уловил слово «абогадо» и вспомнил, что это означает «адвокат». В камеру вошел человек, и дверь за ним закрылась.

– Вы говорите по-английски? – спросил Торнтон.

– Да, я говорю по-английски. Мне очень прискорбно видеть вас здесь, мистер Торнтон.

Торнтону его голос показался знакомым. Он сел, выпрямившись.

– Вы случайно не мистер Эберхарт?

– Да, это так. Могу я присесть?

– Почему бы и нет? – ответил Торнтон и подвинулся, освобождая место на нарах.

Глава 22

На вид мистеру Эберхарту было лет пятьдесят, рост средний, вес тоже. Лицо у него было бледное и вечно нахмуренное, тонкие губы поджаты. На круглой голове – ни единого волоска. Он носил очки в оправе из нержавеющей стали. Никаких признаков хромоты или шрамов не наблюдалось. Мистер Эберхарт сел на нары и сложил руки на коленях. В полумраке камеры его ладони были похожи на две бледные плоские рыбины.

– У меня на этом острове есть друзья, – сказал мистер Эберхарт. – Это дает мне возможность добиться вашего немедленного освобождения.

– В обмен на информацию?

– Конечно.

– А почему вы не спросили об этом Стиччини?

– С мистером Стиччини невозможно было иметь дело, – ответил Эберхарт. – Его требования были совершенно невыполнимы.

– И тогда вы решили убить его, так?

– Не думаю, что это имеет значение, – отозвался мистер Эберхарт. – Ведь он не был вашим другом, мистер Торнтон. Зачем же беспокоиться о нем?

Торнтон действительно не любил Стиччини; но видеть его разорванным на куски гранатой... никакой радости это Торнтону не доставило.

– В конце концов, – продолжал Эберхарт, – почему бы вам не поделиться со мною информацией, которая нужна мне? Если то, что вы сказали мне, правда, то вы работаете на корпорацию «Майами-Юг».

– Это верно.

– Я могу понять вашу заботу о репутации вашей компании. Но информация, которую вы мне сообщите, не бросает тень на эту репутацию. Я могу понять ваше желание возместить ущерб. Но вы, несомненно, сделали все в пределах возможного. Вы рисковали своей жизнью за дело, которое, по здравому

размышлению, не может иметь для вас большого значения. Лучшее, что вы можете сейчас сделать, – это передать информацию мне и выйти из дела.

Эти рассуждения были до дрожи близки к тому, о чем Торнтон и сам думал незадолго до этого. Но в изложении мистера Эберхарта этот план потерял всякую привлекательность.

– Я уже говорил вам прежде, – сказал Торнтон, – что я не располагаю никакой информацией.

Мистер Эберхарт бережно снял очки и протер их носовым платком. Потом снова надел их на нос.

– Я вас не понимаю, – произнес он.

– Возможно, это вопрос элементарной порядочности, – ответил Торнтон. – Почему бы вам не пойти и не украсть оружие у кого-нибудь другого?

– О, я понимаю, – сказал мистер Эберхарт. – Элементарная порядочность. Тогда вам, быть может, будет интересно узнать, что это оружие изначально принадлежало мне. Мистер Стиччини и его сообщники похитили его у меня.

– Откуда мне знать, что это правда?

– У вас есть только мое слово, – сказал мистер Эберхарт. – Я заказал это оружие у дилера в Нью-Джерси, поставляющего армейское снаряжение. Я заплатил наличными. Оружие отправили на юг на грузовике. Грузовик был перехвачен,

водитель и охранник убиты. С тех самых пор я пытаюсь вернуть свое имущество.

– Почему вы не сообщили в полицию?

– Это было невозможно. В глазах закона тот факт, что я – владелец оружия, был правонарушением. Этот закон переменчив, мистер Торнтон. В один год оружие провозится вполне легально, в другой год это запрещено. Страна, для которой я закупил оружие, в настоящее время находится под действием эмбарго.

– Значит, вам и думать нечего вернуть его, – сказал Торнтон.

– Не согласен. Это мое оружие, оно закуплено на мои средства. Я должен вернуть его.

– Для кого вы закупили его?

– Этого я не скажу. Однако сообщу вам следующее: если я сумею вернуть себе свою собственность, это оружие не будет использовано против Коруны и честь вашей компании не пострадает. Это должно удовлетворить и вас, и мисс Варгас. Более того, я заплачу вам премию в пять тысяч долларов за своевременную информацию. Вас это устроит?

Торнтон покачал головой:

– Я ни черта не знаю, Эберхарт. Вы зря тратите время.

Эберхарт извлек из кармана платок и промокнул лоб.

– Мистер Торнтон, я взываю к вашему разуму. Войдите в мое положение. Я отвечаю за это оружие. Если я не доставлю его на место, это грозит мне неприятными последствиями.

– Вы знали, что идете на риск, когда начали заниматься незаконными делишками.

– Да, я знал, что рискую. Но если я не доставлю это оружие, меня убьют.

– Мне прискорбно слышать это, – отозвался Торнтон. – Однако я полагаю, что если оно будет доставлено по назначению, то будет убито куда большее количество людей. Учитывая данные обстоятельства, я не могу проникнуться к вам большим сочувствием.

– Значит, вы не хотите помочь мне, даже для того, чтобы помочь себе и мисс Варгас?

– Я не могу помочь вам, – сказал Торнтон самым искренним тоном. – Я следовал за мистером Дэйном, пытаюсь найти оружие. Но теперь я не знаю даже, где находится сам мистер Дэйн.

Эберхарт решительно поднялся с нар.

– Отлично, мы больше не будем обсуждать этот вопрос. Я намерен вернуть свою собственность. Не стойте у меня на пути. Советую вам убраться из Карибского бассейна как можно скорее.

Он постучал в дверь камеры. Охранник подошел и отпер дверь. Мистер Эберхарт чопорно кивнул. Торнтон ответил на это легким движением, которое при желании можно было счесть за кивок. Мистер Эберхарт вышел.

Глава 23

Полчаса спустя охранник вернулся и отпер дверь камеры, в которой сидел Торнтон. Он показал знаками, что Торнтон хотят видеть наверху. Торнтон расправил свой пиджак, надел его, поправил галстук и проследовал за охранником в кабинет капитана Альвареса. Эстелла была уже там.

– Я посоветовался с начальством, – сказал капитан Альварес. – Мы обнаружили, что вы и мисс Варгас виновны в трех нарушениях уголовного кодекса, каждое из которых карается тюремным заключением.

Торнтон начал было протестовать, но Эстелла взглядом остановила его. Он умолк и стал слушать дальше.

– Мы могли бы совершенно законно подвергнуть вас тюремному заключению. Ваши консулы заявили бы протест, но только и всего. Если бы решение было предоставлено мне, я бы так и поступил. Однако мое начальство сообщило, что существуют определенные смягчающие обстоятельства. Помимо этого, ваш арест плохо скажется на прибыли в туристский сезон, который начинается в следующем месяце. Учитывая эти обстоятельства, мы решили освободить вас.

– Благодарю вас, капитан, – сказал Торнтон.

– Не за что меня благодарить. Вы и мисс Варгас должны покинуть Санта-Катарину в течение часа. Мисс Варгас пообещала, что никто из вас не вернется на Санта-Катарину в течение как минимум года. Если гипотетический мистер Дэйн придет сюда, его тоже попросят покинуть остров. Это понятно?

– Понятно, – ответил Торнтон.

– Хорошо. Я распорядился, чтобы ваш багаж доставили в аэропорт. Сержант Мензиес доставит вас туда.

– Вы уверены, что на ближайший рейс будут места? – спросил Торнтон.

– Места есть. Мисс Варгас позвонила и заказала два билета. Хочется верить, что на этом все завершится.

Капитан Альварес вновь вернулся к своим бумагам. Сержант Мензиес подошел к бывшим заключенным и вывел их из помещения.

Вся эта история с неожиданным освобождением и выдворением с острова привела Торнтон в некоторое замешательство, но он решил, что все к лучшему. Вернувшись в Майами, они смогут связаться с властями. Возможно, кто-нибудь другой сможет выйти на след и найти оружие. Кажется, Эстелла смирилась с мыслью о том, что их выставляют с острова. Когда они в сопровождении сержанта Мензиеса шли через ярко освещенный зал ожидания аэропорта к терминалу, она крепко держалась за руку Торнтон и, казалось, сильно нервничала. Торнтон решил, что события дня повлияли на нее сильнее, чем она сама осознает. Он был рад, что все это для них наконец-то закончилось.

Он считал, что все идет как надо, до тех пор, пока они не достигли трапа самолета. Только там он увидел ярко освещенные буквы: «Рейс 103. Кингстон, Панама-Сити, Квито».

– Эстелла, – сказал он, – этот самолет летит не в Майами.

– Знаю. Объясню, когда мы будем на борту.

– Объяснишь – что? Куда мы направляемся?

– В Кингстон, на Ямайку. Пожалуйста, Билл, я все объясню.

– Нет! – воскликнул Торнтон. – Зачем мы летим на Ямайку? Ты не можешь просто...

Он почувствовал на своем плече чью-то руку. Обернувшись, он увидел круглое доброжелательное лицо сержанта Мензиеса. Сержант указал подбородком в сторону самолета. Эстелла сжала руку Торнтона.

Под вежливым, но твердым нажимом (в буквальном смысле этого слова) сержанта Мензиеса Торнтон поднялся по трапу в самолет.

Глава 24

Половина мест в «ДЦ-6» была свободна. Торнтон и Эстелла заняли кресла в хвостовой части. Вскоре объявили взлет, и огни Санта-Катарины исчезли внизу, когда самолет плавно развернулся и взял курс на Ямайку.

– Ладно, – сказал Торнтон после того, как они смогли отстегнуться от кресел. – Так ты теперь можешь рассказать мне, почему мы летим на Ямайку?

– Потому что это ближайшее безопасное место от Куэвры, – ответила Эстелла.

– Продолжай.

– Я подумала, что мы, возможно, сможем взять лодку напрокат в Кингстоне. Мы можем нанять рыбацью лодку и отправиться на Куэвру. Это не займет много времени, Билл. На хорошей моторной лодке мы доберемся туда за двенадцать часов.

– Ну конечно. И что мы будем делать, когда окажемся там?

– Мы побросаем оружие в океан, – сказала Эстелла. – Разве ты не понимаешь, Билл? Моторная лодка доберется туда скорее, чем придет «Либерии». Мы сможем избавиться от оружия и скрыться раньше, чем они высадутся.

– Нет, – сказал Торнтон.

– Почему?

– Потому что так дела не делаются. Теперь, когда мы знаем о местонахождении оружия, мы должны сообщить об этом законным властям Коруну, чтобы те послали корабль и солдат. Оружие – дело армии.

– На это нет времени, – возразила Эстелла. – Я не думаю, что это подействует.

– Почему?

– В правительстве есть лица, которые поддерживают идею вторжения. Если сообщение попадет не в те руки, то не будет предпринято ничего или же действия будут откладываться до тех пор, пока не станет слишком поздно. Но даже тот, кто заслуживает доверия, дважды подумает, прежде чем выслать на Куэвру солдат, если получит ничем не подтвержденное сообщение от разведчика-новичка. Понимаешь, Куэвру находится в спорном районе, на который претендуют одновременно Коруну и Никарагуа. В настоящее время между нами и Сомосой существуют почти добрососедские отношения. Никто из официальных лиц не пошлет войска в тот район без неопровержимых улик. Возможно, слово мистера Дэйна и смогло бы подтолкнуть их к действию, но мое слово там ничего не

значит.

– Этот нелепо, – сказал Торнтон. – Я полагал, что правительство Коруны прислушивается к словам своих агентов.

– Оно прислушивается, но это сложный процесс. Предполагалось, что я подам рапорт только моему начальнику, доктору Медилье, начальнику отдела безопасности Северного сектора. Он перешлет рапорт главе отдела внутренней безопасности, который представит свои рекомендации президенту и парламенту. Все это займет пять или шесть дней. У нас нет этих пяти или шести дней.

– Почему бы вам не позвонить доктору Медилье и не спросить у него?

– Я пыталась сделать это из Санта-Катарины, но не смогла связаться с ним. Доктор Медилья сейчас в Мексике, на Всеамериканской конференции сотрудников безопасности. Ожидают, что он вернется через три дня.

– Он выбрал чертовски подходящее время, чтобы уехать.

– Коруне непрерывно угрожают извне в течение трех последних лет. Вы хотите, чтобы доктор Медилья просидел все эти три года за своим столом?

– Полагаю, нет. Эстелла, если вы это сделаете, то вы нарушите данные вам приказы.

– Предполагалось, что в экстремальных случаях я буду действовать по собственной инициативе.

– Это просто ничего не даст, – сказал Торнтон. – Эти контейнеры весят по полтонны каждый. Чтобы перетаскивать их, нам понадобится как минимум лебедка.

– Мы можем вскрыть их и выбросить оружие по отдельности.

– А если график прибытия «Либерио» изменился? Тогда у нас не будет ни малейшего шанса скрыться.

– Будет! – нетерпеливо возразила Эстелла. – Когда мы приблизимся к Куэвре, то увидим, прибыл «Либерио» или нет. На таком маленьком островке невозможно спрятать тысячу человек. Если они уже там, мы направимся в Коруну. Если нет, то мы сможем сделать что-либо с этим оружием. Мы будем настороже. Если «Либерио» появится в поле зрения, когда мы будем на острове, то у нас будет куча времени, чтобы добраться до материка.

– Звучит вполне убедительно, – с сомнением сказал Торнтон.

– Если не хочешь ехать со мной, то можешь не ехать.

– Понимаю, – отозвался Торнтон. – Дай мне подумать над этим.

Он откинулся в кресле. Он видел в иллюминаторе бледную россыпь огоньков внизу. «Сантьяго-де-Куба», – подумал он. До посадки в аэропорту Кингстона оставалось меньше двух часов.

План Эстеллы должен сработать. Если на острове никого нет, они

легко смогут избавиться от оружия. Если солдаты уже прибыли, то можно сбежать на лодке. Проблема только в том, чтобы арендовать достаточно быструю лодку, способную обогнать любой транспорт, которым располагает отряд вторжения. А если бы Дэйн был здесь, то как бы он поступил? Кстати, где, черт побери, болтается Дэйн? Подобные авантюры скорее в его вкусе...

Торнтон понял, что мысленно уже включился в этот план.

– Хорошо, Эстелла, – сказал он. – Мы попытаемся.

Глава 25

Незадолго до рассвета «ДЦ-6» зашел на посадку над взлетным полем Кингстонского аэродрома. Эстелла спала на плече у Торнтона и в этот миг совершенно не походила на девушку, собирающуюся сорвать план вторжения. А походила она на маленького взъерошенного котенка, удравшего от своры свирепых собак. Она словно искала опоры, даже во сне продолжая сжимать в кулачке лацкан его пиджака.

Торнтон мягко потряс ее за плечо.

– Кингстон, – сказал он.

– Уже? – Она зевнула, села прямо и выглянула в иллюминатор. Открыв сумочку, она извлекла оттуда расческу и пудреницу. – Тебе следовало разбудить меня раньше. Это в самом деле уже Кингстон?

Торнтон кивнул. Эстелла слегка пожала плечами, расчесывая

волосы. Торнтон коснулся ее ладони. Она была холодной как лед.

– Что-нибудь не так?

– Билл... ты действительно думаешь, что нам это удастся?

– Да. Нет никаких причин, чтобы не удалось.

– И ты поедешь со мной?

– Конечно, – ответил Торнтон.

– Я так рада. Потому что я не уверена, что пошла бы на это без тебя. Билл, мне снился ужасный сон. Мне снилось, как будто я умерла и похоронная процессия провожает меня на кладбище. Ты и мистер Дэйн смотрели на проходящую мимо процессию, только на самом деле вы не обращали на нее внимания. Вы о чем-то так спорили, что даже не заметили, как катафалк проехал мимо вас, и я ужасно на это рассердилась... Я не хочу, чтобы мне снилось, что я умерла.

– В такой обстановке только такие сны и снятся, – сказал Торнтон, чувствуя, как шевелятся волосы у него на голове. – Ты побывала в серьезной переделке. А что касается мистера Дэйна и меня... ну, он где-то там, неизвестно где, а я был против экспедиции на Куэзру. И, естественно, тебе приснилась твоя смерть и наше невнимание.

– По-твоему, все так просто? – спросила Эстелла со слабой ноткой надежды в голосе.

– Черт меня побери, если я считаю это предвестием чего-то дурного. Людям часто снится собственная смерть. Мне такое снилось по меньшей мере два раза. Все кончится для нас хорошо.

– Правда, Билл?

– Несомненно. Мы покончим с этим проклятым делом и вернемся в Майами. Ты уйдешь из спецслужбы. Я отправлюсь к Райерсону и скажу ему, что хочу наконец-то взять отпуск, а после этого – получить другую должность. Я думаю, что смогу стать менеджером по экспорту и проводить в Штатах не меньше восьми месяцев в год. Райерсон может согласиться или отказать, но я думаю, что он согласится. Я уйду в отпуск. Мы будем сидеть на солнце и держаться за руки. Я буду рассказывать тебе, какой я бережливый, романтичный и чрезвычайно искренний. Я буду рассказывать тебе, как я люблю тебя. Я сделаю тебе предложение.

– А я скажу «да», – отозвалась Эстелла.

– Мы поженимся и купим один из этих нелепых домов во флоридском стиле с мраморными полами. Мы купим машину, лодку и какую-нибудь рыболовную снасть...

– Ты не даешь мне вставить ни слова, – укорила его Эстелла. – После того, как ты сделаешь предложение, а я скажу «да», но до того, как мы поженимся, мы навестим твоих дядю и тетю.

– Я об этом и не подумал.

– И, конечно же, мы навестим мою семью. Они живут в большом белом доме возле университета. Мой отец задаст тебе множество

вопросов, а моя мать будет плакать. Думаю, мои тетушки присоединятся к ней. Мой отец отведет тебя в сад и нальет тебе стакан великолепного шерри. Он скажет тебе, что женщины всегда плачут перед свадьбой по причине своего природного упрямства, и спросит тебя, читал ли ты Сантаяну.

– Думаю, что смогу понравиться твоему отцу, – сказал Торнтон. – Я читал Сантаяну.

– Прочти заодно и Ортега-и-Гассета. А я смогу понравиться твоей семье? Не надо просто говорить «да». Как ты на самом деле полагаешь?

– Я действительно думаю, что ты им понравишься.

– И ты сделаешь мне предложение очень нежно и серьезно, без всяких шуточек?

– Да.

– Я так счастлива. И все это мы сделаем сразу, как только вернемся с Куэвры?

– Да, – ответил Торнтон. – Как только завершим дела на Куэвре.

Пройдя проверку на таможне и в пунктах здравоохранения и эмиграции, они зашли в кафе на открытом воздухе и взяли по кофе с булочкой. Было около шести часов утра. Но в Кингстоне уже царил оживленный дорожное движение – на улицах было много грузовиков, легковушек, велосипедов и пешеходов. Солнце начало пригревать, и в воздухе запахло перцем и соленой водой.

К их столику подсел какой-то человек. Он был невысок и толст, одет в белое и, кажется, очень радовался встрече с ними. Это был мистер Куалилья.

– Я подумал, что вы можете приехать на Ямайку, – сказал он. – Позвольте мне предложить вам свое гостеприимство.

– Вы высматривали нас? – спросил Торнтон.

– В таком месте, как Кингстон, только и остается, что высматривать. Иначе никак не узнаешь, кто прибывает и когда. Скажите, на Санта-Катарине у вас были неприятности?

– Ничего серьезного, – ответил Торнтон.

– Никаких беспорядков? И мою лавочку не сожгли?

– Конечно, нет. А почему ее должны были сжечь?

– Это моя маленькая мечта, – шепотом сказал мистер Куалилья. – Если мою лавочку сожгут или разграбят, то у меня не будет причин оставаться на Санта-Катарине. А поскольку у меня есть страховка, то я смогу жить на Ямайке. Моя жена будет просто счастлива.

– Я и не знала, что вы женаты, – сказала Эстелла.

– О да! И у меня четверо детей. Моей старшей дочери скоро исполнится восемнадцать лет – почти ваша ровесница, мисс

Варгас, – галантно добавил он.

– Они живут на Санта-Катарине?

– Конечно, нет. Мы живем в доме на окраине Кингстона. Сам дом невелик, зато сад и двор великолепны. Мы были бы рады принять вас как дорогих гостей.

– Большое вам спасибо, – отозвалась Эстелла, – но боюсь, что мы задержимся в Кингстоне всего на несколько часов.

– Вероятно, вы возвращаетесь в Майами?

– Вероятно.

– А может быть, вы обнаружили место, где должны встретиться люди и оружие?

– Возможно.

– Вы мне не доверяете, – скорбно промолвил мистер Куалилья. – Я нахожу это весьма огорчительным.

– Почему мы должны верить вам? – спросил Торнтон. – Если мы скажем вам, где находится это место, кому вы продадите эту информацию?

– Голландцам, – честно ответил мистер Куалилья. – Они очень

аккуратно обходятся с полученной информацией. У них в Карибском бассейне есть свои владения, и поэтому данные вопросы их крайне интересуют. Но они редко пускают полученную информацию в ход. У голландцев эта тайна будет в сохранности, а я получу несколько долларов на какое-нибудь бесполезное путешествие.

– Вы с нами очень откровенны, – признал Торнтон. – Но не думаю, что я вправе рассказать вам эту тайну.

– Возможно, не вправе, – сказал мистер Куалилья. – Может быть, она предназначена для лучших ушей. Я слишком много говорю, и, в конце концов, я вынужден руководствоваться честностью других людей. Это почти так же хорошо, как руководствоваться собственной честностью. Вы видели мистера Дэйна?

– Нет. А вы?

– Я слышал, что он в Вашингтоне.

– В Вашингтоне?

– Конечно, – сказал мистер Куалилья. – Это самое подходящее место для мистера Дэйна, не так ли? Разведчик черпает силу духа в Вашингтоне, в несравненной штаб-квартире ЦРУ, ФБР, тайной службы, могущественного Департамента финансов...

– Но мы предполагали, что он находится на Карибах! – воскликнула Эстелла.

– Касательно такого человека, как мистер Дэйн, – наставительно

сказал Куалилья, – нельзя предполагать, что он находится там-то или там-то. Он находится в том месте, где должен быть в нужное время. И только потом выясняется, где именно. Таков удел агентов высшего класса. Тем более что все это только слухи.

– А другие слухи до вас не доходили? – спросила Эстелла.

– Ничего важного, – с наигранной небрежностью сообщил мистер Куалилья. – Обычные разговоры, кочующие по кафе и базарам. Пустые сплетни о русских подлюдках и китайских грузовозах. Интересная маленькая история о некоем генерале Мендосе и другая история – о грузовозе под названием «Либерии».

– Что вы слышали о генерале Мендосе и «Либерии»?

Мистер Куалилья улыбнулся.

– Обе эти истории довольно заняты.

– Что вы хотите за них?

– Информацию.

– Чтобы вы могли продать ее голландцам?

Мистер Куалилья пожал плечами:

– А чем голландцы могут вам помешать?

– Кому они могут передать эти сведения?

– Это не имеет значения. К тому времени об этом уже будут знать все, и поэтому знания станут бесполезны. Эти маленькие кусочки новостей хорошо распродаются в первые полчаса. Люди заплатят за тайну, но никогда ею не воспользуются. Это странный факт, который придает профессии шпиона оттенок этичности.

Торнтон посмотрел на Эстеллу. Она кивнула.

– Оружие, – сказал Торнтон, – находится на острове под названием Куэвра.

– Спасибо, – отозвался мистер Куалилья. – Поверьте мне, вы несколько не скомпрометировали себя.

– А теперь расскажите нам о генерале Мендосе.

– Конечно. Вчера утром генерал прибыл в международный аэропорт Майами с билетом до Гватемала-Сити. Он сказал, что намерен взять короткий отпуск. Агенты иммиграционного бюро сочли, что его документы не совсем в порядке. Он задержится как минимум на неделю.

– Это интересно, – обронил Торнтон. – А что говорят про «Либерию»?

– Чрезвычайно несчастливый корабль, – ответил Куалилья. – Они сообщили об отказе одного из двигателей в открытом море, к югу

от Кубы. Так что к месту своего назначения «Либерии» прибудет с опозданием.

– Вы слышали что-нибудь еще касательно мистера Дэйна? – спросил Торнтон.

– Нет. Но я могу предположить – только предположить, заметьте, – что он вернулся в Майами, чтобы задать несколько вопросов генералу Мендосе. А может быть, кому-нибудь еще.

– Это вероятно?

– Это возможно. В любом случае, это совершенно не касается той проблемы, которая сейчас стоит перед вами.

– И что же это за проблема?

– Это же вполне очевидно, – сказал мистер Куалилья. – Вы собираетесь на Куэвру. Вы зашли так далеко, как только можно, действуя вполне легально. И теперь вам нужно кое-что для маленькой частной прогулки. Самолет, например. Или лодка.

– Вы очень умны, мистер Куалилья, – сказала Эстелла.

Куалилья улыбнулся, прикрыв глаза.

– Благодарю вас, мисс Варгас, но на самом деле тут большого ума не нужно. Всегда одни и те же дела. Люди, оружие и расстояние. Проблема одна, как диктует логика. Оружие должно быть

ликвидировано до прибытия «Либерио» на Куэвру. С другой стороны, даже задержка генерала Мендосы может ничего не значить, поскольку Сантос-Фигуэрос отлично знает, что ему делать с тысячей вооруженных солдат. Но вам понадобится набрать людей, чтобы ликвидировать оружие.

– Нет времени, – возразила Эстелла.

– Совершенно верно. Я могу обеспечить вам тайную и надежную транспортировку на Куэвру и обратно. Это вас интересует?

– Интересует, – ответил Торнтон. – Сколько это будет стоить?

– Стандартное вознаграждение за подобные дела, – сказал Куалилья. – Мы обсудим это по дороге в порт.

Через час мистер Куалилья уладил все дела и получил свое вознаграждение. Для поездки на Куэвру была предоставлена сорокафутовая рыбацья лодка с экипажем в два человека. По словам шкипера, она могла делать больше пятнадцати узлов. Шкипер был огромным жизнерадостным негром с Андроса. Он носил потертые брюки защитного цвета, рубашку с оторванными рукавами и бейсбольную кепку. Его помощник, он же специалист по наживлению перемета, он же двоюродный брат, был ямайцем, невысоким, пожилым, с серо-стальной шевелюрой и мрачным взглядом. Они сообщили, что к полудню топливные баки будут заполнены и все будет готово к отплытию. Мистер Куалилья сердечно распрощался с ними.

Пока лодка заправлялась, Торнтон и Эстелла вернулись на Мельничную площадь, чтобы перекусить. Торнтон купил «Майами геральд» двухдневной давности. На третьей странице он прочел короткую заметку о том, что генерал Мендоса задержан в аэропорту Майами, а в разделе судоходства – короткое

упоминание о неполадках на «Либерио».

– Вот так это и делается, – сказал он Эстелле. – Я тоже могу быть шпионом. Весь фокус в том, чтобы прочитать газету раньше всех остальных.

– Я предполагала, что он нас надует, – отозвалась Эстелла. – Но я все же рада, что ты прочел эти новости в газете.

– Почему?

– Я не думаю, что мистеру Куалилье можно доверять. Но это доказывает, что его данные действительно верны.

Глава 26

Гладь Карибского моря безмятежно расстилалась под бледно-голубым небом. Далеко на юго-востоке по горизонту ползли дождевые облака, похожие на серое стадо. Лодка на полной скорости летела по глади моря, вздымая водяные крылья, в которых радугой переливалось солнце. Они плыли весь день, и после заката шкипер слегка сбросил скорость. Спустилась ночь, и лодка продолжала свой бег под слегка обгрызенной с краю луной. Около полуночи Торнтон задремал.

Разбудил его помощник шкипера. Торнтон сел, прикрывая глаза от слепящего утреннего солнца. Помощник ткнул пальцем куда-то вперед, и Торнтон увидел Куэвру – коричневую точку в синеве моря. Он взял из рук помощника кружку с кофе и разбудил Эстеллу.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он у нее.

– Я буду чувствовать себя намного лучше, когда все это будет позади, – ответила она.

Они быстро приближались к острову. Теперь Торнтон мог рассмотреть Куэвру вблизи. Остров выглядел попросту высокой беспорядочной грудой гранита, серого и гладкого. Тут и там были заметны узенькие полоски коричневого песка. В сотне ярдов от острова шкипер заглушил мотор и вопросительно посмотрел на Торнтона.

– Обойдите вокруг острова, – сказал ему Торнтон. Он поднялся наверх и стал рассматривать Куэвру в бинокль шкипера. Он старался ничего не упустить. На темных скалах не было заметно ни малейшего движения, ни отблеска стали. Завершив круг, лодка легла в дрейф неподалеку от острова. Торнтон окинул взглядом горизонт. Далеко на западе можно было различить низкую береговую линию Центральной Америки. До самого горизонта нигде ни единого корабля, в окулярах бинокля беззаботно пляшут волны.

Он снова осмотрел Куэвру, потом опустил бинокль.

– Если здесь и скрывается тысяча человек, – сказал он Эстелле, – то они скрываются чертовски хорошо.

– А как насчет оружия?

– Отсюда я ничего не вижу.

– Возможно, «Гелиос» не смог разгрузиться. Возможно, он даже не заходил сюда.

– Я бы на это не рассчитывал, – отозвался Торнтон. – Мы должны исходить из того, что контейнеры были доставлены сюда и выгружены на остров. Эта полоска песка на северной оконечности острова выглядит вполне подходящим местом.

– Мы собираемся проверить?

– Именно для этого мы здесь, – ответил Торнтон. Он достал из кармана револьвер, осмотрел его и снова спрятал. Он сказал шкиперу, чтобы тот доставил их на северную оконечность острова. Шкипер кивнул, хотя вид у него был не очень-то радостный, и включил зажигание. Помощник перешел на нос лодки, держа в руках длинную бамбуковую палку с черными отметинами. В пятидесяти ярдах от острова он начал делать промеры. Дно постепенно повышалось. В двадцати футах от берега шкипер заглушил мотор и предоставил лодке двигаться по инерции. В десяти футах от берега нос лодки мягко ткнулся в песок.

Торнтон велел шкиперу и его помощнику не глушить двигатели и быть готовыми отплыть немедленно. Они энергично закивали и уселись на палубу. Торнтон достал из ящика с инструментами небольшой лом и заткнул его за пояс. Они с Эстеллой спрыгнули с носа лодки в воду, доходившую им до колен, и выбрались на берег.

Узкий пляж заканчивался нагромождением гранитных валунов, гладко облизанных приливами. Торнтон и Эстелла пробрались между валунами и очутились на покатом скальном плато. Тишина, яркое полуденное солнце. Они слышали, как плещет вода о борт лодки и как шипит прибой на песке. Впереди скалы образовывали череду миниатюрных гор и долин, мертвых и серых. На выветренной поверхности поблескивали стеклянистые

вкрапления. С обеих сторон возвышались черные вулканические утесы.

– Пока ничего, – шепотом произнесла Эстелла.

– Нет. Но если кто-то и побывал здесь, мы не увидели бы следов. Во время прилива пляж затопляет, а на скалах следов не остается.

– Даже если оружие здесь, – сказала Эстелла, – то я не понимаю, как нам его найти.

– Это не должно быть слишком трудным делом. Контейнеры весят слишком много, чтобы их можно было оттащить далеко вручную. Я уверен, что их выгрузили на этот пляжик. Так что если они на острове, то они должны быть где-то здесь.

Они пошли вперед, осторожно озираясь на каждом шагу. Между гигантскими валунами извивалась дорожка. Торнтон остановился и осмотрел землю, словно истинный следопыт. Потом вынул из кармана револьвер и снял его с предохранителя.

– Ты будешь обеспечивать дальний обзор, – сказал он Эстелле. – Я буду придерживать тебя за локоть и направлять. Смотри на вершины тех утесов и оглядывайся назад. А я буду смотреть вперед и по сторонам. Если что-нибудь увидишь, быстро прячься.

Они пошли дальше. Пройдя еще пятьдесят футов, они заметили устье пещеры. Возвышающаяся перед нею скала поблескивала на солнце. Тени от утесов, черные и плотные, лежали поперек дороги, словно некие материальные образования.

Эстелла сказала:

– Кажется, я заметила вон там какое-то движение. – И указала, где именно. Торнтон метнулся за выступ скалы. По руке его скатилась капля пота, упав на ствол револьвера. Одинокая чайка с победным криком взвилась со скалы и полетела к морю.

Они подошли ко входу в пещеру. Вряд ли кто-то особо задумывался о маскировке. Черные контейнеры стояли прямо у входа. Торнтон достал из-за пояса лом и направился к ним.

– А теперь, – произнес из-за ящиков чей-то голос, – пожалуйста, положите револьвер на землю. Медленно.

Торнтон боялся чего-то подобного и потому был готов. Его реакция была почти мгновенной. Он упал ничком, прижимая к земле Эстеллу. Пуля просвистела над их головами.

– Не делайте глупостей, – произнес голос. – Вы должны понять, что вы в ловушке. Бросьте револьвер немедленно, и вам не причинят вреда.

Торнтон выстрелил на голос и услышал, как пуля рикошетом отскакивает от стен пещеры. Они поползли назад, пытаясь держаться под прикрытием контейнеров.

Когда они оказались на свету, раздались два выстрела, и Торнтон с Эстеллой метнулись за валун. Стреляли сверху и справа, возможно, с вершины скалы. Но яркое солнце и глубокие тени мешали попасть в цель.

– Что теперь? – спросила Эстелла.

– Думаю, нам надо попытаться добраться до лодки. Может, парни уже сбежали, услышав выстрелы. Но, может быть, они болтаются где-нибудь поблизости от берега, поджидая нас.

Послышался скрежет. Осторожно высунувшись из-за валуна, Торнтон заметил, что человек в пещере пробирается к выходу, по-прежнему оставаясь в укрытии.

Человек наверху снова начал стрелять. Возможно, он сменил позицию. Теперь пули рикошетили от макушки валуна.

– Уходим, – сказал Торнтон. Они осторожно выбрались из-за валуна.

Прогулка от берега до пещеры была короткой. Обратная дорога казалась бесконечной. Стрелок двигался параллельно им по гребню утеса. Иногда он на миг показывался в поле зрения – крошечная фигурка в хаки, с лентами патронов, переброшенными через плечи.

Торнтон подождал, пока стрелок не покажется в просвете между скал. Потом взял револьвер двумя руками, опираясь рукоятью на валун, и выстрелил. У ног стрелка поднялось облачко пыли, и он отпрянул за скалу. Револьвер на таком расстоянии был почти бесполезен, но, по крайней мере, стрелок теперь будет осторожнее.

Другой человек выбежал из пещеры и спрятался за валуном. Он двигался осторожно, не показываясь на глаза, и даже не стрелял.

Торнтон и Эстелла добрались до границы скального массива. Перед ними лежал узкий песчаный пляж. Лодка по-прежнему была здесь, мягко урча мотором. Оба рыбака стояли на мостике, пытаясь разглядеть, что происходит.

На скале над ними появился стрелок. Торнтон выстрелил дважды, и стрелок исчез из виду.

– Бежим! – скомандовал Торнтон.

Они промчались через пляж и вбежали в воду. По ним больше не стреляли. Они добежали до лодки и обогнули ее, чтобы обеспечить себе прикрытие.

– Дайте руку! – закричал Торнтон рыбакам. – Нам надо убираться отсюда!

Рыбаки засмеялись. Оба они были вооружены револьверами. Шкипер указал на оружие Торнтон. Тот подумал секунду и уронил револьвер в воду.

Продолжая смеяться, рыбаки погнали их обратно на берег.

Стрелок со скал спустился вниз. Это был Хуан, которого Торнтон в последний раз видел на заброшенном складе в Майами. Теперь на его плечах красовались капитанские погоны.

Человек из пещеры неспешно приблизился, промокая лицо большим белым носовым платком. Он был невысок, несколько толстоват, с тщательно подстриженными усами и редкими черными волосами. На плече его сияла генеральская звезда. В

руках у него был армейский карабин.

– Друзья мои, – сказал генерал Мендоса, – сожалею, что пришлось пригласить вас на Куэвру столь неделикатно. Однако сейчас мы находимся в состоянии войны, и тут уже не до вежливости. Пойдемте со мной.

Генерал повернулся и зашагал обратно к пещере. Торнтон и Эстелла поплелись следом. За ними шли Хуан и оба рыбака.

Глава 27

Пещера оказалась больше, чем выглядела снаружи. Вход в нее был искусственно расширен – Торнтон увидел на камне отметины от инструмента. Их провели внутрь.

Коридор тянулся еще на тридцать ярдов, круто поднимаясь вверх, и заканчивался маленькой пещерой естественного происхождения. В наружной пещере за контейнерами горела керосиновая лампа. В ее желтом свете они увидели смуглого рябого человека в белой хлопчатобумажной рубашке и брюках, сидящего на куче ящиков. На плечах у него висели две ленты с патронами и винтовка «гаранд». Он встал и отсалютовал Мендосе, который ответил на приветствие с важной небрежностью. Человек усмехнулся, увидев пленников, и спросил по-испански Мендосу, не началось ли уже освобождение. Мендоса ответил, что скоро начнется, и рябой снова сел на ящики. Мендоса зажег вторую лампу и повел их мимо охранника в другую пещеру.

Она была площадью примерно в тридцать квадратных футов. Каменный потолок, блестящий от сырости, находился не более чем в трех футах над головами. Единственным видимым входом – или выходом – был тот, через который они только что вошли

сюда. Очевидно, рябой человек охранял именно этот вход.

– Можете располагаться, как хотите, – радушно предложил Мендоса. – Как вы понимаете, наши возможности на Куэвре сильно ограничены.

– Что вы собираетесь сделать с нами? – спросил Торнтон.

– Это зависит от того, как обернутся события. После того как освобождение Коруны будет завершено, мы, возможно, отпустим вас. Или мы можем быть вынуждены задержать вас здесь на некоторое время в качестве залога хорошего поведения Соединенных Штатов. Сейчас трудно сказать.

Эстелла выслушала это со спокойным кивком. Торнтон проявил меньше стоицизма. Он сказал:

– Последнюю часть нашей поимки обеспечил мистер Куалилья, не так ли?

– Совершенно верно.

– Значит, он ваш агент?

– Нет, – возразил генерал Мендоса. – Куалилья – ничей не агент. Он продает информацию тому, кто ее покупает, и предлагает услуги тем, кто платит за них. Он верен только самому себе.

– А как же его жена и дети?

– Боюсь, это просто ловкий розыгрыш. Я знал, что мистер Дэйн покупает сведения у Куалильи. Я предложил больше. Знаете ли, все вещи имеют цену; равным образом имеет цену и информация, и верное размещение нужных людей, таких, как два моих моряка.

– Почему же Дэйн не понимал этого? Почему он доверял Куалилье?

– Вы делаете неверные выводы, – сказал Мендоса. – Мистер Дэйн ни на грош не верил мистеру Куалилье. Единственной его заботой была достоверность информации. Это всем известно.

«Известно всем в маленьком замкнутом мирке разведчиков и контрразведчиков», – подумал Торнтон.

– Мистер Дэйн покупал у Куалильи определенные сведения и платил ему всего лишь деньгами. Но когда вы, молодые люди, остались на месте действия одни, мистер Куалилья узрел возможность получить деньги из нескольких источников разом. Естественно, он сказал, что мистер Дэйн верит ему; но это всего лишь слова. Мистер Дэйн никогда не говорил этого.

– Он никогда даже не упоминал Куалилью.

– И вообще, мистер Торнтон, глупо думать, что мистер Дэйн доверяет каждому человеку, с которым говорит. Вы оба, молодые люди, еще совсем новички в этой игре.

– Полагаю, да, – отозвался Торнтон. – Это грязная игра.

– Да, – согласился Мендоса, – хотя в ней есть некоторая притягательность. Я могу сказать вам, мистер Торнтон и мисс Варгас, что события развиваются с неумолимой точностью. Я говорил по радио с «Либерии». Корабль будет здесь не позднее завтрашнего полудня. И еще до заката начнется освобождение.

– Вторжение, – поправила Эстелла.

– Это зависит от того, на какой стороне вы находитесь, – сказал ей Мендоса. – Вторжение, освобождение, как бы мы это ни называли, будет осуществляться одной из самых больших, хорошо вооруженных и хорошо обученных армий, которые когда-либо вступали на землю Центральной Америки. Главная дорога, ведущая в столицу, охраняется только для виду. Остальная корунская армия – два плохо вооруженных пехотных полка – находится на Тихоокеанском побережье, отражая вылазки против Международной фруктовой компании. Через два дня, считая с этой минуты, в Коруне будет новое правительство. Так что остается только один вопрос.

– Какой? – спросил Торнтон.

– Совсем незначительный, – сказал генерал Мендоса. – Я хотел бы знать имя вашего настоящего нанимателя.

Несколько секунд Торнтон не мог понять, о чем говорит Мендоса. Потом произнес:

– Вам это известно. Я работаю на корпорацию «Майами-Юг».

– Ну теперь-то уж вы могли бы отказаться от этого устаревшего прикрытия, – сказал Мендоса. – Я более чем уверен, что документы у вас подлинные. Я снова спрашиваю: на кого вы

работаете в действительности?

– Я вам уже сказал. Мой единственный наниматель – «Майами-Юг».

Мендоса нахмурился и побарабанил пальцами по кобуре, висящей у него на поясе.

– Возможно, мистер Торнтон, вы не понимаете причин такого интереса ввиду своей явной неопытности. Поймите, что люди, стоящие за вами, – противники освобождения. Теперь мы знаем, кого представляет мистер Дэйн и кого представляет мисс Варгас. Таким образом, мы знаем двух наших врагов. Но мы не знаем, кто третий враг, тот, кого представляете вы, и на ранних стадиях реорганизации правительства для нас очень важно знать, с какой стороны следует ждать удара. Например, правительство Никарагуа примет участие в этом спектакле; но неизвестно, на чьей стороне, поскольку существует вопрос спорной территории. С юга мы граничим с Коста-Рикой, мирной страной. У нас нет причин подозревать Коста-Рику в подрывной деятельности, но мы должны знать наверняка. Также у нас есть общая граница с Гондурасом протяженностью в несколько миль, так что гондурасских агентов нельзя не принимать в расчет. И существуют не только эти возможности. Куба поневоле сыграет в этом интересную роль, вплоть до самых верхов. Агент из Мексики или Гватемалы не удивил бы меня, равно как и венесуэльский шпион. И еще остаются Британия, Франция и Голландия, у каждой из которых в Карибском море есть свои владения. Я даже допускаю возможность засылки разведчика из России или Китая. Они далеко, но их интерес к событиям в Латинской Америке очевиден.

– Не увлекайтесь сказками, Мендоса, – прервал его Торнтон. – Я уже сказал вам, кого я представляю.

– Простите, мистер Торнтон, но ваше окружение опровергает эту

легенду. И вы не упомянули мистера Эберхарта.

– А почему я должен упоминать его?

– Потому что он контрабандист, перевозящий оружие, и платный агент режима Кастро. Потому что он навещал вас в тюрьме Санта-Катарины. Потому что вы были освобождены немедленно после его ухода.

– Эберхарт не имеет никакого отношения к моему освобождению.

– Тогда почему он навестил вас?

– Он хотел получить сведения касательно оружия. Я ничего ему не сказал.

Мендоса поднял брови.

– Вы были освобождены из заключения и сразу же отправились на Ямайку. Мистер Эберхарт и несколько его друзей прилетели следующим рейсом. В Кингстоне они арендовали гидросамолет.

– И все же я к этому не имею отношения. Почему бы вам не расспросить Эберхарта обо мне?

– Это невозможно. По словам мистера Куалильи, гидроплан потерпел аварию вскоре после взлета. Ни одно тело еще не найдено.

– Полагаю, это было подстроено вами?

– Нет. Мистер Эберхарт потерпел неудачу с доставкой партии оружия, и его наниматели потеряли терпение. Как долго вы работали вместе с ним?

– Я никогда не работал вместе с ним.

– Кто ваш наниматель?

– Я вам уже сказал.

Мендоса скорбно покачал головой:

– Мистер Торнтон, я не хочу вам угрожать. Я считаю вас очень приятным молодым человеком. Мне не хочется идти на крайние меры.

– Так не идите.

– Это может стать необходимым для безопасности революционного правительства.

– Черт побери! – воскликнул Торнтон. – У вас еще даже нет правительства, а вы уже волнуетесь о безопасности! Все, что у вас есть, – это четыре человека на скалистом острове.

– Десять человек, – поправил Мендоса. – Я поставил часовых в других точках, на тот случай, если вы решите высадиться не на северном берегу. Но это к делу не относится. Конечно, у нас еще нет правительства, но завтра оно уже будет. Поэтому безопасность становится крайне серьезным делом. Мистер Торнтон, я не прошу вас выдавать никаких тайн. Я просто прошу вас назвать имя вашего нанимателя.

– Спросите меня завтра, когда у вас будет правительство, – огрызнулся Торнтон.

На какой-то миг ему показалось, что он зашел слишком далеко. Лицо Мендосы покраснело, рыхлое тело заметно напряглось, глаза стали жесткими и острыми, словно осколки гранита.

– Мы еще обсудим это позже, – пообещал Мендоса. – И вы ответите. – Он повернулся и вышел.

– Ну вот, – сказал Торнтон Эстелле, – кажется, по моей вине мы угодили в самое пекло.

– Нет, Билл. Если кто-то в этом виноват, то это я. У меня в таких вещах есть некоторый, хотя и небольшой опыт. Я должна была знать.

– Я с тобой не согласен, – возразил Торнтон, – но давай не будем искать виноватых. Как ты думаешь, что они с нами сделают?

– Вероятно, это зависит от того, как пройдет их вторжение. Если успешно, то они могут отпустить нас через несколько недель. Если вторжение провалится, то они станут военными преступниками, беглецами. Тогда они могут нас расстрелять.

– И как ты оцениваешь возможность успешного вторжения?

– Полагаю, это будет труднее, чем они считают. У Коруны маленькая армия, но правительство пользуется большой поддержкой у народа. Даже если столица падет сразу, Мендоса может получить затяжную гражданскую войну.

– Где они будут нас держать?

– Мендоса хочет выглядеть настолько чистым с точки зрения закона, насколько это возможно. Мы будем помехой для него.

Торнтон кивнул и попытался обдумать все это. Он был в ответе за Эстеллу, равно как и за себя самого. Странное чувство, несколько непривычное и очень ценное. Но в данных обстоятельствах это была тяжкая ноша. Следовало ли им тихо сидеть в пещере и ждать, чем обернется для них вторжение? Эта идея претила ему. Тщательно все взвесив, Торнтон решил, что сидеть и ждать – опаснее, нежели попытаться вырваться на свободу.

– Что-то мне не очень верится, что они оставят нас в живых, – сказал Торнтон. – Лучше мы поищем выход отсюда.

Они обшарили всю пещеру, но никаких древних заброшенных туннелей, скрытых в скалах, не нашли. Единственный выход был через то отверстие, через которое они вошли сюда. Это означало, что надо вывести из строя охранника. Это было рискованно, но довериться человеколюбию Мендосы – еще рискованнее.

– Нам надо убрать охранника, – прошептал Торнтон. Он поднял с пола обломок гранита. – Нож был бы лучше, но особо выбирать не

приходится.

Эстелла наклонилась и подняла подол юбки. Секунду спустя она протянула Торнтону короткий нож с узким лезвием.

– Это стандартное снаряжение? – спросил Торнтон.

– Просто с ним я чувствую себя увереннее. Знаешь, Билл, мне говорили, что лучше такое оружие, чем никакого оружия вообще.

– Не будь фаталисткой, – сказал Торнтон, проверяя остроту ножа. – Если я смогу убрать охранника, у нас будет винтовка. А потом мы приступим к делу. Оставайся пока здесь.

– Нет!

– Эстелла, это важно. Остайся здесь и продолжай говорить. Сделай вид, как будто я отвечаю тебе.

– Возможно, нам следует подождать и посмотреть, что они собираются делать?

Торнтон покачал головой.

– Если они решат, что мы им мешаем, то нам будет поздно предпринимать что-либо. – Он легонько поцеловал ее и пригладил ее волосы. – Думаю, так будет лучше всего, любимая. Говори.

Она на миг прижалась к нему, потом отстранилась. Торнтон опустился на четвереньки и осторожно пополз к выходу. За его спиной Эстелла сказала:

– По соображениям безопасности положение крутое...

Торнтон прополз по узкому туннелю и оказался у острого выступа, за которым расположился охранник. Распластавшись на животе, Торнтон осторожно огляделся. Охранник был примерно в сорока футах от него – сидел на ящиках и смотрел в сторону охраняемой пещеры, напевая что-то и отстукивая такт на прикладе своей винтовки.

Торнтон ждал, когда охранник отвернется. Если он окажется в поле зрения стража, то не успеет ничего. Но охранник сидел все в той же позе, продолжая напевать. Торнтон ждал, держа нож за лезвие. Сорок футов – большое расстояние для маленького ножа. Слишком большое. Со времен военной подготовки Торнтон усвоил кое-какие навыки по метанию ножа. Но армейский нож был длиннее и тяжелее, а дистанция, на которой Билл практиковался, – намного короче. Но даже тогда он часто мазал мимо цели. Он никогда не ставил себе целью стать мастером этого искусства. Этот охранник вообще собирается поворачиваться?

Торнтон лежал на каменном полу; минуты тянулись бесконечно. Охранник допел одну песенку и начал другую. Керосиновая лампа мигнула, и охранник умолк. Он нахмурился, опустил винтовку и повернулся к лампе. Торнтон начал подниматься. Охранник поправил фитиль и снова взялся за оружие. Торнтон лег опять.

Со стороны входа в пещеру неожиданно донесся гулкий хохот. Охранник резко встал и обернулся. Торнтон вскочил и метнул

нож.

Едва разжав пальцы, он понял, что бросок не удался. Нож описывал правильную дугу, разворачиваясь в полете острием вперед. Охранник начал оглядываться – слишком поздно.

Нож задел низкий потолок пещеры и упал на пол.

Торнтон бросился назад. Охранник выпустил очередь в сторону туннеля, и Торнтон вознес молитву, чтобы Эстелла не оказалась на линии огня. Охранник смотрел на нож, потом закричал что-то вслед Торнтону по-испански. Но значение его слов было достаточно ясным – он намеревался как следует обработать пленника, быть может, даже сломать ему руку, чтобы впредь не мог кидаться ножами. А девуку...

Торнтон ждал. Охранник вошел в пещеру, увидел его и остановился. Потом усмехнулся и вскинул винтовку: палец, лежавший на курке, был белым. Торнтон приготовился к прыжку, понимая, что не успеет.

– Довольно! – крикнул генерал Мендоса, появляясь за спиной у охранника. Он быстро заговорил по-испански, и охранник отошел назад, широко улыбаясь.

Мендоса обратился к Торнтону:

– Пожалуйста, не пытайтесь изображать героя. В этом нет необходимости.

Торнтон стоял рядом с Эстеллой. Следом за генералом Мендосой

шел Стивен Дэйн. Человека, шедшего следом, Торнтон вспомнил с трудом, потом внезапно узнал его. Это был Джордж Кларрис, начальник Порт-Какао. За ним шли два одетых в хаки солдата с автоматами.

– Теперь мы все здесь, – сказал генерал Мендоса.

Дэйн кивнул, его лицо не выражало ничего. Сначала Торнтону показалось, что тот идет, сжав ладони в приветственном жесте; потом он понял, что у Дэйна связаны руки.

Глава 28

– Вы и представить себе не можете, как я рад этому, – продолжал генерал Мендоса. – Вы можете присоединиться к своим друзьям, мистер Дэйн.

Вельветовый костюм Дэйна был измят и испачкан, но сам Дэйн держался прямо, ничем не выдавая своих эмоций. Он прошел к дальней стене пещеры, кивнув Торнтону и Эстелле. Он не был похож на человека, потерпевшего поражение. Возможно, в мире Дэйна не существовало ни поражений, ни побед. Просто вереница случаев, частью удачных, частью нет, с каким-то налетом абсурдности, но, несмотря на это, – неизбежных. Если судить по вежливому и чуть насмешливому лицу Дэйна, он никогда не испытывал надежды, и потому у него не было повода для отчаяния.

– Тот факт, что все мои противники собраны в одном месте, – сказал Мендоса, – дает мне определенное ощущение безопасности. Понимаю, что мое чувство удовлетворения несколько преждевременно. Еще нужно выиграть войну. Но, по крайней мере, я теперь знаю, что война состоится.

– Должно быть, вы этим очень довольны, – фыркнула Эстелла.

– Нет, я не люблю воевать. Как это ни парадоксально, почти все генералы воевать не любят. Война – это попросту самый быстрый и простой способ достигнуть успеха. Мистер Дэйн, вы со мной согласны?

– Ваши прошлые шаги в этом направлении не привели ни к чему хорошему, – отозвался Дэйн.

– Бывали различные ситуации, мистер Дэйн, и некоторые из них – куда более сложные. Я даже находил определенное удовольствие в состязании с вами. Но сейчас благодаря услугам моего партнера мистера Кларриса вы выведены из игры.

Все посмотрели на Кларриса. Красный и взмокший, он едва не плакал от стыда. Только сейчас Торнтон заметил, что Кларрис носит портупею и револьвер в кобуре.

– Мистер Кларрис – очень полезный партнер, – продолжал генерал Мендоса. – Благодаря его сотрудничеству мы получили возможность вывезти наш груз за пределы страны через Порт-Какао. А теперь благодаря его умению выдавать неверную информацию он привел к нам мистера Дэйна. Вы хорошо поработали, мистер Кларрис.

– Ладно, – сказал Кларрис, – избавьте меня от этого.

– Ну нет, – возразил Дэйн. – Вы понимаете, в каком положении вы оказались?

– Я не буду обсуждать это.

– Тогда подумайте об этом. Как вы, например, собираетесь вернуться в Соединенные Штаты?

– Я не намерен возвращаться в ближайшее время. А когда захочу вернуться, то придумаю что-нибудь.

– А как насчет вашей жены? Вы придумали что-нибудь для нее?

Кларрис в ярости потянулся к кобуре. Генерал Мендоса успокаивающе положил ладонь на его руку.

– Прошу вас, мистер Кларрис. У нас еще остались кое-какие вопросы.

– И все же лучше будет прикончить их. – Кларрис кивнул в сторону пленников.

Мендоса задумчиво посмотрел на него, а Кларрис ответил ему яростным взглядом. Секунду спустя Мендоса рассмеялся.

– Возможно. Но вы слишком торопитесь. Не позволяйте мистеру Дэйну дразнить вас. Он любит дразнить людей – даже тогда, когда у него связаны руки.

– Мы не будем в безопасности, пока они живы, – сказал Кларрис.

– Это вы не будете в безопасности. Что касается меня, то это другой вопрос. – Он повернулся к Дэйну: – Не можете ли вы поведать мне, кто настоящий работодатель вашего друга, мистера Торнтона?

– Сейчас это не имеет значения, – ответил Дэйн. – Мистер Торнтон – наблюдатель из Госдепартамента.

– Я должен был догадаться! – заявил генерал Мендоса. – Никакое иное положение не в силах объяснить эту странную смесь упрямства и политической неосведомленности. – Генерал был доволен, как может быть доволен человек, только что сочинивший эпиграмму.

Дэйн вежливо кивнул.

– Не хотите ли развязать мне руки?

– Ну конечно же! Как я мог забыть! – Генерал обратился к одному из охранников, и тот разрезал веревки на руках Дэйна карманным ножом. Несколько секунд Дэйн растирал запястья, потом скрестил руки на груди.

– А теперь мы вас ненадолго покинем, – объявил Мендоса. – Мне нужно обсудить кое-что с мистером Клэррисом. Ради вашей же собственной безопасности не выходите в туннель.

Мендоса, Клэррис и охранники ушли. Дэйн выбрал себе местечко посуше и уселся прямо на пол. Откинувшись к стене, он прикрыл глаза. Эстелла спросила:

– Мистер Дэйн, что случилось?

Дэйн открыл глаза. В желтом свете лампы лицо его казалось серым от усталости. Он сказал:

– В Санта-Катарине я получил телеграмму. У меня не было времени поговорить с вами: самолет в Майами вылетал немедленно. Полагаю, вы получили мою записку и действовали так, как в ней указано. Я не думал, что это приведет к таким последствиям. И я уж точно не ожидал, что вы явитесь сюда.

– Это казалось единственным выходом, – отозвался Торнтон.

– Знаю. Наша беда была в отсутствии связи. Но с этим ничего нельзя было поделать.

– А как насчет Кларриса? Почему вы поверили ему?

– Я не поверил, – ответил Дэйн, – но я счел его безвредным. На тот момент я располагал информацией о том, что генерал Мендоса задержан эмиграционным бюро. И тут отсутствие связи; я не знал, что он был отпущен.

– Как вы попали сюда?

– Мы вылетели в Сан-Хуан-дель-Норте, а там арендовали моторную лодку. Вскоре после нашей высадки один из людей Мендосы потопил эту лодку.

– Что происходит сейчас? – спросила Эстелла.

– Давайте подождем и увидим, – сказал Дэйн, вновь закрывая глаза.

Когда часы Торнтон показывали девять вечера, охранник принес им упаковку армейского рациона и фляжку воды. Ночь тянулась бесконечно. Дэйн отмалчивался. Торнтон и Эстелла обнаружили, что им почти не о чем говорить друг с другом. К полуночи в пещере стало очень холодно. Наконец Торнтон погрузился в беспокойный сон.

Проснулся он внезапно. Керосин в лампе почти закончился. Взглянув на часы, Торнтон обнаружил, что уже почти пять утра. Эстелла спала на его плече, ее длинные волосы разметались по его груди. Торнтон огляделся, пытаясь понять, что разбудило его. Потом он заметил, что в тени у входа стоит человек. Это был Джордж Кларрис. Он с револьвером в руке подбирался к Дэйну.

Торнтон снял со своего плеча голову Эстеллы и вскочил. И тут же услышал резкий шепот Дэйна:

– Спокойнее, Торнтон. Все в порядке.

Глава 29

Они вышли по туннелю во внешнюю пещеру. Охранник без сознания лежал на ящиках, прерывисто дыша. Дэйн и Торнтон оттащили его к стенке. Кларрис достал большую отвертку и начал вскрывать один из ящиков.

В ящиках были свертки, упакованные в промасленную бумагу. Торнтон сдирал упаковку, Кларрис стирал толстый слой жира, а Дэйн принимал детали. Он собрал из них три автомата.

– А теперь посмотрим, удастся ли нам найти патроны, – сказал Дэйн.

Им пришлось взломать пять ящиков, прежде чем они нашли рожки для своих автоматов. Зарядив автоматы, они рассовали тяжелые рожки в карманы и за пазуху. Кларрис отдал Эстелле свой револьвер. Она взяла его и повесила на плечо фляжку охранника. Во главе с Дэйном они направились к выходу из пещеры.

Над Куэврой вставал серый промозглый рассвет. Скалы были влажными, по земле вились пряди тумана. Дэйн сказал:

– Мы попытаемся добраться до лодки, на которой прибыли вы, Торнтон. Быть может, нам повезет.

Они вышли из пещеры цепочкой, по одному. Впереди шел Дэйн, Кларрис пристроился в хвосте. Ни единого шороха не донеслось до беглецов, никто не попытался напасть на них. Они без происшествий достигли конца скального массива. По ту сторону пляжа покачивалась на волнах лодка, стоящая на якоре. А затем послышался крик и звук автоматной очереди. Беглецы распластались на земле между обломками скал. Крики не стихали, а потом из скал хлестнула вторая очередь, отсекая беглецов от пляжа. Было ясно, что побег не удался – а ведь лодка была так дразняще близко, всего в нескольких десятках ярдов! В перерывах между выстрелами слышался голос Мендосы, выкрикивавший приказы.

– Черт бы их побрал, – выругался Кларрис, – мы должны попасть на эту лодку! Дэйн, как ты думаешь, может, нам удастся подобраться к ней с дальнего конца, из-за скал?

В двадцати футах справа скалы тянулись через весь пляж почти до самой воды. Если им удастся достичь этой точки, то они смогут пройти почти весь пляж под прикрытием скал. Но все равно придется плыть к лодке под автоматным огнем.

– Давайте пойдем туда и посмотрим, – сказал Дэйн. Они, пригибаясь, побежали вдоль скальной гряды и достигли дальней точки, прежде чем люди Мендосы смогли зайти им во фланг.

Дэйн оценил их новую позицию:

– Выглядит не слишком многообещающе. Против нас будет по меньшей мере четыре автоматчика.

Торнтон сказал:

– Если вы прикроете меня огнем, я попробую доплыть до лодки. Я могу оставить якорь на дне и привести лодку прямо сюда.

– У вас нет ни малейшего шанса.

– Думаю, есть, – возразил Торнтон. Он отдал свой автомат Эстелле и двинулся к краю стены. Вдруг Дэйн скомандовал ему подождать.

Автоматчики Мендосы обратили огонь на другую цель. Ураган очередей накрыл лодку. Пули прошивали борта, на мостике уже плясал маленький огонек. Лодка беспомощно накренилась на нос. Вскоре спорить стало не о чем, разве что о том, утонет злосчастная лодка или сперва сгорит.

Дэйн решил отступать к дальнему концу скального массива, а потом в глубь острова.

У восточной своей оконечности Куэвра переходила в скалистый мыс, отвесно поднимавшийся над морем почти на сотню футов. Дэйн повел свой отряд в этом направлении. Вскоре обрывистые склоны скал скрыли беглецов от глаз преследователей. Местность благоприятствовала реализации замысла Дэйна. Оставив далеко позади людей Мендосы, они двигались к самой высокой точке острова Куэвра.

В двух сотнях ярдов от оконечности острова они были встречены автоматным огнем. Мендоса, реагирующий с завидной быстротой, послал одного человека на западный конец острова. Автоматчик расположился высоко над ними, укрывшись между валунами, именно в том месте, которое хотел занять Дэйн. Мендоса и остальные были где-то позади.

– Нам крышка, – сказал Кларрис.

– Еще нет, – возразил Дэйн. – Один человек не сможет удержать эту позицию. Я думаю, мы сможем обойти его.

Кларрис уставился на пик. Руки его дрожали.

– Не надо мне было слушать тебя, Дэйн. Рассуди здраво. Мы не сможем забраться наверх по этим скалам под автоматным огнем.

– Все не так плохо, как кажется, – ответил Дэйн. – И, откровенно говоря, Кларрис, ты знал, на что идешь. Тебе не следовало возвращаться на Куэвру.

– Это точно. Я должен был остаться в Порт-Какао и попасть под арест. Ты предоставил мне недвусмысленный выбор.

– Но сперва выбирал ты сам, – сказал Дэйн. – Ты занялся контрабандой и попался на этом. В обычное время тебя бы попросту арестовали. Ты не получил бы и такого шанса.

– Чертовски вонючий шанс, – отозвался Кларрис. – Черт побери, эти ребята знают свое дело. Стреляют на поражение.

– Так же поступим и мы.

– Мне эта мысль не кажется удачной. Ты серьезно хочешь заставить нас ползать по этим скалам?

– Мы не можем оставаться тут, внизу.

– Послушай, Дэйн, я слишком стар для такого. Мне пятьдесят четыре года, я...

– Заткнись! – приказал Дэйн, и его лицо потемнело от гнева. – Перестань ныть. Тебе следовало подумать об этом прежде, чем ты занялся контрабандой оружия. Если бы не ты, то никому из нас не пришлось бы ползать по этим скалам. Во Флориде я предоставил тебе выбор: пойти со мной и помочь вытащить Торнтон и мисс

Варгас с Куэвры или пойти под суд при отсутствии смягчающих обстоятельств. Теперь я предлагаю тебе другой выбор. Иди с нами и сделай все, что сможешь, или возвращайся и присоединяйся к Мендосе.

– Он меня убьет.

– Сомневаюсь, – сказал Дэйн. Голос его вновь стал спокойным, лицо обрело невозмутимое выражение. – У него каждый человек на счету, и никто не будет лишним.

Кларрис трясущейся рукой вытер лоб.

– Извините, мистер Дэйн. Конечно, я не вернусь. Я сделал свой выбор во Флориде. Но, боюсь, нервы у меня немного не в порядке.

– Об этом не беспокойся, – ответил Дэйн. – В таких делах у всех нервы не в порядке. – Он положил руку на плечо Кларрису, и Кларрис ответил ему признательным взглядом. – А теперь идемте.

Дэйн разделил отряд на две группы. Дэйн и Кларрис двинулись вправо, Торнтон и Эстелла – влево.

После Торнтон с трудом мог вспомнить подробности этого кошмарного восхождения на скалы. Тяжелый автомат болтался на шее, карманы и рубашка отвисали под тяжестью рожков с патронами. Большую часть времени он и Эстелла были защищены от выстрелов выступами скал. Один раз на открытом месте пули ударили в камень рядом с ними, но автоматчика сразу же отвлекли Дэйн и Кларрис, открывшие огонь с другой стороны.

А когда они обогнули последний валун и достигли вершины скалы, все остальное оказалось до боли просто. Автоматчик, попав под перекрестный огонь, начал отступать. Он беспорядочно отстреливался, пытаясь держаться в укрытии; но он не мог укрыться от трех автоматов, ведущих огонь с разных позиций. Длинная очередь, выпущенная Дэйном, достала его. Торнтон видел, как пули, выбивая из камня крошки, подбирались все ближе к человеку. А потом раздался короткий глухой вскрик. Человек уронил свой автомат и бросился бежать, согнувшись чуть ли не вдвое и прижимая обе руки к животу. На плечах его поблескивали погоны – это был Хуан. Он пробежал дюжину ярдов, потом споткнулся, упал лицом вниз и больше не двигался.

Теперь они находились на восточной оконечности острова Куэвра, на самой высокой его точке. Дэйн поставил их прикрывать все подходы к вершине. С точки зрения Торнтона, их крепость была неприступной. Ее можно было разбомбить с самолета, но подобраться снизу под заградительным огнем не удалось бы никому.

– Берегите патроны, – сказал им Дэйн, – не стреляйте, пока перед вами не будет определенной цели.

Торнтон спросил:

– А как мы выберемся отсюда?

– Одним путем или другим, но тем не менее скоро. Сейчас меня заботит генерал Мендоса. Он не послал своих людей наверх.

– Но ведь это же хорошо!

– Я так не думаю, – возразил Дэйн. – Мендоса – отличный солдат.

Если он не прижал нас немедленно – значит, у него есть план получше.

– Какой у него может быть план? Вы думаете, он сможет заслать кого-нибудь нам в тыл?

Они посмотрели в сторону западного побережья. Пики зубчатой линией вырисовывались на фоне моря, покрытого рябью.

– Нет, – сказал Дэйн, – с тылу мы в безопасности.

– Может быть, он собирается уморить нас голодом?

– У него нет на это времени. Нам остается только ждать и смотреть. Что бы он ни сделал, ничего хорошего нам это не сулит.

Солнце было на полпути к зениту, над скалами поднималось марево. Море было пустым и ровным, побережье Центральной Америки скрывалось за дымкой. Беглецы ждали, что предпримет Мендоса.

Глава 30

К полудню они установили по редким автоматным очередям, что автоматчик находится внизу и справа от них, в укрытии, закрывая выход с восточной оконечности острова. Мендоса не предпринимал никаких попыток взобраться на скалу и выкурить оттуда беглецов. Солнце ползло по безоблачному небу, и камень нагрелся так, что до него было больно дотронуться. Стволы автоматов были раскаленными, хотя из них еще не стреляли. Весь

остров словно превратился в одну большую сковородку.

Они расположились полукругом. На одном конце прижимался к скале Кларрис, лицо его было ярко-красного цвета, глаза полузакрыты. Казалось, он был опасно близок к тепловому удару. На другом конце полукруга Торнтон и Эстелла прятались в тени под выступом скалы. Эстелла тоже страдала от жары. Торнтон устроил ее поудобнее, тронул ладонью ее лоб, и она улыбнулась ему потрескавшимися губами. Ей было плохо, и в эту минуту Торнтон был готов убить Мендосу голыми руками.

Дэйн занял позицию в середине. Он дал Кларрису попить воды, потом переместился к Торнтону и Эстелле. Даже Дэйн выглядел сейчас не особо бодрым. На лице его отросла густая щетина, нос и лоб были измазаны грязью. Запавшие глаза лихорадочно блестели. Сейчас он походил на беглого преступника.

– У нас есть шанс? – спросил Торнтон.

– Должен быть, и не один. Я попросил военный флот США перехватить «Либерии».

– Они могут сделать это?

– Несомненно. Они никого не арестуют, просто задержат корабль на день-другой, обыскивая на предмет водолазного снаряжения.

Торнтон, казалось, был сбит с толку. Дэйн пояснил:

– В оправдание они сошлутся на неисправности в телеграфной системе Карибского бассейна. Проблема в том, найдут ли они

«Либерио».

– А это так трудно?

– Да. Мы можем только предполагать, где он находится.

– Значит, «Либерио» все-таки может прийти сюда?

– Это возможно, – согласился Дэйн.

– А что насчет правительства Коруны?

– Они получили всю необходимую информацию. Я настоятельно порекомендовал им послать на Куэвру эсминец.

– Они сказали, что пошлют его?

– Они сказали, что рассмотрят этот вопрос. Вероятно, эсминец будет направлен сюда. Большой вопрос – когда. Вы должны помнить, Торнтон, что большинство стран, подвергшихся нападению, знало о планах противника заранее. Но это ничего им не дало. А спорный статус Куэвры довершит все остальное.

– Но они же не могут просто сидеть и ждать, когда их завоюют!

– Боюсь, что могут, – ответил Дэйн. – Мы просто не знаем, что они предпримут. Они могут отправить эсминец на Куэвру немедленно или могут обсуждать этот вопрос в парламенте в

течение трех следующих дней. Они могут послать солдат на побережье, ждать вторжения, а затем потребовать немедленных действий со стороны ООН. Или могут списать все происходящее на военную панику со стороны США. Очень трудно предсказать, что будет делать правительство, оказавшись перед лицом кризиса, и как долго это продлится.

– Радостные новости, – съязвил Торнтон. – А нам остается только торчать в этом пекле неизвестно сколько.

Дэйн кивнул. Похоже, ему было не привыкать торчать в пекле.

– Вы предприняли множество мер, – сказал Торнтон. – Почему же вы не попросили эмиграционное бюро задержать Мендосу подольше?

– Я не просил их об этом. Я просил их отпустить его.

– Зачем?

– Я хотел, чтобы он был схвачен на Куэвре, – пояснил Дэйн. – Пока он оставался в Майами, против него не было настоящих улик. Мы, конечно, докопались до Клэрриса и до компании «Делакур». «Майами-Юг», кажется, действительно ни при чем, хотя компания по перевозке грузов может оказаться замешанной в деле. Но против Мендосы у нас не было ничего. И оставь мы это дело так, Мендоса на следующий год начал бы планировать новую войну в другой стране и все началось бы сначала. Но захваченный здесь, за подготовкой к свержению правительства...

– Понятно, – сказал Торнтон. – А я и Эстелла спутали все планы.

– Вы ничего такого не сделали, – возразил Дэйн и неожиданно усмехнулся. – Не волнуйтесь об этом.

– И тем не менее я волнуюсь, – настаивал Торнтон. – Мы с Эстеллой оказались невероятно наивны, поверив мистеру Куалилье. Мы не должны были приезжать сюда.

– Забудьте об этом, – сказал Дэйн. – Если уж вы так ищите виноватого, то мне не следовало приезжать сюда за вами. Но мисс Варгас чувствует ответственность перед своим правительством, вы чувствуете ответственность за нее, а я отвечаю за вас обоих. Мы втянули друг друга в эту кашу, и теперь должны вытащить друг друга из нее. Я надеюсь...

Речь Дэйна прервал на полуслове глухой хлопок – как будто лопнул бумажный пакет. Наступило долгое молчание, затем в скалах в пятидесяти ярдах от них прогремел взрыв. Еще не утихло его последнее эхо, как вновь послышался глухой хлопок, и какой-то черный предмет взвился в небо, неспешно пролетел над их головами и взорвался в скалах.

– Вот почему Мендоса так медлил, – сказал Дэйн. – Он собирал миномет. Теперь нам точно придется плохо.

Сначала Торнтон не осознал всей опасности. Ему казалось, что миномет – это всего лишь еще один вид оружия, смертоносный, но не в большей степени, чем автомат. Было невероятно, чтобы появление на сцене миномета могло серьезно подорвать безопасность их укрытия.

Еще несколько мин разорвалось позади них. Минометчики целились в самый отдаленный пик, чтобы видеть разрывы. Теперь, пристрелявшись, они переместили огонь ниже, систематически осыпая снарядами маленький пятачок земли.

Через минуту «крепость» должна была превратиться в ловушку.

Кларрис покинул свою позицию и метнулся к остальным.

– Что нам теперь делать? – спросил он Дэйна.

– Ждать.

– Но мы не можем ждать! Нас закидают минами!

– Они не могут покрыть всю площадку одновременно, – возразил Дэйн. – Мы подождем, пока мины не станут падать на внешний склон. Тогда мы перебежим в дальний конец.

– Мы не сможем продержаться под минометным огнем, – сказал Кларрис.

– Нам больше ничего не остается. Если Мендоса нас схватит, то скорее всего расстреляет. Думаю, нам лучше некоторое время все-таки терпеть минометный обстрел.

Мины уже рвались рядом. Дэйн подал сигнал, и все бросились в дальний конец острова. Остановившись там, они смотрели, как минометный огонь выметает только что оставленную ими позицию.

– А когда обстрел переместится сюда, мы побежим обратно? – спросил Торнтон.

– Нет. Мендоса, вероятно, пошлет людей занять нашу «крепость». Лучше мы спрячемся за этими скалами.

В десяти футах за последним каменным завалом поверхность утеса резко обрывалась в море. Здесь они были в некоторой безопасности от минометного огня, но слабо защищены от атаки автоматчиков. Они смотрели, как минометные снаряды ввинчиваются в синеву неба и как мины перепахивают скалистый пятачок.

Дэйн заглянул за край обрыва, потом сказал:

– Думаю, отсюда можно спуститься.

Кларрис глянул вниз и покачал головой:

– На это нам потребуется по меньшей мере полчаса. И все эти полчаса мы будем великолепной мишенью для автоматчиков.

– Мы должны попытаться, – настаивал Дэйн. – Торнтон, вы первый. Потом мисс Варгас, потом Кларрис. Я пойду последним.

– А как насчет автоматчиков?

– О них не беспокойтесь.

– Вы случайно не планируете остаться здесь? – спросил Торнтон.

– Мои планы – это мое личное дело.

– Черт бы вас побрал! – вспыхнул Торнтон. – Дэйн, вы не можете так поступить.

– Я намерен это сделать. Не беспокойтесь, когда придет время, я смогу уговорить генерала. Мы друг друга понимаем. Возможно даже... – Он умолк и настороженно прислушался.

– Что случилось? – спросил Торнтон.

– Они прекратили стрелять из миномета.

Несколько секунд спустя они услышали голос Мендосы, слабо доносящийся издалека:

– Мистер Дэйн! Вы и ваши люди живы?

– Придите и посмотрите! – откликнулся Дэйн.

– Славный ответ, – сказал Мендоса. – Мистер Дэйн, вы великолепно организовали сопротивление. Поздравляю вас.

– Благодарю.

– Вы могли бы стать отличным пехотным лейтенантом. Но

стратегия – ваше слабое место. Вы никогда не позволяете себе попасть в безвыходное положение. Но вы рассуждаете неверно, мистер Дэйн.

– Признаю это.

– Если бы вы действовали иначе, я был бы рад еще поиграть с вами в кошки-мышки. Но теперь игра окончена. Я призываю вас сдаться.

– На каких условиях?

– Безоговорочно.

– Это меня не устраивает.

– Но так оно и будет, – заявил Мендоса. – Вы не в том положении, чтобы торговаться.

– Положение у нас отменное. Скалы обеспечивают нам достаточное прикрытие от минометного огня, а прямая атака вам ничего не даст.

– Мистер Дэйн, вы блефуете. Ваше положение безнадежно. Или мне послать людей вокруг острова, чтобы они расстреляли вас с тыла?

– У вас нет достаточного количества людей.

– У меня людей достаточно. Прибыл «Либерии».

– Не верю.

– Мы зря тратим время, – сказал Мендоса. – Можете влезть на одну из тех вон скал и убедиться. Обещаю, что никто не будет стрелять. Вы поверите моему слову хоть в этом?

– Конечно, – отозвался Дэйв. Он повернулся к Торнтону. – Как видите, генерал все еще исповедует кое-какие старомодные принципы ведения войны. Поэтому он выигрывает битвы, но проигрывает войны.

Дэйв положил свой автомат на землю и взобрался на макушку большого валуна. Несколько секунд он стоял там и его силуэт четко вырисовывался на фоне неба, потом спрыгнул вниз.

– Это «Либерии», – сказал он.

Неожиданно послышался треск автоматной очереди. Дэйв бросился на землю. Торнтон прислушался и понял, что стреляют где-то в отдалении. Он слышал голоса, выкрикивавшие что-то по-испански, слышал басовитый гудок парохода.

– Они стреляют не в нас, – сказала Эстелла. – Это по ту сторону скал. Мистер Дэйв, не могли ли люди генерала взбунтоваться против него?

– Возможно, – кивнул Дэйв. – Для Сантос-Фигуэра это идеальный

момент, чтобы взять верх.

– Но если это так, – вмешался Торнтон, – то что остается нам?

Дэйн пожал плечами:

– Давайте подождем и посмотрим.

Глава 31

В обеденном зале отеля «Клайтон» было холодно. Кондиционеры были включены на полную мощность, и, пока на улицах Майами царило сентябрьское пекло, постояльцам «Клайтона» могло показаться, что они находятся в зимнем Нью-Йорке.

Торнтон и Эстелла заняли столик на четверых. Стол был завален газетами. Они наскоро просматривали их одну за другой.

– Я не могу найти ничего, – пожаловалась Эстелла. – Возможно, об этом не сообщала пресса.

– Вполне могло быть, – согласился Торнтон. – Минутку, вот оно. На пятой странице.

– На пятой?!

– Боюсь, что так. Вот, слушай. «Попытка интервенции. Транспорт с большим отрядом вторжения на борту был перехвачен вчера в

прибрежных водах у побережья Коруны. Перехват производился корунийским эсминцем „Ла Сала“ под командованием капитана Эрнесто Родригеса. После того как „Либерии“, корабль интервентов, был захвачен, капитан Родригес проследовал на конфискованном судне на остров Куэвра, где налетчики должны были получить оружие и боеприпасы. Еще несколько интервентов были захвачены на Куэвре после короткой стычки. О жертвах сообщений нет. Предполагается, что обучение армии интервентов проходило на Кубе, в провинции Ориенте. Правительство Коруны назвало попытку вторжения „несерьезной угрозой“. Кубинскому правительству был заявлен формальный протест».

– Но это же все неправда! – воскликнула Эстелла. – Интервенты были из Доминиканской Республики, и это было очень серьезно. Если бы эсминец не наткнулся на «Либерии», сейчас в Коруне бушевала бы война.

Торнтон кивнул, вырвал заметку из газеты и положил ее в свой бумажник. Его кофе уже остыл.

– И они не упомянули ни мистера Дэйна, ни генерала Мендосу, – продолжала Эстелла. – Они не упомянули даже нас!

– А это тебя тревожит?

– Конечно, нет. Но я не понимаю, почему вся слава должна достаться этому капитану Родригесу. Он просто выполнял приказ. Он на самом деле и не принимал почти никакого участия во всем этом деле.

– Забудь, – посоветовал ей Торнтон. – Он спас нам жизнь.

– Знаю. Он теперь герой. Но газеты должны были рассказать обо

всем открыто. Как ты думаешь, что теперь будет?

– Ну, Клэрису, наверное, позволят тихо уйти на пенсию. Генерал Мендоса пойдет под суд. Уж обвинений против него хватает: и контрабанда, и революционная деятельность. Лет десять или пятнадцать тюрьмы ему обеспечено.

– И это все?

– Боюсь, что так.

– А разве он не пытался совершить убийство?

– Я так не думаю, – ответил Торнтон. – Полагаю, что, когда человек возглавляет армию, это не называют убийством.

– Все это очень нечестно, – сказала Эстелла. – А мистер Куалилья? Как поступят с ним?

– Думаю, никак. В чем его можно обвинить?

Эстелла горько вздохнула:

– Это самая нечестная вещь из всех. А мистер Дэйн ничего не может с ним сделать?

– Кажется, Дэйн этим совершенно не интересовался. Он сказал, что всегда остаются оборванные концы. И перед отъездом он

пожелал нам счастья.

– Наверное, он сейчас уже в Вашингтоне, – сказала Эстелла.

– Наверное.

На миг Торнтону вспомнился Дэйн, каким он был в международном аэропорту Майами – высокий, спокойный, он пытался выглядеть точно так же, как сотни других пассажиров, но это ему не удавалось. Теперь, когда все было позади, Дэйн чувствовал себя немного неловко и потому держался натянуто и холодно. Его часть работы была закончена, его не интересовали подробности, он не хотел рассуждать о том, что могло бы быть, если бы...

На прощание Дэйн сказал:

– Все было бы гораздо проще, если бы этот осел Родригес в точности выполнил приказ. Ему было приказано отправляться прямо на Куэвру, но он решил сперва поохотиться на «Либерии». Ну что ж... Счастья вам, Торнтон. Она чудесная девушка. Счастья вам обоим.

Дэйн небрежно пожал руку Торнтону, как будто прощался с малознакомым человеком. А потом пошел к самолету.